САРАТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Научный журнал
2010 Том 10

Серия Филология. Журналистика, выпуск 4

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918 и «Ученых записок СГУ» 1923–1962

Издается с 2001 года

Решением Президиума ВАК Министерства образования и науки РФ журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертационных исследований на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Лингвистика

Евтушенко О.В. Типы мышления и их лексический инструментарий 3
Иванча А.В. Прилагательные со значением интенсивности в русском языке 9
Байкулова А.Н. Дружеское общение в парадигме обыденного общения 12
Дегальцева А.В. Способы выражения адвербиального признака в разных сферах общения 18
Бульина Ю.В. Условия общения, повышающие риск коммуникативной неудачи при использовании языковой игры 26
Ившина Т.П. Наречия как лингвистические маркеры прецедентности текста (на материале повести Н.В. Гоголя «Невский проспект» и стихотворения А.С. Пушкина «К***») 31
Еськова Е.Г. Интеллектуализация перифраз известных лиц в современных медийных текстах 37
Викторова Е.Ю. Вспомогательные коммуникативные единицы в политическом дискурсе: проблемы перевода (на материале русского и английского языков) 40
Артамонова Л.Н. Гидронимы Квебека как отражение исторического и культурного достояния нации 48

Литературоведение

Горбатов М.А. Феномен древнерусского юродства в художественном пространстве романа М.Н. Загоскина «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» 53
Петрушина А.А. От романтизма к постмодернизму: новелла В. Ирвинга «Легенда о сонной лощине» (1819) и киноверсия Тима Бартона «Сонная лощина» (1999) 59
Романова Ю.А. Национальная идентичность в повести «Родинка» Лу Андреас-Саломе 63
Курило Ю.И. Идейно-художественная функция запаха в поэтике рассказов З. Гиппиус («Яблони цветут», «Мисс Май» и другие) 70
Ермилова Ю.Н. Концепция природы в поэме М.И. Цветаевой «Автобус» 74
Алтынбаева Г.М. «Художник и человек в одном лице»: к вопросу о соотношении и взаимодействии биографического и художественного начал в творчестве А.И. Солженицына 77
Ишекова С.А. Эпиграф как форма диалога автора и читателя: на материале романа Л. Улицкой «Казус Кукоцкого» 81

Сведения об авторах 85

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор
Коссович Леонид Юрьевич

Заместитель главного редактора
Усанов Дмитрий Александрович

Ответственный секретарь
Клоков Василий Тихонович

Члены редакционной коллегии
Аврус Анатолий Ильич
Аксеновская Людмила Николаевна
Аникин Валерий Михайлович
Бучко Ирина Юрьевна
Вениг Сергей Борисович
Волкова Елена Николаевна
Голуб Юрий Григорьевич
Дыльнов Геннадий Васильевич
Захаров Андрей Михайлович
Комкова Галина Николаевна
Лебедева Ирина Владимировна
Левин Юрий Иванович
Монахов Сергей Юрьевич
Орлов Михаил Олегович
Прозоров Валерий Владимирович
Прохоров Дмитрий Валентинович
Смирнов Анатолий Константинович
Федотова Ольга Васильевна
Федорова Антонина Гавриловна
Черевичко Татьяна Викторовна
Чумаченко Алексей Николаевич
Шатилова Алла Валерьевна
Шляхтин Геннадий Викторович

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

Главный редактор
Прозоров Валерий Владимирович

Заместитель главного редактора
Иванюшина Ирина Юрьевна

Ответственный секретарь
Клоков Василий Тихонович

Члены редакционной коллегии
Борисов Юрий Николаевич
Кабанова Ирина Валерьевна
Раева Александра Васильевна
Сиротинина Ольга Борисовна

Зарегистрировано
в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № 77-7185 от 30 января 2001 года

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Журнал принимает к публикации общетеоретические, методические, дискуссионные, критические статьи, результаты исследований по всем научным направлениям.

К статье прилагаются сопроводительное письмо, внешняя рецензия и сведения об авторах: фамилии, имена и отчества (полностью), рабочий адрес, контактные телефоны, e-mail.

1. Рукописи объемом не более 1 печ. листа, не более 8 рисунков принимаются в редакцию в бумажном и электронном вариантах в 1 экз.:

а) бумажный вариант должен быть напечатан через один интервал шрифтом 14 пунктов. Рисунки выполняются на отдельных листах. Под рисунком указывается его номер, а внизу страницы – Ф.И.О. автора и название статьи. Подрисуночные подписи печатаются на отдельном листе и должны быть самодостаточными;

б) электронный вариант в формате Word представляется на дискете 3,5 или пересылается по электронной почте. Рисунки представляются в виде отдельных файлов в формате PCX, TIFF или GIF.

2. Требования к оформлению текста.

Последовательность предоставления материала: индекс УДК; название статьи, инициалы и фамилии авторов, аннотация и ключевые слова (на русском и английском языках); текст статьи; таблицы; рисунки; подписи к рисункам; библиографический список.

В библиографическом списке нумерация источников должна соответствовать очередности ссылок на них в тексте.

Ведущий редактор
Бучко Ирина Юрьевна

Редактор
Митенёва Елена Анатольевна

Художник
Соколов Дмитрий Валерьевич

Верстка
Багаева Ольга Львовна

Технический редактор
Агальцова Людмила Владимировна

Корректор
Крылова Инна Геннадиевна

Адрес редакции
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Издательство Саратовского университета

Тел.: (845-2) 52-26-89, 52-26-85

E-mail: Philology@sgu.ru

Подписано в печать 22.11.10.
Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 9,98 (10,75).
Уч.-изд. л. 10,4.
Тираж 500 экз. Заказ 96.

Отпечатано в типографии
Издательства Саратовского университета

© Саратовский государственный университет, 2010

CONTENTS

Scientific Part

Linguistics

Evtushenko O.V. Types of Thought and Their Lexical Tools 3
Ivancha A.V. Intensifying Adjectives in the Russian Language 9
Baikulova A.N. Communication of Friends Within the Paradigm of Everyday Communication 12
Degaltseva A.V. Adverbial Characteristic Means of Expression in Different Fields of Communication 18
Buljina Yu.V. The Conditions of Communication Increasing the Risk of Communicative Failure while Using Language Game 26
Ivshina T.P. Adverbs as the Lingvistic Markers of the Text's Precedent (based on the Storey «Nevsky Avenue» by N.V. Gogol and the poem «To ***» by A.S. Pushkin) 31
Eskova Ye.G. Intellectualization of Periphrases of Famous Persons in Modern Media Texts 37
Viktorova Ye.Yu. Secondary Communicative Units in Political Discourse: the Problem of Translation (Based on the Russian and English Language Sources) 40
Artamonova L.N. The Quebec's Hydronyms as the Reflection of Historical and Cultural National Heritage 48

Literary Criticism

Gorbatov M.A. Old Russian Feeble-Mindedness Phenomenon in the Fiction Space of the Novel «Yuri Miloslavsky, or Russians in 1612» by M.N. Zagoskin. 53
Petrushina A.A. From Romanticism to Postmodernism: W. Irving's Novel «The Legend of the Sleepy Hollow» (1819) and Tim Burton's Film Version «The Sleepy Hollow» (1999) 59
Romanova Yu.A. National Identity in the short novel «Birthmark» by Lou Andreas-Salome 63
Kurilo Yu.I. Idea and Fiction Related Function of Smell in the Poetics of Short Stories by Z. Gippius («Apple Trees in Blossom», «Miss May» and other) 70
Yermilova Yu.N. The Concept of Nature in the Poem by M. Tsvetayeva «Bus» 74
Altynbaeva G.M. «An Artist and a Human Being as One Entity»: to the Question of the Correlation and Interaction of the Biographical and Fictional Principles in the Creative Work of A.I. Solzenitsyn 77
Ishekova S.A. The Epigraph as a Form of Dialogue of the Author and the Reader: Based on «Kukotsky Mishap» by L. Ulitskaya 81

Information about the Authors 85

ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.161.1'373;159.955

ТИПЫ МЫШЛЕНИЯ И ИХ ЛЕКСИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ

О.В. Евтушенко

Московский государственный лингвистический университет
E-mail: ovae@list.ru

Статья посвящена проблеме построения типологии сознания и мышления по данным языка. Рассматриваются особенности синхронного и диахронного употребления слов *закон, конституция, право* в художественной и философской речи, а также приводятся экспериментальные данные, позволяющие выявить особенности преломления соответствующих знаний обыденным сознанием. Делается вывод о том, какие качества необходимы категориям, субкатегориям и гиперкатегориям для того, чтобы удовлетворять потребности определенных типов мышления.
Ключевые слова: тип мышления, художественная речь, философский дискурс, обыденное сознание, категория базового уровня, обобщающая категория, субмодель.

Types of Thought and Their Lexical Tools

O.V. Evtushenko

This article is dedicated to the development of typology of consciousness on the basis of the linguistic data. Examines the features of synchronic and diachronic usage of words «law», «constitution», «legal system» in literary and philosophical discourse, and also introduces the experimental data, which allow to reveal the peculiarities of the reflection of corresponding fields of knowledge by ordinary consciousness. The author draws a conclusion as to which qualities are necessary for categories, subcategories and hypercategories in order to meet the requirements of certain forms of thinking.
Key words: types of thought, literary discourse, philosophical discourse, everyday consciousness, category of the base level, generalizing category, submodel.

НАУЧНЫЙ ОТДЕЛ

Когнитивно-дискурсивная парадигма, о которой Е.С. Кубрякова[1] заявила как о яркой примете лингвистической науки нового тысячелетия, предусматривает изучение разных типов мышления по их отражению в речи. На зависимость характера мышления от вида человеческой деятельности и на то, что эта связь отражается в языке, указывал еще А.А. Потебня[2]. Впоследствии венгерский философ Д. Лукач[3] дал тонкое, но не получившее заметного отклика у лингвистов разграничение «способов отражения мира», которое мы считаем необходимым рассмотреть с позиций современной когнитивной науки.

Д. Лукач намечает дифференциальные признаки основных форм познания – науки, искусства и обыденного мышления. Одной из отличительных особенностей научного мышления ученый называет стремление к предельно возможной объективации, или «дезантропоморфизму». «Научный тип отражения действительности, – пишет Д. Лукач, – связан с дезантропоморфизацией как объекта, так и субъекта познания… субъекта, поскольку он строил свое отношение к действительности так, чтобы непрерывно контролировать свои собственные наблюдения, представления, понятия везде, где только могут возникнуть антропоморфные искажения объективного восприятия действительности»[4]. Такой способ мышления стремится к созданию формальных структур, или «символических форм», как их называл Э. Кассирер[5].

Значимым для характеристики эстетического отражения является, по Д. Лукачу, его способность фокусироваться на эмоциогенных сущ-

© О.В. Евтушенко, 2010

ностях. Эмоциональный отклик обеспечивается непосредственно-опосредованным характером отражения. Эстетическое мышление, как пишет Д. Лукач, «превращает последовательности мыслей в эвокативные цепочки эмоций и тем самым способствует поэтическому воплощению в языке напряженности между представлением и понятием»[6]. Вместе с тем искусство остается антропоморфистским типом отражения, и по этому признаку оно противопоставлено науке. Важной чертой эстетического мышления Д. Лукач называет особый характер обобщения. Если научное мышление стремится к созданию универсальных форм, к выведению всеобщих закономерностей, то эстетическое – направлено на частный предмет, на его возвышение до типического. Как поясняет ученый, «особенное является здесь – будучи серединой – исходной и конечной точкой» движения от всеобщего к единичному и обратно[7].

К отличительным признакам обыденного мышления Д. Лукач относит инерционность, непосредственный характер отражения и расплывчатость его результатов. Инерционность, или стабильность, проявляется в устойчивости сформировавшихся структур знания, непосредственность – в слабо выраженной способности к абстрагированию, следствием чего является отсутствие «завершенных объективаций», или «формальных структур», какие создают наука и искусство, и это делает результаты отражения расплывчатыми. Как замечает Д. Лукач, расплывчатость и окостенелость – полярные тенденции, которые организуют обыденное мышление.

Работа Д. Лукача носит общетеоретический характер, гипотеза не подтверждена лингвистическим материалом, что мы и собираемся исправить. Кроме того, в ней не определено место философского мышления, которое Ж. Делез и Ф. Гваттари[8] противопоставляют научному. Философское мышление, несмотря на претензию философии на роль царицы наук, остается антропоморфистским. Кроме того, оно направлено не только на действительность, но и на язык, поэтому вслед за Г. Гадамером можно утверждать, что существует «загадочная близость»[9] между языком философии и поэзии.

Из того, что в число отличительных для типов мышления признаков входит характер обобщения, следует тривиальный вывод о том, что слова и отдельные лексико-семантические варианты, находящиеся в гипонимически-гиперонимических отношениях, будут в большей мере пригодны для одного типа мышления и в меньшей – для другого. Однако реальное распределение ролей в категориальной иерархии оказывается не столь тривиальным, и мы покажем это на примере лексической группы *закон, конституция, право*.

Слова *закон, конституция, право* занимают три ступени категориальной лестницы. *Закон* является хорошо структурированной категорией базового уровня[10]. Уровнем выше располагается *право*, более низкий подуровень занимают *конституция, указ, постановление, распоряжение*. Распределение лексико-семантических вариантов указанных слов, связанных гипонимически-гиперонимическими отношениями, в трех типах речи, по данным Национального корпуса русского языка[11], приведено в таблице.

Распределение рассматриваемых значений слов *закон, конституция, право* в художественной, философской и устной неподготовленной речи

Лексема / Тип речи	Закон 2		Конституция 1		Право 1	
	на 1 млн слов	экспрессивные формы, %	на 1 млн слов	экспрессивные формы, %	на 1 млн слов	экспрессивные формы, %
Художественная речь	69	1,4	7	7,3	0,1	0
Устная неподготовленная речь	51	0	0	0	0	0
Философский дискурс	274	0,7	29	0	82	12

Низкая частотность слов *закон, конституция, право* в устной и художественной речи определяется их «дезантропоморфизмом», на который указывает достаточно регулярное противопоставление *закона* и *права* антропоморфистским категориям – *совести, морали, жалости*, например: – *Вы видите, – сказал доктор в заключение, – что от вас зависит, как поступить – «по закону» или «по человечеству»* (Грин. По закону)[12]. Философское мышление проявило бо́льшую способность отвлекаться от человека. Предсказуемым оказалось и преобладание во всех типах речи над словами *конституция* и *право* слова *закон* как имени категории базового уровня. Наиболее интересным является тот факт, что художественная речь безошибочно обнаружила и реализовала особый экспрессивный потенциал слова *конституция*, не востребованный другими типами речи.

«Переживаемость» понятия *конституция* можно объяснить его ролью субмодели – так Дж. Лакофф[13] называет метонимические модели, которые задают когнитивные точки отсчета внутри категории, т.е. в категории *закон* выделяется субмодель *Основной Закон*. В отрыве от реального

воплощения, как идеализированная когнитивная модель сама по себе, субмодель проявила способность смешиваться с другим типом метонимических моделей – идеалом, или структурировать воображаемую действительность, придавая ей характер идеальной. На это указывают контексты употребления слова *конституция*. В художественной прозе XVIII – начала XX вв. оно нередко обозначает объект желаний, стремлений: – *Что выиграет народ от буржуазной конституции, за которую вы боретесь?* (Степняк-Кравчинский. Андрей Кожухов); *Он не прочь получить небольшую конституцию или хотя бы маленький орденок* (Горький. Мужик); – *Конституции желали, не правда ли? Все мы в молодости желали конституции. Не угодно ли?* (Сологуб. Мелкий бес). В толкование *конституции* включаются субъективные смыслы, такие как «инструмент организации идеальной жизни»: *Смысл каждой конституции таков: всякий в дому своем благополучно да почивает!* (Салтыков-Щедрин. История одного города). С реальной конституцией связывают чувство гордости, с воображаемой – восторга: *Они горды – и всего более гордятся своею конституциею* (Карамзин. Письма русского путешественника); *Веригины серые глаза засветились тихим восторгом. – Конституция без парламента! – мечтательно сказал он* (Сологуб. Мелкий бес). То, что эмоциональная окраска слова *конституция* связана не с его смысловым наполнением, а с условиями функционирования, в числе первых отметил А. Белый: *...Конституция представлялась не столько мне в определеньях посредством понятий, сколь* ***в выездах*** *Муромцева, Ковалевского, Чупрова, Иванюкова* ***во фраках****...* (На рубеже двух столетий).

Конституция выступает не только в роли эталонной субмодели (ср.: *проверить закон на соответствие Конституции*). Это слово могло в определенных контекстуальных условиях приобретать сопоставительные свойства, определяющие весовой коэффициент значимости: *Но ведь я у него не конституции прошу, а покровительства Императорского музыкального общества для моей школы* (Горький. Жизнь Клима Самгина). Эталонность по нескольким основаниям повышает эмотивный потенциал слова.

Как любое нарушение эмоциональной нормы, к тому же лишенное рациональных оснований, связанная с *конституцией* экзальтация породила в третьей четверти XIX – начале XX вв. предсказуемую потребность противодействовать ей. На первом этапе, когда комическое переосмысление коллективного идеала еще не имело шансов на успех, внимание оказалось направленным на отрыв означающего от означаемого. Подчеркивалось, что чрезмерно позитивное отношение к слову *конституция* продиктовано модой на заимствования: *Спрашивал я у него мудреных слов для писательства! Сообщил мне, и даже сам собственноручно написал на бумажке. Совершенно согласен со мной, что писателем, не знавши мудреных слов, сделаться нельзя. Вот эти мудреные слова: жупел, прокламация, геенна, инициатива, алектор, нигилист, рипида, вампир, социализм, альфа и омега,* ***конституция****, астролябия, анатомия, коммуна, инсургент...* (Лейкин. Из записной книжки отставного приказчика Касьяна Яманова).

Основанием для объединения слов в приведенном перечислительном ряду служит только их семантическая непрозрачность для большинства носителей русского языка во второй половине XIX в. Полное несоответствие означаемого означающему обыгрывается в продолжении приведенного отрывка: *Жена у него ведьма, то есть такая астролябия, что беда! Напьются они за ужином этой самой коммуны (рюмок по десяти выпьют) и начнется у них прокламация – в кровь раздерутся. Сынишко тоже инсургент изрядный: подобрал к кассе ключ и каждый день запускает туда свою* ***конституцию****. Франков тысячи две выудил. Теща у него скотина и такая, можно сказать, инициатива, что чрез нее один приказчик с кругу спился.*

Комический характер усиливается при смешении в перечислительном ряду заимствованных и исконных слов: *Регент, по прозванию* ***Капелла*** *(он же* ***Редакция****,* ***Конституция*** *и* ***Мелочная лавочка****), употреблял его как стенобитную машину, как хоровой таран* (Помяловский. Очерки бурсы).

Впоследствии слово все чаще попадает в контексты, разоблачающие подмену понятий, в том числе в высказывания снижающего иронического характера: – *Отчего это вам так вдруг науки захотелось? А может, хотите конституции? Или, может, севрюжины с хреном?* (Чехов. Володя большой и Володя маленький); *Ты тоскуешь потому, что твоя собственная жизнь тебя не ласкает, а вовсе не по конституции!* (Арцыбашев. Санин). Удается создать иконический образ обманчивых поверхностных связей, приводящих к ложным заключениям о сущности конституции: *А* ***Конститу****ция эта, сказывают, супругой приходится государю, то бишь цесаревичу* ***Конста****н****ти****ну* (Садовский. В двадцать пятом году). Парономазия обнаруживает внешнее сходство при отсутствии какого бы то ни было смыслового соответствия.

В начале XX в. максимально раскрывается выразительный потенциал слова *конституция*. Заметно расширяется его сочетаемость: *Все эти люди желали встать над действительностью, почти все они были беспартийны, ибо опасались, что дисциплина партии и программы может пагубно отразиться на своеобразии их личной «****духовной*** *конституции»* (Горький. Жизнь Клима Самгина). Активно используется метонимический сдвиг с Основного Закона государства на действующую в отдельном учреждении систему требований, неукоснительно соблюдаемые правила, например: *По* ***конституции салона****, воду подогревала в таких случаях Жюльетт* (Алданов. Пещера). Здесь актуализируется смысл «госу-

дарство в государстве», благодаря чему аналогия становится двойной. Появляются метафорические контекстуальные значения, добавляются новые сочинительные связи, эмоционально-оценочное значение слова *конституция* позволяет ему участвовать в построении градации: *Пусть это будет наш* ***брачный контракт****, или, если хочешь, наша* ***конституция****, или еще: первая* ***глава в катехизисе*** *любви* (Куприн. Колесо времени).

Писатели обыгрывают сложившиеся ассоциативные связи слова, эксплицируя их с помощью омиоптота и рифмы: *Она все заботится о конститу****ции****, оревол****юции*** (Горький. Жизнь Клима Самгина), а также устанавливают новые: *Отцы их доказывали эвол****юцию*** *по Спенсеру и конститу****цию*** *по Ковалевскому* (Белый. На рубеже двух столетий). Концевое созвучие подобно паронимической аттракции: оно так же «рематично».

Некоторые высказывания о *конституции* оказывают столь сильное эмоциональное воздействие на реципиента, что прочно врезаются в память. Впоследствии они становятся основой для создания аллюзий. Так, например, цитированное выше ироническое высказывание А.П. Чехова, постепенно трансформируясь в новых контекстуальных условиях, способствует появлению новых сочинительных и подчинительных связей у рассматриваемого слова: *– Вы, Самгин, уверены, что вам хочется именно конституции, а не севрюжины с хреном?* (Горький. Жизнь Клима Самгина); *В меню у них – гурьевская каша, белужий бок,* ***конституция с хреном*** (Зорин. Юпитер); *Как весь наш несчастный народ, который, как дитя малое, не знает, не понимает, что ему надо:* ***соленых огурцов или конституции****?* (Щербакова. Не бойтесь! Мария Гансовна уже скончалась). Нетрудно заметить, что выбранное А.П. Чеховым в качестве альтернативы блюдо так же, как и конституция, располагалось на высшем уровне ценностной шкалы. В тексте Г. Щербаковой, относящемся к началу XXI в., предлагается уже грубо бытовая альтернатива, но комический эффект от несоответствия аксиологических характеристик сопоставляемых реалий не усиливается, что говорит о преодолении осмысления *конституции* как идеала.

Анализ аллюзий показывает, что обычно запоминаются не целостные высказывания, а комбинации «выделяющихся» слов – мы называем их инструментами «точечной интенсификации». Помимо *конституции* и *севрюжины* к ним относятся слова *тоска, наслаждение* и др. Интересно проследить, как М. Горький запоминает фрагмент модного в начале XX в. романа М.П. Арцыбашева «Санин», ср.: *Ведь не поверю же я, что тебя больше гложет* ***тоска по конституции****, чем по смыслу и интересу в собственной твоей жизни…* (Арцыбашев. Санин) и *Чем же и как поможет* ***конституция смертной-то скуке*** *твоей?* (Горький. Жизнь Клима Самгина). В подобных случаях нельзя говорить об интертекстуальных включениях, поскольку нельзя быть уверенными, что такие заимствования вообще осознаются, можно только констатировать воспроизведение простых и комбинированных сочетаний эмоциогенных слов.

До 90-х годов XX в. слово *конституция* достаточно редко использовалось в художественных текстах в своем втором (или, по другим данным, омонимическом[14]) значении – «Строение, структура (спец.)»[15]. В Национальном корпусе русского языка за предшествующий период, начиная с XVIII в., отмечено всего 12 употреблений, из них 6 – в одном тексте. Тем более не приходится говорить об участии полисемии в создании стилистических приемов. Положение резко меняется после установления демократической власти: за пять лет, с 1995 по 2000 гг., зафиксировано столько же употреблений второго значения слова *конституция*, сколько за двести лет перед этим. Был освоен еще один источник экспрессии – каламбур: *– От* ***конституции****, сударик мой, зависит сие, и не только от сталинской, но и от собственной органомической* (Лазарчук, Успенский. Посмотри в глаза чудовищ); *С годами жена приобрела весьма громоздкие габариты, которые уже не зависели от обилия или скудности ежедневной пищи, – собственная* ***конституция*** *есть высший закон не только для страны* (Чулаки. Новый аттракцион). Все это говорит о переходе *конституции* из разряда идеалов в разряд реалий окружающего человека мира, на котором, как известно, лежит печать антропоморфизма.

Изменение аксиологических характеристик слова подчеркивается его сочетаемостью. В конце XX – начале XXI вв. оно оказывается контекстуально связанным со словами, имеющими семантику деструктивности: *В руке держу несколько экзаменационных билетов по ботанике,* ***конституции и взрывному делу*** (Битов. Глухая улица). Рематический характер такому соединению придает рифма: *Готовясь к высочайшим смотрам, друг Свободы солдатам спуску не давал; полковником владела рифма: «экзекуция» и «конституция»* (Давыдов. Заговор, родивший мышь). Авторы уже не довольствуются комическим снижением, они методично закрепляют негативные ассоциации.

Функция средства «точечной интенсификации», присущая слову *конституция*, наиболее очевидным образом реализуется в восклицательных предложениях, где оно появляется достаточно регулярно. При этом эмоция, выражаемая восклицанием, к середине XX в. сменилась с положительной на отрицательную, с восторга на раздражение, ср.: *Смысл каждой конституции таков: всякий в дому своем благополучно да почивает!* (Салтыков-Щедрин. История одного города); *– Ура, Константин! –* ***Ура****, конституция! Сухозанет, багровый от гнева, поворачивает коня* (Тынянов. Кюхля); *Конституция! – раздавалось* ***восторженно*** *и тут и там* (Телешов. Начало конца) и *Чуть что – конституция. Налог перебрали – конституция! В районный центр понапрасну*

вызвали, от работы оторвали – конституция! (Шпанов. Ученик чародея).

Интересно проследить, как для поддержания аксиологических характеристик слова *конституция* использовалась заглавная буква. В XVIII и XIX вв., пока категория относилась к разряду идеалов, в заглавной букве не было необходимости. Как единичное явление она обнаружена нами у В.Я. Брюсова: *Статья сорок четвертая той же Конституции Императора Карла говорит прямо: «Item, если кто прибегает к сомнительным вещам, действиям и поступкам, которые в себе заключают волшебство, и если это лицо в таковом также обвиняется, этим дается явное указание на волшебство и достаточное основание для применения пытки»* (Огненный ангел). Использование заглавной буквы для выделения идеалов и символов было характерным для символистов графическим приемом, так что ее появление у В.Я. Брюсова закономерно. После принятия в 1936 г. сталинской Конституции выбор строчной или заглавной буквы стал определяться референтными свойствами слова: при конкретно-референтном употреблении слова *Конституция*, т.е. при указании на новый Основной Закон страны, использовалась заглавная буква, в чужой речи, в частности при актуализации означающего, а не означаемого – строчная, ср.: *Хотя бы вот в таком деле, как это, разве не долг Грачика искать пути к обеспечению гарантий, провозглашенных* ***К****онституцией, и для тысяч людей, оторванных от родины, для людей, ставших игрушкою враждебных сил?* и *...Чуть что –* ***к****онституция. Налог перебрали –* ***к****онституция! В районный центр понапрасну вызвали, от работы оторвали –* ***к****онституция!* (Шпанов. Ученик чародея). Выбор разного графического оформления показывает, что, получив реальное воплощение, категория перешла из разряда идеалов в разряд субмоделей, каковой она и является, но сохранение статуса идеала стало частью государственной идеологии. Неприятие подобного раздвоения сознания выражалось в последовательном использовании строчной буквы: *Мы обедали и слушали доклад Сталина о* ***к****онституции* (Олеша. Книга прощания); *Здесь можно было творить что угодно, <...> ржать, когда упоминали о* ***к****онституции («И ты еще, болван, веришь в нее!» Это действовало как удар в подбородок), – это все было вполне в правилах этого дома* (Домбровский. Факультет ненужных вещей). В 80-е годы XX в. заглавная буква начинает употребляться последовательно при указании на Основной Закон независимо от референциального статуса и аксиологических характеристик слова: *Сошнин в это время подлещика подсек, повел его, сердечного, к берегу – милиция он на службе, а тут зять и рыбак и тоже, как и все советские люди и граждане, имеет право не только на труд, но и на отдых – по* ***К****онституции* (Астафьев. Печальный детектив). Несоответствие графического облика слова *конституция* контекстуальному окружению, имеющему отчетливо бытовой характер, свидетельствует о выработавшемся автоматизме употребления в этом слове заглавной буквы. С 90-х годов XX в. слово стало мало употребляться в художественной речи конкретно-референтно, и как общее понятие, к тому же наделенное в некоторых контекстах отрицательными коннотациями, оно пишется теперь со строчной буквы.

Предпринятое нами исследование показывает, что объяснение изменений аксиологических характеристик слова *конституция* только социально-историческими причинами было бы непростительным невниманием к особенностям процесса познания. Смена позитивной редукции альтернативной в процессе познавательной деятельности имеет, по нашим наблюдениям, закономерный характер (она проявилась и в других исследованных нами концептах, в частности таких, как *любовь, радость, государство*). Позитивной редукцией концепта мы называем преувеличение доли положительных свойств воплощаемой в нем сущности на начальном этапе ее познания. Альтернативная редукция – это смещение внимания на отрицательные свойства реалии, влекущее за собой игнорирование ее достоинств. На примере использования заглавной буквы в слове *конституция* мы убедились, что попытки затормозить этот процесс или обернуть его вспять оканчиваются неудачей. Предположение о том, что должно последовать за альтернативной редукцией, можно сделать на основании полученных на другом материале знаний об эволюции концептов: обычно фокус внимания смещается на субкатегорию, на вышестоящую категорию или на смежное по тому или иному основанию понятие.

Конституция представляет собой прекрасный образец особенного, сочетая в себе единичность (на нее указывает заглавная буква) и всеобщность. Проявлением последней служит, например, способность предикативной части со словом *конституция* вступать в сопоставительную связь с предикативной частью с ремой *человечество*: *...Если говорить о человечестве, то что значат все наши усилия, конституции и революции* (Арцыбашев. Санин). Принадлежность к классу особенного – это как раз то свойство, на которое Д. Лукач указывал как на необходимое для объекта эстетического отражения.

Слово *закон* тоже оказалось способным к расширению сочетаемости, к персонификации и каламбуру. Вот несколько примеров: *– Но это* ***закон*** *природы! – пожал плечами Владимир Иванович <...> – И смертная казнь есть* ***закон****. А от кого исходит этот* ***закон*** *– все равно ... от природы или иной власти. И тем тяжелее, что со всякою иною властью бороться можно, а с природой и бороться нельзя* (Арцыбашев. Подпрапорщик Гололобов); *Чиновник суть* ***законоед****, он* ***законы жрет****. – Какие законы? – Законы? Это значит – обычаи <...>. – Живут люди, живут*

и согласятся: вот эдак – лучше всего, это мы и возьмем себе за обычай, поставим правилом, законом! Примерно: ребятишки, собираясь играть, уговариваются, как игру вести, в каком порядке. Ну, вот уговор этот и есть закон! – А чиновники? – А чиновник озорнику подобен, придет и все ***законы порушит*** (Горький. Детство); *Он создал – графически – формулу, чтоб доказать,* ***что закон – для сохранения закона – надо обходить****: он мелом рисовал круг на полу, замкнутый круг закона, и показывал опытно, что, если ходить по этой меловой черте, по закону, – подметки стирают мел, – и, чтоб цел остался мел, – закон, – надо его обходить* (Пильняк. Третья столица). Однако, имея нечеткую аксиологическую характеристику, исторически сложившуюся под влиянием то противопоставления, то нейтрализации значений «закон божеский» и «закон человеческий», и не будучи эмоциогенным, слово *закон* почти не порождает восклицательных высказываний и совсем не порождает аллюзий. Если оно и входит в цитаты, то лишь в тематическую, а не в рематическую часть, как например: *«Какой слог!.. Какая истина!.. Прочти эту повесть: она разогреет и твое холодное сердце… Законы осуждают Предмет моей любви; Но кто, о сердце! может Противиться тебе! О, как это справедливо! Милый Карамзин!»* (Загоскин. Искуситель). Не случайно экспрессивные возможности слова *закон* мало используются художественной речью и почти не замечаются философским дискурсом. Последний ограничивается в основном различением заглавной и строчной буквы в его написании: *И тот еще идолопоклонник, кто не поклоняется Долгу,* ***З****акону, Правде и Порядку, а поклоняется золоту и почестям <…> из всех усилий общества один и тот же вывод: долг,* ***з****акон, правда, порядок* (Хомяков. Несколько слов о «Философическом письме», напечатанном в 15 книжке «Телескопа»).

Слово *право* появляется в художественной речи уже в первой трети XIX в., но только в контексте указания на научный или философский дискурс как на сферу его функционирования: *А ныне у вас математики чистые, да прикладные, да живые языки, как вы их называете, да право* ***римское****, да то, другое, третье право… так что, право, от одного вычисления этих прав язык устанет* (Сомов. Сватовство); ***Наука*** *права рассматривает государство и власть, как древние рассматривали огонь, – как что-то абсолютно существующее* (Толстой. Война и мир); ***Гегель*** *в отношении права, нравственности и государства говорит, что истина этих предметов достаточно ясно высказана в положительных законах* (Писемский. Масоны). Контекстуальные корреляции этого слова имеют настолько общий, умозрительный характер (*предмет, практическое выражение абсолютной истины*), что оказываются семантически непрозрачными. Отношение носителей языка к понятию, не имеющему опоры на ментальный образ, или гештальт, передано с помощью приведенного выше каламбура О.М. Сомова: скольжение смыслов в означающем имитирует расплывчатость означаемого. Этим, собственно, и ограничивается эмоционально-экспрессивный потенциал слова *право*, что делает его малопривлекательным для художественной речи.

Другой особенностью этого слова, превращающей его в перспективное для философского дискурса и непригодное для художественной речи, является дезантропоморфное означаемое. Способность быть независимым от человека передается с помощью словосочетания *естественное право*. Американский когнитолог Р. Браун называл категории высокого уровня обобщения «продуктами воображения»[16], человек не способен совершать сколько-нибудь разнообразные действия с обозначаемыми ими сущностями, что сильно ограничивает сочетаемость соответствующих слов. Так, редкий пример непосредственной связи – *изучать право* – относится больше к науке, чем к системе правил, поддерживаемых государством; в других сочетаниях отношения человека и права опосредуются: *применять нормы права*. Наконец, как философский концепт *право* хорошо структурировано, и его структура имеет логическую, т.е. рациональную, основу. Напротив, структура концептов, которыми оперирует обыденное и художественное мышление, имеет экспериенциальную основу: она формируется в зависимости от опыта взаимодействия человека с воплощаемыми в них сущностями, и этот опыт на разных этапах культурно-исторического развития общества неодинаков, что приводит к логическим несоответствиям в структуре концепта. Это подмечает Л.Н. Толстой: *В области науки права, составленной из рассуждений о том, как бы надо было устроить государство и власть, если бы можно было все это устроить, все это* ***очень ясно****, но в приложении к истории это определение власти* ***требует разъяснений*** (Война и мир).

Показательно, что высокий уровень обобщения не помешал философскому дискурсу открыть у слова *право* те же экспрессивные возможности, что отмечены нами для слова *конституция* в художественной речи. Приведем примеры использования заглавной буквы и расширения сочетаемости: *Можно сказать поэтому, что* ***п****раво есть постольку* ***П****раво, поскольку в основе своей оно является либо законом, либо договором, соглашением* (Ключников. На великом историческом перепутье). Очевидно, что творческое преобразование затрагивает ту языковую единицу, которая оказывается доминантной для данного типа мышления.

Эксперимент показал, что для обыденного сознания *право* является размытым понятием. Давая определение сложному термину *правовое государство*, респонденты достаточно регулярно смешивали *право* и *гражданские права*, например: *Это такое государство, в котором существует гласный кодекс прав и обязанностей; Это госу-*

дарство, где соблюдаются и защищаются права граждан; Это такое государство, в котором все подчинено законам, конституции о правах. Отмечается однообразие формулировок, опора на клише. Все это подтверждает тезис Д. Лукача о размытости и инерционности обыденного мышления. В ассоциативном эксперименте *право* отмечено лишь раз. Среди ассоциатов *правового государства* предсказуемо регулярно встречался *закон*, а также *гражданские права, порядок, строгость, справедливость, страх* – все то, что доступно непосредственному наблюдению или вытекает из него. Приведенные выше примеры демонстрируют высокую степень антропоцентризма.

Проведенное исследование позволило получить объективное обоснование типологии мышления, которая была выстроена теорией познания, а также углубить представления об особенностях каждого из типов.

Примечания

1 *Кубрякова Е.* Дискурс и когнитивная грамматика // Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы: Материалы международной конференции (Москва, 8–10 июня 2002 г.) / сост. Н.К. Онипенко. М., 2003. С. 12–15.

2 *Потебня А.* Мысль и язык. М., 2007. 256 с.

3 *Лукач Д.* Своеобразие эстетического: в 4 т. М., 1985–1987. Т. 1. 1985. 335 с.; Т. 2. 1986. 467 с.; Т. 3. 1986. 301 с.; Т. 4. 1987. 571 с.

4 Там же. Т. 1. С. 117–118.

5 *Кассирер Э.* Философия символических форм: в 3 т. М.; СПб., 2001. Т. 1. 271 с.

6 *Лукач Д.* Указ. соч. Т. 2. 1986. С. 147.

7 Там же. С. 182.

8 *Делез Ж., Гваттари Ф.* Что такое философия? / пер с фр. С.Н. Зенкина. М.; СПб., 1998. 288 с.

9 *Гадамер Г.* Философия и поэзия // Гадамер Г.Г. Актуальность прекрасного. М., 1991. С. 116.

10 См.: *Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / пер. с англ. И.Б. Шатуновского. М., 2004.

11 Национальный корпус русского языка. URL: http://ruscorpora.ru (дата обращения: 30.08.10).

12 Здесь и далее в тексте иллюстративный материал дается по Национальному корпусу русского языка. URL: http://ruscorpora.ru (дата обращения: 30.08.10).

13 *Лакофф Дж.* Указ. соч.

14 См., например: Словарь иностранных слов. 12-е изд. М., 1985.

15 *Ожегов С., Шведова Н.* Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М., 2004. С. 291.

16 См. об этом: *Лакофф Дж.* Указ. соч. С. 31.

УДК 811.161.1'371

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ СО ЗНАЧЕНИЕМ ИНТЕНСИВНОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

А.В. Иванча

Саратовский государственный университет
E-mail: agi@inbox.ru

В статье анализируется роль категории «интенсивность» в лингвистике; рассматриваются семантические и словообразовательные особенности, а также сочетаемостные свойства интенсифицирующих прилагательных в русском языке.
Ключевые слова: категория «интенсивность», усилительные прилагательные.

Intensifying Adjectives in the Russian Language

A.V. Ivancha

The role of the category «intensity» in linguistics is analyzed in the article; semantic, derivative and word formation characteristics of intensifying adjectives in the Russian language are described.
Key words: category «intensity», intensifying adjectives.

Интенсивность является функционально-семантической категорией, поскольку «выражает значение высокого уровня обобщенности, характеризуется разноуровневостью средств выражения и полевой организацией этих средств»[1].

В естественных языках, в том числе и в русском, существует множество способов интенсификации. Один из наиболее значимых – лексический. Особая роль среди лексических усилителей принадлежит именам прилагательным. Доминирующее положение имен прилагательных (по преимуществу качественных) в структуре функционально-семантического поля (ФСП) интенсивности, по словам О.А. Усачевой, «связано с тем, что градуальная семантика качественных прилагательных является характерным их признаком»[2].

Несмотря на давний и устойчивый интерес исследователей к семантическим, функциональным и структурным особенностям средств интенсификации, до сих пор отсутствует единая точка зрения на сущность категории «интенсивность».

Дискуссионными остаются вопросы о границах рассматриваемой категории, о характере семантики интенсивности.

Одни исследователи трактуют интенсивность как особый вид количественной характеризации

© А.В. Иванча, 2010

признака, реализуемый универсальным языковым смыслом *очень*, противопоставляя его таким языковым смыслам, как *один, два* (точно измеренная величина), *больше* (сравнительная величина), *весь* (предельно возможная величина) и под.[3]

Другие исследователи более широко очерчивают круг интенсифицирующих значений. Например, Г.И. Кустова выделяет три основные составляющие категории «интенсивность» (*высокая степень, полнота/предел, величина*). По ее определению, «показатели высокой степени синонимичны слову *очень* (*мощный, настоятельный*)»; к разряду *полнота/предел* «относятся ЛЕ, содержащие в своей семантике значение "полной, предельной или максимальной степени проявления признака" (*повальный*); значение *величины* относится в большинстве случаев к абстрактным существительным, объектам которых метафорически приписывается большой "размер" (величина) (*огромная благодарность, большая авантюра, великая борьба* и т.п.)»[4].

Нерешенным остается также вопрос о денотативном компоненте семантики интенсивности.

«Различия в определении денотативного содержания интенсивности, – пишет О.А. Усачева, – оказываются связанными с интерпретацией данной категории в ее отношении к субъективному и объективному»[5]. Ср., например, различные определения характера семантики интенсивности: интенсивность – «структурно-семантическое свойство слова, семантика которого отражает субъективную качественно-количественную интерпретацию объекта реальной действительности с точки зрения его ненормативной степени проявления»[6]; интенсивность – «объективное отражение свойств материального мира»[7].

На наш взгляд, денотативная область интенсивности и, соответственно, функционально-семантическая категория (ФСК) интенсивности охватывают и объективные количественные характеристики объектов, и их субъективно-количественную интерпретацию. Разделение этих двух видов количественности представляется нам неправомерным, так как искусственно разъединяет две тесно взаимодействующие в естественном языке когнитивные сущности. Отражение и языковая фиксация объективных количественных аспектов реального мира часто становится основой для субъективного переосмысления и экспрессивного использования соответствующих понятий. Например, в сочетании ***громкий*** *звук* выражено представление об объективных количественных характеристиках физического явления (звука), а в сочетаниях ***громкий*** *процесс,* ***громкое*** *дело* объективно-количественное значение, передаваемое прилагательным *громкий*, метафорически переосмысляется и выражает субъективную качественно-количественную оценку объекта.

Возможно и обратное направление переосмысления: качественно-количественная исходная семантика преобразуется в количественную путем выдвижения количественной составляющей. Ср.: ***злой*** *человек,* ***злой*** *взгляд* – словосочетания, выражающие качественно-количественную характеристику *(полный злобы, злости)*, и ***злой*** *мороз,* ***злая*** *горчица* – словосочетания с количественным значением *сильный*, *крайний по степени своего проявления*. В приведенных примерах количественная оценка объектов носит прагматический характер, дается говорящим как субъективная интерпретация количества.

Среди прилагательных интенсифицирующего типа можно выделить несколько групп. Первую группу представляют *собственно усилители*. Значение усиления у данных единиц является главным и часто единственным; их круг невелик (*большой, сильный, долгий* и т.п.): *большая любовь, сильная боль, долгий путь*.

Широко распространены прилагательные с *сопутствующим* значением интенсивности. Семантика данных единиц включает специфический множитель интенсивности, вносящий дополнительную коннотацию в их основное значение. Данную группу составляют исключительно качественные прилагательные. Например, *злой* в Малом академическом словаре (МАС) имеет следующее определение: 1) ***исполненный*** чувства недоброжелательности; значение ЛЕ *самоотверженный* описывается таким образом: 1) готовый жертвовать собой для блага других, <…>; 2) ***исполненный*** самоотвержения[8].

Потенциальными усилителями являются единицы с производным значением интенсивности. Например, *глухой* в сочетаниях *глухая провинция*, *глухая стена*; *волчий (волчий аппетит); лошадиный (лошадиное здоровье)*. Употребление таких единиц в качестве усилительных средств основано на метафорическом переносе.

Отдельную группу составляют *окказиональные* интенсификаторы. Для единиц этой группы интенсивность не является компонентом их лексического значения. Например, *баскетбольный, обезьянья* в сочетаниях *баскетбольный рост*, *обезьянья ловкость*. Интенсифицирующая функция таких прилагательных основывается на сравнении с прототипическими объектами, в высшей степени наделенными соответствующими свойствами (*баскетболист* – эталон высокого роста, *обезьяна* – эталон ловкости).

Прилагательные-интенсификаторы русского языка различны по своей словообразовательной структуре. Среди них: *немотивированные* (*большой, великий, глухой, грубый, густой, щедрый* и др.); лексемы, *мотивированные* словами, принадлежащими к различным частям речи (***необыкновенный*** < *обыкновенный,* ***остервенелый*** < *остервенеть,* ***панический*** < *паника*), сложные слова (*головокружительный, громоподобный, душераздирающий, всесильный*), мотивирующие основы которых (одна или обе) включают в свою семную структуру сему интенсивности (ср., на-

пример, мотиваторы *кружить, гром, раздирать, весь, сильный*).

Для прилагательных-интенсификаторов в русском языке можно выделить ряд словообразовательных моделей. Наиболее регулярной в этом ряду является модель прилагательных с префиксом ***без–/бес–*** и ***не–***, выражающими отсутствие чего-либо (*безбожный, безбрежный, безудержный, беспощадный, бесценный, бесчисленный, бесспорный, невесомый, неограниченный* и т.д.).

Меньшей регулярностью в кругу интенсифицирующих моделей характеризуются модели с префиксами ***за–*** со значением признака, который характеризуется нахождением по ту сторону или за пределами того, что названо мотивирующим словом или словосочетанием с ним (*законченный, запредельный*); ***из–/ис–*** (*измотанный, извечный, исчерпывающий*) со значением непрерывности, повторяемости какого-либо действия, а также со значением высокой степени проявления признака; ***наи–***, ***сверх–, чрез–*** (*наивысший, сверхчеловеческий, чрезмерный*) со значением признака, который характеризуется высшей степенью проявления качества, названного мотивирующим словом[9].

В префиксальных прилагательных, а также в прилагательных превосходной степени с суффиксами ***–айш, –ейш*** *(жесточайший, строжайший, полнейший, совершеннейший)* значение интенсивности оказывается формально маркированным, имеющим специальные структурные показатели.

В остальных же случаях такое значение формально не маркировано.

Значение интенсификации выражается прилагательными в сочетаниях с именами существительными. При этом одни прилагательные реализуют функцию интенсификации в сочетаниях с широким кругом субстантивов (*абсолютный, высокий, хороший*). Ср.: ***абсолютная*** *анархия, бездарность, несовместимость, пустота, реальность* и т.д. (в электронном Словаре русской идиоматики под ред. Г.И. Кустовой обозначено 113 сочетаний с прилагательным *абсолютный*)[10].

Другие интенсифицирующие прилагательные характеризуются ограниченной сочетаемостью. Например, прилагательное *безбожный*, по данным указанного словаря, выступает в качестве интенсификатора лишь в четырех сочетаниях: с существительными *клевета, лесть, враль, хвастун*.

Третьи образуют устойчивые идиоматические сочетания с конкретными существительными (*арктический холод, диаметральная противоположность, дивная красота, гомерический смех/хохот, телячий восторг, кромешная тьма* и т.д.).

Прилагательные-интенсификаторы образуют группы усилительных определителей, объединенных общностью определяемого существительного или общностью ЛСГ существительных. Например, существительное *безопасность* допускает употребление интенсификаторов: *абсолютная, высокая, полная, совершенная,* образующих синонимический ряд.

Употребление того или иного интенсификатора меняет фокус интенсификации. Так, значение сочетания *высокая безопасность* может быть описано с помощью следующего выражения: ‘нет никаких сомнений в том, что данная ситуация в высшей степени соответствует положению дел, характеризуемому как безопасность’; *совершенная, абсолютная, полная безопасность* – ‘данное положение дел исключает какую-либо возможность возникновения опасности’. При этом изосемические интенсификаторы *абсолютная* и *полная* в приведенных сочетаниях различаются стилистически – как единицы, тяготеющие, соответственно, к книжно-письменной и устно-разговорной сферам общения.

Таким образом, функционирующие в русской речи прилагательные-интенсификаторы образуют неоднородный класс слов, в котором выделяются группы прилагательных, объединенных семантической, структурной общностью или общностью их сочетаемостных свойств. Дальнейшее изучение адъективной интенсификации в русском языке необходимо, на наш взгляд, проводить с учетом отмеченных в данной статье дифференциальных и интегральных параметров.

Примечания

1 *Шейгал Е.* Градации в лексической семантике. Куйбышев, 1990. С. 11.

2 *Усачева О.* Выражение интенсивности в конструкциях с отвлеченными существительными: дис. … канд. филол. наук. Самара, 2004. С. 31.

3 *Родионова С.* Интенсивность и ее место в ряду других семантических категорий // Славянский вестник. Вып. 2. М., 2004.

4 Словарь русской идиоматики. Сочетания слов со значением высокой степени. М., 2008. URL: http://dict.ruslang.ru/magn.php (дата обращения: 10.09.10).

5 *Усачева О.* Указ. соч. С. 31.

6 *Бельская Е.* Интенсивность как категория лексикологии: На материале говоров Среднего Приобья: дис. … канд. филол. наук. Томск, 2001. С. 241.

7 *Полянский А.* К вопросу об интенсивности признака в русском языке // Вопросы семантики русского языка. М., 1976. С. 138.

8 Словарь русского языка. М., 1981–1984. Т. 1–4.

9 *Ефремова Т.* Новый словарь русского языка: Толково-словообразовательный. М., 2000.

10 Словарь русской идиоматики. URL: http://dict.ruslang.ru/magn.php (дата обращения: 10.09.10).

УДК 811.161.1–25

ДРУЖЕСКОЕ ОБЩЕНИЕ В ПАРАДИГМЕ ОБЫДЕННОГО ОБЩЕНИЯ

А.Н. Байкулова

Саратовский государственный университет
E-mail: allabay15@mail.ru

Статья посвящена исследованию дружеского общения, которое сопоставляется с другими разновидностями обыденного общения: семейным родственным, общением знакомых и незнакомых людей.

Ключевые слова: разговорная речь, дружеское общение, русский язык, именования, дружба, речевая игра.

Communication of Friends Within the Paradigm of Everyday Communication

A.N. Baikulova

The article deals with the research of friendly communications, which is compared to other varieties of everyday communication: communication of family members, relatives, acquaintances and strangers.

Key words: informal speech, communication of friends, Russian language, nominations, friendship, speech game.

Обыденное общение (ОО) при кажущемся его однообразии разнородно. В предыдущих исследованиях были выделены такие его разновидности, как семейное общение (СО), общение родственников (ОР), дружеское общение (ДО), можно было бы добавить общение знакомых и незнакомых людей[1]. Каждая из разновидностей выделяется на основе определённых параметров (доминанта, коммуниканты, цель, время, место общения, речевые особенности и т.д.) и может быть представлена в виде ядерной зоны, где специфические черты проявляются наиболее ярко, периферийных зон, где они стираются, границы «размываются», и зон наложений. Так, например, диапазон ДО чрезвычайно широк. По мнению социологов, в благополучном браке семейное общение – это и есть дружеское общение[2]; дружеским может именоваться даже общение незнакомых людей, вступающих в контакт посредством Интернета. Такие мнения не безосновательны. Действительно, взаимная привязанность коммуникантов, ощущение психологической поддержки, взаимопомощи, искренности – вот, на наш взгляд, то, что по психологическим параметрам сближает СО и ДО. В интернет-общении незнакомых людей сильна установка на открытость, доверительность и возможность перехода к истинно дружеским отношениям: это особенно важно для современного человека, который, очевидно, испытывает острую потребность именно в таком общении.

Феномен дружбы активно изучается в настоящее время социологией, философией, этнографией и другими науками. Однако, по мнению некоторых исследователей, даже эти науки уделяют ему недостаточное внимание. Так, И. Шмерлина[3] ссылается на авторитетный социологический словарь[4], где сказано, что дружба исследована крайне незначительно. Кроме того, автор цитирует И.С. Кона[5], который говорит о скептическом отношении учёных к его программе междисциплинарного изучения дружбы на первом Всесоюзном симпозиуме по проблемам общения в 1970 г. и упрёке со стороны некоторых из них за его отход от настоящей науки.

Лингвистика обращалась к речевым фактам дружеского дискурса в основном в рамках изучения разговорной речи (РР), однако специального разнопланового исследования этой разновидности ОО пока не было. Поэтому мы ставим перед собой задачу привлечь внимание исследователей к данной теме и сделать первые шаги в этом направлении.

Начнём с того, что ДО в его ядерной зоне – это всё-таки не СО и не ОР уже потому, что коммуниканты не связаны кровнородственными отношениями: не члены одной семьи и не родственники (в предыдущих работах для удобства мы «развели» эти понятия). Это важно, поскольку именно язык и речь выполняют, с одной стороны (если смотреть внутрь), интегрирующую функцию, объединяя членов разных социальных групп, а с другой (взгляд изнутри) – идентифицирующую или дифференцирующую функцию, разделяя социальные группы. Поэтому, принимая во внимание существующие определения дружбы с позиций социальных наук[6], мы, тем не менее, для лингвистических исследований предлагаем рабочее определение ДО как общение людей, обоюдно воспринимающих себя друзьями.

Общая характеристика ДО. Сопоставление ДО с СО и ОР показывает, что это, пожалуй, самая свободная разновидность ОО, где межличностные отношения строятся не на родстве, а на дружбе и являются индивидуально-избирательными. Дружба в наибольшей степени отражает волеизъявление человека, формально не регламентируемое государством, хотя всем известны исторические примеры, когда дружба с тем или иным человеком могла быть поводом для репрессий со стороны государственных органов. В дружеских отношениях прежде всего действуют законы морали и неписаные законы – «кодекс чести». Человек во-

© А.Н. Байкулова, 2010

лен не только самостоятельно «выбирать» друзей, но и расторгать дружеские связи, нередко вопреки мнению самых близких людей, то есть это сфера полной эмоциональной и духовной свободы человека. ДО, как и ОР, – общение, по И.А. Стернину[7], инициативное, в отличие от СО. По своему характеру ДО может быть как регулярным, так и нерегулярным. Возможна временная и локальная закреплённость, существование традиций (вспомним героев известного кинофильма, друзей, которые каждый год 31 декабря ходят в баню).

Цели и функции ДО. Для СО и ОР характерно взаимопроникновение целеориентированного и фатического общения. Это определяется их направленностью и целями. Так, целью СО (имея в виду традиционные представления) являются ведение совместного хозяйства, воспитание детей и созидание микроклимата, способствующего успешной реализации этого; цель ОР – сохранение и развитие родственных связей, родственных отношений. Главной целью ДО, какие бы мотивации ни лежали в его основе, на наш взгляд, является удовлетворение потребности человека в дополнительной духовной и социальной опоре (во всяком случае, это характерно для русской коммуникативной культуры), т.е. восполнение того, что по разным причинам не могут дать человеку семья, ближайшее окружение или вообще среда, в которой он живет. Отсюда доминантные черты, характерные для этой разновидности общения, – открытость и доверительность в отношениях, стремление к взаимопониманию и взаимопомощи. Важно, чтобы общение носило взаимодополняющий, взаимообогащающий характер. Одним из самых важных конституирующих параметров дружбы является взаимный интерес: общение должно быть интересным[8]. В связи с этим, на наш взгляд, ДО свойственна и гедоническая функция.

Коммуниканты ДО. Поскольку способность к дружбе заложена в самой природе человека (причём, по мнению социологов, не только человека, но и животных) и в социальной жизни общества, то состоят, состояли когда-либо или хотят состоять в дружеских отношениях фактически все люди. На возникновение дружеских отношений влияют не только эмоционально-психологические факторы, например взаимная симпатия, но и факторы единой ценностной ориентации, факторы возраста, пола, образования, профессии, места проживания и др. Поэтому можно рассматривать ДО людей разных возрастов, разной половой принадлежности, разных социальных групп, кроме того, это может быть межличностное или групповое общение. Важно учитывать и фактор самоидентификации: считают ли себя друзьями сами коммуниканты.

Для ДО, как и для СО и ОР, характерно наличие общей апперцепционной базы говорящих. Но все эти разновидности ОО основываются на разных (пусть даже частично совпадающих) апперцепционных базах. Общность апперцепционной базы коммуникантов является основой для формирования речевой гомогенности. В наибольшей степени речевая гомогенность свойственна СО вследствие его интимности, «закрытости» и регулярности[9]. Для ДО это свойство, на наш взгляд, не является обязательным: речевая гомогенность может проявляться ярко (иногда друзья создают свой «язык»), а может почти отсутствовать, если, например, друзья живут в разных городах, годами не видятся, обмениваются письменными сообщениями. В этом смысле ДО ближе к ОР.

ДО не свойственно иерархическое неравенство, без которого невозможно представить СО, но активно проявляется неравенство в уровне компетенции, что является основой для взаимопомощи. Это также сближает ДО с ОР.

В СО мы включили общение в семье с животными, растениями и предметами вещного мира[10]. В ДО, на наш взгляд, также можно включить такого рода общение, но оно имеет свою специфику, обусловленную особенностями именно этой разновидности общения. Примеры ДО с животными и растениями мы находим во многих произведениях художественной литературы, кинофильмах, образно отражающих реальную действительность. С предметами вещного мира также возможно взаимодействие, напоминающее дружеский контакт. Приведём цитату из дипломной работы студентки 5 курса Института филологии и журналистики СГУ О.А. Петяевой, посвященной анализу дневниковых записей: «Дневник – близкий друг школьницы, живое существо, с которым нужно общаться ежедневно, обязательно прощаться, объяснять, почему не смогла открыть тетрадь в какой-то день. Такое трепетное отношение к дневнику говорит о внутреннем одиночестве девушки в жизни, отсутствии друзей, с которыми можно было бы поделиться самым сокровенным, об обязательности и ответственности автора, проявляющихся даже в подходе к ведению тетради»[11]. Причём даже письменная форма дневниковых записей отражает состояние речевой «расслабленности»: как замечает дипломница, в этот момент автор не следит за правописанием, часто нарушает языковые нормы.

Всем известны попытки изобрести механических друзей-роботов в разном обличье с целью оказания помощи одиноким людям, испытывающим недостаток человеческого общения. Возможно, создателям таких моделей вскоре могут потребоваться знания об особенностях ДО.

В качестве иллюстрации ДО предлагаем анализ записанной и расшифрованной нами 45-минутной диктофонной записи, сделанной без включённого наблюдения по просьбе автора скрытым диктофоном, но с последующим прослушиванием и разрешением на использование в научных целях. Запись произведена в 2009 году на одной из волжских турбаз. Это традиционное место встречи друзей. Коммуниканты – мужчины (условно обозначим их Ю., Викт., Влад., Р.), возраст – от 52 до 69 лет. Дружат более 20 лет, все считают

себя друзьями, поэтому данный дискурс можно отнести к ядерной зоне ДО. Дружба Ю., Викт. и Влад. возникла на профессиональной основе: все бывшие военнослужащие, работали на одной военной кафедре вуза. Сблизили друзей увлечения – охота и рыбалка (причем по-настоящему увлекался один, а к нему присоединились остальные). Дружба их с Р. – гражданским преподавателем того же вуза – возникла на основе этих увлечений.

Для общения этой группы людей характерны доверительность, откровенность, открытость, все многое знают о семьях друг друга, родственниках, знакомых, поэтому тема семейной жизни нередко возникает в их ДО: Ю. *У меня дочка / жирное не ест ниче* (ничего) *// Да и вообще мясо не особо // А сало любит // Но чтоб очень тоненько было порезано // Все зачёты сдала и три экзамена автоматом // два экзамена всего осталось // Молодец //.* Информация личного, интимного характера – это одна из составляющих апперцепционной базы друзей, которая может совпадать с апперцепционной базой членов их семей и родственников. Другая составляющая связана с профессией и увлечением: Викт. *В прошлый раз / когда я был…* (неразборчиво, далее – нрзбр) *С того раза… (*нрзбр). – Ю. *А в прошлый раз уже…*(всем понятно, когда это *в прошлый раз*); Ю. *А то я в этих Бузулуках* (в г. Бузулуке Оренбургской области, где Ю. был в командировке) *… совсем отвык* (имеет в виду пить водку) *//*; *Мне жарко // Я плююсь … на кошку* (небольшой якорь для поиска сети под водой) // *Тока* (только) *сделали с Витькой кошку / уже искать надо // Не знаю / где она // Я уже всё облазил // Всё облазил // Боря* (охранник) *мог взять и положить к себе в бендешку* (кладовку*)* //; Ю. *Так / я вот думаю эту корейку мы лучше на лед* (т.е. когда будут рыбачить на льду) *оставим //.*

Эллиптизация синтаксических конструкций в этих и других фрагментах записи не ограничена; использованная синекдоха *в Бузулуках*, жаргонная лексика *кошка, бендешка,* номинации лица *Боря, с Витькой* не вызывают вопросов, непонимания коммуникантов вследствие общности их апперцепционной базы и ситуативной обусловленности речи. Общность апперцепционной базы является здесь основой для возникновения речевой гомогенности группы.

Встреча друзей, в процессе которой происходит коммуникация, специально организована ими, общение носит ритуальный характер, имеет конкретную цель – совместное празднование Нового года (после традиционного семейного праздника) и рыбалка. Причём главное для них, по их же высказываниям, – сама атмосфера встречи: дружеское общение для этих людей имеет особую ценность и представляет особый интерес.

Этот интерес поддерживают сами коммуниканты: сильна установка на юмор. В нашей записи, например, это беседа с включенными элементами пародии, смешные рассказы о восприятии недублированных фильмов, о театральных спектаклях на чужом языке: Влад. *У этих одесситов… это… пародию по телевизору видел там Штирлиц гт* (говорит) */ наподобие «Ликвидации»* (телевизионный сериал) / *так как они разговаривают там / ну там / Штирлиц с этим / Гитлер и этот… Мюллер / Ну <…> // Я не передам / как они там разговаривали // Но это блин* (смеётся)… *А вас Штирлиц / попрошу остаться // А это мн [э] надо?* (смеётся) *А это гт* (говорит) *мне надо?* – Викт. *Я рассказывал / как я видел на туркменском языке «Семнадцать мгновений весны»?* – Ю. *Я…я видел // не на туркменском / на немецком я видел // Хайль! Цурюк! басмачи кричат //* – Викт. *Хайль? Цурюк?* – Ю. *Угу //* – Викт. *А это… Ассалам алейкум / джигит… Борман // Воалейкум Ассалам / Мюллер-ака //* (смех). – Влад. *А я на татарском смотрел / этот… как его <…>;* Влад. *А у нас всё / А у нас всё шутили // У нас тоже на первом / на втором курсе / таскали по этим / по театрам по всяким // Особенно на первом // И повезли / повели нас на / балет блин // В этот театр татарский // Ну он оперы и балета в общем // Ну театр-то хороший // Балет «Шурале» // Это татарского автора балет // Кстати / спектакль неплохой // Но мы смеялись блин / <…> туда идти? На татарском языке блин / балет* (смеётся) *//.* Эти рассказы, по свидетельству самих коммуникантов, они слышали друг от друга неоднократно. Не случайна реплика Викт. – *Я рассказывал / как я видел на туркменском языке «Семнадцать мгновений весны»?* Казалось бы, интерес к ним должен быть утерян. И действительно, в записи смех как наиболее сильная реакция на шутку сопровождает подчас речь только самого говорящего; другие участники разговора, очевидно, реагировали на уже известные рассказы в меньшей степени. Для того чтобы усилить эффект собственной речи, коммуниканты зачастую прибегают к разговорной, просторечной и жаргонной лексике: Викт. – *на халяву, закусь, подсунь* (подай); Влад. – *уссышься* (обсмеёшься)*, таскали* (водили) *по театрам*; Ю. – *дурилка, макаки* (самодельные снегоходы на базе мотоцикла)*, мамашка, щёлкну* (сфотографирую) и др. Лексикон Р. явно свидетельствует о просторечном типе речевой культуры: *ихский* (их)*, гольная, окуляры* (очки)*, очуметь;* заметна склонность к использованию мата. Мат в данной группе – один из показателей её речевой гомогенности. Однако функции его неодинаковы. Для Р. подобного рода лексика привычна, часто она используется без всякой экспрессии. В речи Влад. и Викт. мат – одно из экспрессивных средств, своеобразный приём создания смешного, языковая «перчинка», превращающая разговор в балагурство. Наиболее распространённые лексические единицы мата модифицируются с помощью различных суффиксов, изменяется их частеречная принадлежность. В речи Ю. таких единиц немного, они используются в качестве выражения речевой агрессии. Следует отметить, что такая степень речевой свободы, речевая «расслабленность» говорящих возника-

ет именно в ситуации ДО в мужской компании. В других сферах общения эти люди стараются мат не использовать. Очевидно, ДО в силу его относительной закрытости, избирательности (общение не для всех), установки на взаимопонимание в наивысшей степени даёт ощущение речевой свободы и возможность реализовать её, причём чем ближе дружеские связи, тем больше этой свободы. Здесь, на наш взгляд, уместно было бы цитировать Г.О. Винокура: «От чего зависит направление стилистических инстинктов? От ц е л и, преследуемой тем или иным высказыванием. От того, какое впечатление хотим мы произвести на говорящего, какой оттенок мысли хотим ему внушить в каждом данном случае, в целом – от того задания, которое является определяющим для данного речевого акта. Иными словами, стилистика в нашем понимании строится на понимании в н у т р е н н е й г р а м м а т и ч е с к о й д и а л е к т и к и, игнорирование которой и составляет всегда основную ошибку традиционного пуризма»[12].

Речевая свобода может проявляться не только в выборе лексических средств, но и в тематике общения, в различных видах языковой игры. В данном дискурсе, например, можно наблюдать намеренные фонетические искажения слов: Ю. *Ну давайте поднимем б [о] калы* //; Викт. *А С[э]м[э]н С[э]м[э]н-то приходил к жене это… Ели вяленый арбуз* // – Ю. *Какой С[э]м[э]н?; Будем здравы!* В этом плане интересны письменные высказывания В., женщины 50 лет (ДО посредством Интернета), для которой языковая игра – «лакмусовая бумажка» при определении своих и чужих: В. *Приходя к чужим, ловлю себя на том, что устраиваю им тест на адекватность, используя слова с переставленными буквами или менЭрничая, что-то вроде мурчина, луроны, зоотЭхник, и если кто-то «ловит» – это наш, если же на меня смотрят, как на безграмотную, я сразу становлюсь скучной, человек мне не интересен. Наверное, это не есть хорошо?*

Язык мой – порой враг мой! К сожалению, не всегда народ адекватно реагирует, уж очень я люблю всякие казусы, пересмешки, а люди странно реагируют, то ли тупят, то ли реально не понимают, и получается, что выгляжу я глупо, такая неграмошная тётка, а ещё имеет высшее языковое образование, ужас! Мои сотрудницы на меня ругаются, что и дома говорят так, как на работе, путают детей, путаются сами (орфография и пунктуация сохранены). Фактически В. ставит вопрос об отношении людей к языковой игре. Для неё языковая игра – неотъемлемое свойство речи, которое, с одной стороны, вносит в общение разнообразие, а с другой, является «тестом» на понимание и возможность дружеских отношений. Однако реакция окружения говорит о том, что люди, обладая разной коммуникативной компетенцией, не всегда это принимают. Кроме того, сотрудницы В. высказываются о нежелательности такого речетворчества в СО: *путают детей и путаются сами*. Очевидно, важно понимание уместности языковой игры в разных ситуациях общения и разных типах общения. Умение строить свою речь, осуществляя выбор языковых средств на основе принципа целесообразности, – важная составляющая коммуникативной компетенции личности. На наш взгляд, ДО – наиболее благоприятное поле для языковой игры.

Если говорить о тематике ДО, то, с точки зрения разнообразия тем, ограничений, по всей вероятности, нет, как, впрочем, и в других видах ОО, но важна избирательность тем в соответствии с ситуацией общения, социальными характеристиками коммуникантов. В анализируемом фрагменте дружеского дискурса затрагиваются следующие темы: в рамках целеориентированного общения – бытовая тематика, отраженная в речевых актах, обслуживающих действия в процессе подготовки к трапезе (Ю. *Так // Щас яйца наверное никто не будет… Так / мусор вот сюда // Так… Вот хлеб* // – Викт. *Сало отрежь* // – Ю. *Сало?.. Ложки есть под салат / а вилки есть?*); в рамках фатического общения, когда подготовительная работа проведена, все участники общения собрались за столом, – разговоры о пропавшей кошке (приспособлении для поиска сети под водой), пельменях, водке, празднике, возрасте Р., о технике, о насущных делах; спор об употреблении слова *вяленый,* перешедший в воспоминания о фильмах и спектаклях на чужих языках. В ходе подготовки к трапезе осуществлялись попытки «запустить» темы семьи и работы, однако они не были поддержаны. Возможно, из-за несвоевременности, поскольку главная неречевая цель – накрыть стол – определила и главную речевую цель – сопровождение действий. Кроме того, возможно влияние самого фактора ДО: люди намеренно отдалились от семейной сферы и рабочей обстановки и отдают предпочтение другой тематике.

Важно отметить, что и СО, и ОР, и ДО содержат свои тайны, свою «кладовую» интимного. Сохранение семейных тайн предписывается традициями: «Не выноси сор из избы», сохранение дружеских тайн – одна из заповедей «кодекса» дружбы. Культура дружеского общения предполагает соблюдение этого «кодекса», в противном случае возможен разрыв отношений и даже вражда.

Речь коммуникантов несет информацию о распределении обязанностей в группе, кроме того, в сфере дружеского общения исполняются различные коммуникативные роли. Так, Ю. выполняет роль организатора: Ю. *У Витьки… или вон там вон вода есть на улице // Возьми тряпочку какую-нибудь // Найдёшь // Так / ножик дай? / я порежу // Ножик дай?// Тряпочки нет что ль? Найдёшь? иль дать тебе?.. Слушай / Витьк / А у тебя ножа нету?* – Викт. *Не знаю куда-то делся* // – Ю. *Глоток? Хороший?* – Викт. *У…* – Ю. *Да зря ты в тарелку* (выложил соленья из банки

в тарелку) // – Викт. *Ну доставать-то мы как будем? Щас* (сейчас) *будем… не всё сразу* // (нрзбр) – Ю. *Никто не откажется* (от солений) */ я знаю //* – Ю. *Так / я вот думаю эту корейку мы лучше на лёд оставим // Или немножко порежем? Колбаса есть? Посмотри у Вовки… Посмотри у Вовки // Вот пакет // Это наш? Ну вон Вовкина сумка // Вон пятнистая // По-моему у него тоже пакет был?.. Так / эт* (это) *мы оставим на лёд… Где ж ты ножик-т свой… посеял? Хороший нож //.* Эта роль имеет свое воплощение прежде всего в речевой активности, в использовании Ю. императивных конструкций (часто с инициальным *так* и повторами императивов): *Возьми тряпочку; Иди сполосни; Так / ножик дай?; посмотри у Вовки; Садись // Садись //; Присаживайся вот сюда /* и др. Часты замечания, граничащие с выговором, упрёки, инструкции: Ю. *Ну чё ты дверь-то открытой держишь? Не май месяц //; А ты чё разделся?; Где ж ты ножик-т свой… посеял? Хороший нож //; Так / я вот думаю эту корейку мы лучше на лёд оставим // <…> Так / эт мы оставим на лёд //.* Самоутверждение, лидерство заметно в использовании личного местоимения *я* с глаголами действия, речи, мысли *(я порежу, я вот думаю, я даже уверен, я знаю).* Возможна речевая агрессия с использованием мата: Ю. (во время фотосъемки) *Ни х-ра ты не сделал блин // На / сделай ещё раз // На на половину нажми / подожди когда он захватит // Слишком/ освещенность большая //* – Р. *Только без бутылки // б-дь / вот только //* – Ю. *Не ругайся / нехорошими словами //.*

Ю., послушав запись собственной речи, сделал вывод о своём неправильном речевом поведении. Тем не менее, такое поведение не привело к конфликту, причём, на наш взгляд, только потому, что осуществлялось речевое взаимодействие в рамках ДО, где уже имелось разделение ролей и произошла психологическая «притирка» коммуникантов: все знают не только особенности характера друг друга, но и особенности речи, вследствие чего многое прощается. К тому же в речевом поведении Ю. заметна установка на кооперативное общение: он не только руководит, но и старается многое сделать сам (*Найдёшь? иль дать тебе?; Эту корейку мы лучше на лёд оставим // Или немножко порежем?* и др. Косвенные просьбы (см. предыдущие примеры), вопросительные конструкции, частотное *мы* наряду с *я* смягчают требования.

Каждый в дружеской компании занимает свою нишу как в деле, так и в речи. Например, только Викт. занимается разведением костра, а Р. – прекрасный рассказчик. По мнению самих участников записи, плохо, когда человек не находит этой ниши, не умеет влиться в коллектив и занять в нём определённое место.

Наблюдения за лексиконом друзей позволяют сделать выводы о специфике системы именований, которая отличается от семейной и родственной[13], хотя отдельные лексемы совпадают. Наша запись (а также материалы наблюдений и опроса) показывает, что друзья именуют себя (или обращаются друг к другу) в основном пейоративными формами имён: *Юрка (Юр), Витька (Витьк), Вовка (Вовк), Валерка (Валер)*, иногда – краткими *Юра, Володь* (никогда *Володя*), *Вова* (именует Ю., причём для него это речевая игра, сопровождающаяся особым произношением звука [в] как [w]). Нередки именования на основе отчеств (*Дмитрич, Леонидыч, Петрович*), а вот другие, экспрессивные прозвища: *Швондер, Угрюмый, Толстый* – есть, но употребляются редко, причём либо «за глаза», либо вообще про себя, как отмечают сами информанты. В нашей записи таких прозвищ нет. По всей вероятности, это связано с возрастом коммуникантов.

Сделанная запись представляется нам чрезвычайно удачной, поскольку она позволяет сопоставить дружеское общение с другими видами общения, в частности с общением знакомых (ОЗ) и общением незнакомых людей (ОН). Дело в том, что общение друзей было нарушено приходом А. (мужчины 37 лет), знакомого Р. С другими коммуникантами до момента записи А. не был знаком. И сразу мы видим реализацию разных коммуникативных намерений. Цель общения знакомых, А. и Р., вполне конкретная: договориться насчёт стоянки автомобиля, т.е. в основном реализуется целеориентированное общение. В общении незнакомых (А., Ю., Викт. и Влад.) проявляются разные коммуникативные стратегии: одни стремятся к установлению контакта (А. и Ю.), а другие не стремятся (Викт. и Влад.). Интересно само начало общения: (стук в дверь, заходит А., знакомый только Р.) Р. *Да //* – А. *Можно что ль к вам?* – Р. *О…*– Ю. *Заходи //* – А. *Здрасьте //* – Р. *Д…ов* (очевидно, назвал фамилию) *С Новым годом!* – А. *С Новым годом!* – Р. *Присаживайся дорогой //* – Ю. (представляется) *Юра //* – А. (представляется) *Алексей //* – Р. *Двери / двери /* (просит, чтобы закрыли двери) *Это наш / наш…*– Ю. *Так / знаешь чё / Лёш / бери вон…* (предлагает выпить) – Викт. *Не-не-не-не / подвинемся //* – А. *Да я не буду! Я за рулем //.* Обратим внимание на следующее: представился только Ю. (возможно, остальные ограничились рукопожатием); Р. ввёл установку на характер общения с А., включив его в круг своих, – *Присаживайся / дорогой //*; *Это наш / наш…* – после чего Ю. выбрал приемлемую для своих форму обращения на *ты* и именование *Лёш*, а в дальнейшем *Лёх*, хотя А. представился *Алексей*; другие участники разговора, исключая Р., вообще никак не обращаются к А. А. не поддержал форму представления *Юра* (Ю. намного старше его). Кстати, такое представление, полным паспортным именем, особенно для определённой группы имён (*Владимир, Дмитрий, Алексей, Александр, Михаил, Евгений, Мария, Ольга, Виктория, Валерия* и др.), в молодёжной среде – отражение, как нам кажется, современной тенденции представления и вообще

именования лица не только в официальной, но и в неофициальной обстановке. На наш взгляд, полную форму имени при представлении можно считать маркером современного молодёжного общения (в разные исторические периоды и в разных социальных средах эти маркеры неодинаковы), но это только предположение, которое ещё предстоит доказать или опровергнуть. Во всяком случае, в нашем материале есть факты неоднократного представления молодой семейной пары незнакомым людям полными именами – *Алексей, Виктория*, факты взаимоименования молодых людей в телефонных разговорах – *Здравствуйте // А Михаила я могу услышать?* Эту тенденцию отметил и М. Кронгауз[14]. В то же время в среде более молодых, в среде подростков распространены именования *Вован, Диман, Лёха* и др.[15]. А. на протяжении разговора лишь однажды обратился к Ю. по имени, используя краткую форму (*Я Юр говорю…*), что свидетельствует об успешном установлении коммуникативного контакта именно с этим членом группы незнакомых ему людей. В основном же речь А. адресована всем присутствующим (используются глагольные формы множественного числа): *Ну вон выйдите посмотрите на машину; Вы / без очков кто-нибудь видит?; Идите посмотрите //; Я щас расскажу / если не торопитесь никуда // Налили бы / я бы быстрее рассказывал //.*

В продолжение разговора в речи Р. неоднократно возникают характеристики А., содержащие положительную оценку. Кроме *Это наш / наш…* в записи встретилось *Он молоде-ец // Он Кулибин блин //; Неисправимый механик // Он всю жизнь чё-то делает // Ну молодец он!* Это характерно для ОН при посредниках. Однако, несмотря на формальное введение А. в круг своих, дружеская коммуникация всё-таки разрушается: далее в разговоре участвуют в основном Р., А. и Ю., который взял на себя роль гостеприимного хозяина. Остальные участники общения (Влад. и Викт.), которые до этого вели оживлённый разговор, переключились, по всей вероятности, на иной код – общение с незнакомым человеком: в течение почти 32 минут записи (вплоть до ухода А.) единичные, очень короткие, часто односложные реплики или коммуникативы, причём адресованные чаще всего не А., а Ю. и Р.: *Ну конечно / да; Да; Валентино-мафиози; Нормальный; Нормально; Я только ещё не…; Нет / фотоаппарат блин //* и др. Можно предположить, поскольку автор статьи не участвовал в записи, что основной была невербальная реакция на разговор Р., А. и Ю. Это говорит о том, что тип отношений коммуникантов влияет на характер воздействия слушающих на говорящих и говорящих на слушающих. Поскольку А. зашёл по делу, изменилась и тематика общения: появились темы, которые касаются только А. и Р. (о переговорах насчёт стоянки для автомобиля А., охранниках, начальстве, общих знакомых). Вместе с тем А. тоже пытается переключиться на код ДО, инициируя темы, интересные всем: охота, рыбалка, самодельный автомобиль. Но даже несмотря на это, активность в разговоре проявляют только А., Р. и Ю. – остальные сохраняют коммуникативную дистанцию. Всё-таки ДО – это закрытый союз, в который нет доступа посторонним, и каждый вторгающийся в этот союз в той или иной мере разрушает эмоциональный комфорт, эмоциональную раскрепощённость, являющуюся одним из определяющих параметров дружбы.

Наблюдения показывают, что в данном дискурсе очень заметны границы разнородного общения.

Анализ одной записи в представленной работе не позволяет делать окончательные выводы. В дальнейшем важно сопоставить ДО представителей разных социальных групп (мужчин и женщин, взрослых и детей), разных профессий, проанализировать факты дружеского взаимодействия человека с животными, растениями и, возможно, предметами вещного мира. А пока мы пытались выстроить парадигму обыденного общения и таким образом доказать, что обыденное общение и РР неоднородны. Сделанные выводы, безусловно, носят дискуссионный характер, но, на наш взгляд, представленные наблюдения могут раздвинуть горизонт для дальнейших исследований и расширить представления о нашем обыденном общении.

Примечания

1 О разновидностях обыденного общения см.: *Байкулова А.Н.* Общее и специфическое в речевом общении разных семей // Вопросы стилистики. Саратов, 1999. Вып. 28; *Она же*. Речевое общение в семье: автореф. дис. … канд.филол. наук. Саратов, 2006; *Она же*. Разновидности обыденного общения (семейное общение и общение родственников) // Личность – язык – культура: Материалы Всероссийской научно-практической конференции 28–29 ноября 2007. Саратов, 2008.

2 См.: Энциклопедия семьи 2008. URL: vospitanie detey.ru (дата обращения: 12.02.2010).

3 См.: *Шмерлина И*. Дружба как духовная и социальная реальность // Социальная реальность. 2006. № 5.

4 См.: Социологический словарь / Н. Аберкромби [и др.]: пер. с англ. М., 1999.

5 См.: *Кон И.С.* Дружба: Этико-психологический очерк. 3-е изд. М., 1989.

6 См., например: Социальная психология: словарь // Психологический лексикон. Энциклопедический словарь: в 6 т. М., 2006.

7 См.: *Стернин И.* Введение в речевое воздействие. Воронеж, 2001.

8 О конституирующих параметрах дружбы см.: *Шмерлина И*. Указ. соч.

9 О речевой гомогенности семейного общения см.: *Занадворова А.* Отражение социальной дифференциации языка в языковой жизни малых социальных групп (на примере семьи) // Занадворова А., Какорина Е., Китай-

городская М., Крысин Л. и др. Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация. М., 2003; *Байкулова А.* Речевое общение в семье: автореф. дис. … канд. филол. наук. Саратов, 2006.

[10] О речевом взаимодействии с животными, растениями и предметами вещного мира в семье см.: *Байкулова А.* Речевое общение в семье: роль в нем животных, растений и предметов вещного мира // Изв. Сарат. ун-та. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. 2008. Т. 8. Вып. 2.

[11] *Петяева О.* Языковая картина мира автора дневника: диплом. работа. 2007. (Архив дипломных работ кафедры русского языка и речевой коммуникации).

[12] См.: *Винокур Г.* Культура языка. 3-е изд., доп. М., 2006. С. 112–113.

[13] О системе именований в семейном и родственном общении см.: *Байкулова А.* Разновидности обыденного общения (семейное общение и общение родственников) // Личность – язык – культура: материалы Всероссийской научно-практической конференции 28–29 нояб. 2007. Саратов, 2008.

[14] См.: *Кронгауз М.* Русский язык на грани нервного срыва. М., 2008.

[15] См.: *Лудильщикова Н.* Речь молодежи (на материале речи студентов техникума): автореф. дис. … канд. филол. наук. Саратов, 2006.

УДК 811.161.1'38

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ АДВЕРБИАЛЬНОГО ПРИЗНАКА В РАЗНЫХ СФЕРАХ ОБЩЕНИЯ

А.В. Дегальцева

Саратовский государственный университет
E-mail: deganna@mail.ru

В статье рассматриваются особенности морфологизованного и неморфологизованного способов выражения адвербиального признака в художественной речи, газете и разговорной речи.

Ключевые слова: семантическое осложнение простого предложения, адвербиализация, морфологизованный и неморфологизованный способы выражения адвербиального признака.

Adverbial Characteristic Means of Expression in Different Fields of Communication

A.V. Degaltseva

The article examines some characteristics of typical and atypical means of expression of adverbial characteristic in modern fiction, press and colloquial speech.

Key words: semantic complication of simple sentence, adverbialisation, typical and atypical means of expression of adverbial characterictic.

Одним из семантико-синтаксических процессов, в результате которого происходит семантическое усложнение простого предложения, является процесс адвербиализации. Суть его заключается в том, что лексема, выражающая адвербиальный признак (наречие или функционально замещающая его словоформа), грамматически связана с глаголом-предикатом, тогда как семантически соотносится с субъектом или со всей ситуацией. В данной статье мы рассмотрим морфологизованный и неморфологизованный способы адвербиализации.

В языке, как известно, каждая часть речи выполняет специфическую, характерную для нее синтаксическую функцию. Еще Р.И. Аванесов отмечал, что морфологическая категория, выделившись в качестве определенного члена предложения, представляет собой специфический способ выражения этого члена предложения (например, именительный падеж существительного – морфологизованное подлежащее, предикативные формы глагола – сказуемое, наречие и деепричастие – обстоятельство и т. д.). В то же время слово в зависимости от его грамматического и семантического значения и окружающего контекста может выполнять не свойственную ему синтаксическую функцию, то есть каждый член предложения может быть морфологизованным (выраженным специфической для данной синтаксической функции словоформой) и неморфологизованным, чисто синтаксическим (выраженным такой частью речи, для которой данная синтаксическая функция не является основной)[1].

Наречие как часть речи является морфологизованным средством выражения непроцессуального признака действия, предмета или другого непроцессуального признака[2]. Основная синтаксическая функция наречия заключается в том, что оно определяет глагол, соединяясь с ним связью примыкания. Однако наречия способны характеризовать не только действие, но и субъект (его эмоциональное и физическое состояние, внешний облик, поведение), и ситуацию в целом[3], осложняя содержание простого предложения. Эти же функции способны выполнять падежные формы некоторых абстрактных имен существительных, являясь неморфологизованным способом выражения непроцессуального признака. Занимая в высказывании синтаксическую позицию обстоятельства образа действия, они способны характеризовать субъект действия. Такие структуры описывают эмоциональное состояние или качество человека, которое сопровождает основное действие или состояние[4].

© А.В. Дегальцева, 2010

Характеризовать субъект действия могут существительные с отвлеченной семантикой, образованные от прилагательных (радость, гордость, неуверенность и др.), глаголов (раздражение, огорчение, недоумение), реже – немотивированные существительные (тоска, гнев, страх и др.). Авторы «Русской грамматики» замечают, что деадъективы, образованные от имен прилагательных с помощью суффикса – *ость*/– *ность*, составляют наиболее продуктивный тип слов с отвлеченным значением признака или свойства[5]. Деадъектив в отличие от наречия имеет двойную отнесенность: к субъекту действия (называя его качества, свойства, признаки) и к глаголу (характеризуя образ действия)[6]. Следовательно, данные существительные совмещают в себе присущее мотивирующему прилагательному значение признака со значением предметности[7]. Как отмечает Э.М. Ножкина, «семантика наречия более тесно, внутренне связана с действием (глаголом)», тогда как неморфологизованные формы выражения адвербиального признака такой четкой связи не имеют из-за двойственности семантико-грамматической природы[8].

Мы проанализировали по 3000 словоупотреблений в каждой из трех сфер: современной прозе (Д. Рубина, Л. Улицкая, А. Азольский, Л. Нетребо), газете («Московский комсомолец», «Аргументы и факты»), разговорной речи и попытались выявить некоторые особенности структуры, семантики и функционирования морфологизованного и неморфологизованного способов выражения непроцессуального признака. Как показал наш материал, чаще всего неморфологизованные адвербиализованные конструкции встречаются в художественной прозе, причем индекс их лексического разнообразия выше, чем в других сферах общения.

Какова же структура конструкций, выступающих в качестве неморфологизованного средства выражения признака?

Наиболее часто функциональным вариантом наречия является конструкция «с+Тв. падеж сущ.», где существительное входит в лексико-семантическое поле качества. Это специализированная форма выражения вторичного значения существительного – значения качества, признака[9]. Она называет эмоциональное состояние, сопровождающее основное действие или состояние, тем самым характеризуя и субъект. Такая конструкция выступает в качестве полипредикативного осложнителя[10]. В нашем исследовании эта модель также является наиболее широко представленной. На нее приходится 83% от общего числа проанализированных неморфологизованных форм. Среди них: *с гордостью, с испугом, с любовью, с насмешкой, с осторожностью, с радостью, с раздражением, с тоской, с удивлением* и др.: *Теткина квартира уже изживала себя, она приглянулась внучке, собиравшейся замуж, и рязанский женишок ее* ***с нетерпением*** *посматривал на Андрея: ну-ка, милок, выматывайся…* (А. Азольский. Лопушок). – *Только не всегда удается добраться до места вовремя, –* ***с грустью*** *добавляет врач* (АиФ. 8.10.2008).

Значительно реже (в 9% случаев) встречается модель: «не без+Род. падеж сущ.». Здесь, как отмечает Э.М. Ножкина, предложно-падежная форма существительного позволяет выразить незначительную степень проявления признака[11]. *Нога его, обутая в добротный ботинок из свиной кожи, а вовсе не босая, коснулась –* ***не без отвращения*** *– камня размером с воловью голову* (А. Азольский. Монахи). *Тем не менее братья (****не без колебаний****, правда), уязвленные, видимо, строптивостью деревенской дурочки, завели на нее дело…* (А. Азольский. Лопушок)*; Вчера Юлия Тимошенко* ***не без гордости*** *поделилась с прессой результатами переговоров с тандемом Путин–Медведев* (МК. 03.10.2008); *Неплохой получился дуэт для танго, отметил Андерсон* ***не без гордости****: его роскошная женщина с гигантским сиреневым бантом на гибкой талии умеет танцевать, таскает негра только так* (Л. Нетребо. Имидж).

Модель «в+Предл. падеж сущ.» (6%) также передает эмоциональное состояние субъекта. Существительное с абстрактной семантикой здесь выступает в качестве второго предикативного компонента модели с двойным глагольно-именным предикатом[12]. Согласно «Коммуникативной грамматике русского языка», такие конструкции выражают одновременность действия и состояния одного и того же субъекта[13]:

Причем так: когда сначала на самом видном месте коварно выстригают клок, после чего сопротивление бесполезно, и остается только, снизу вверх, ***в ужасе*** *наблюдать за творящимся над тобой насилием и мечтать об одном – чтобы все это поскорее закончилось* (Л. Нетребо. Чубчик); *Братья потирали* ***в восторге*** *руки, хихикали: «Ай да мы!..»* (А. Азольский. Лопушок); – *Да никто не указывал! – взъерепенился Кустов* ***в страхе*** *и умолк* (А. Азольский. Монахи); *Сердце его заколотилось* ***в*** *великом* ***недоумении*** *и замерло вдруг* ***в тоске*** (А. Азольский. Лопушок); *Она умолкла, подумала – чего бы еще задушевного сказать этой бедной женщине, что сидит* ***в*** *такой тяжелой* ***задумчивости****, уставившись на бесполезно выставленный – теперь вот высохнет – кекс* (Д. Рубина. Почерк Леонардо). Как видим, в двух последних примерах существительные *недоумение* и *задумчивость* имеют при себе зависимые слова.

Авторы «Коммуникативной грамматики» отмечают, что в некоторых конструкциях такого рода обнаруживаются и причинно-следственные отношения – эмоциональное состояние каузирует какое-либо действие[14]. Ср.: *Струя кипятка ударила из ремонтируемой батареи, сантехник, ошпаренный, бросив инструмент, отскочил* ***в ужасе*** *в сторону, прижался к стене, повариха, мокрая, визжа, выскочила в коридор* (Л. Нетребо. Пангоды). Сантехник отскочил в сторону, потому

что испугался внезапно хлынувшей воды; – *Да, – сказал Андрей и вздрогнул* ***в испуге****, услышав собственный голос, и голос будто обозначил его в пространстве* (А. Азольский. Лопушок). Он вздрогнул из-за того, что испугался: только его голос прозвучал в тишине, остальные люди молчали.

Моделью, антонимичной первой, является сочетание предлога *без* с Родительным падежом отвлеченных существительных («без+Род. падеж сущ.). Она указывает на отсутствие какого-либо признака, качества[15]. На эту структуру приходится 2 % встретившихся нам неморфологизованных форм: *Толик Снежков, зубрила и маменькин сынок, не «халявщик», но занудный «экономист», отлично понимая, на что мы, двое его компаньонов, настроены, тем не менее предложил в своем духе, правда* ***без*** *всякой* ***надежды****: – Давайте, возьмем бутылку, если уж так хотите, – это два с чем-то* (Л. Нетребо. Господа офицера); *Ничего: сорвался, как перекати-поле, и уехал* ***без*** *всякого* ***сожаления*** (Л. Нетребо. Имидж); *Расставаться хоть и с неудобным символом красоты Софья собирается* ***без сожаления*** (МК. 03.03.2010); – *Огненный, –* ***без эмоций*** *поправила Варя* (Л. Нетребо. Имидж).

Можно выделить ряд особенностей, которые, на наш взгляд, определяют возможность использования неморфологизованных форм выражения адвербиального признака.

На употребление адвербиализованных конструкций в целом и тех, в состав которых входят неморфологизованные формы выражения признака, может оказывать влияние сфера общения. Наименьшее число адвербиализованных конструкций наблюдается в разговорной речи: в среднем 5 употреблений наречий на 1000 предикативных единиц[16] и 1 неморфологизованная форма выражения адвербиального признака. Это можно объяснить такой особенностью разговорной речи, как стремление к экономии речевых усилий, которое влечет за собой отсутствие образности, преобладание лексем с конкретной семантикой, стандартизованность, стереотипность формы выражения. В разговорной речи, как правило, используется самая частотная модель «с+Тв. падеж сущ.»: *Ты прям так говоришь /* ***с удивлением****!* [смех] *Как будто ты никогда не знала* // (Разговоры знакомых // Из материалов Ульяновского университета. 2007. URL: http: //www.ruscorpora.ru); *И это мне давалось, и я делала это все* ***с любовью*** *всю жизнь свою* // (Фонд «Общественное мнение». 2003. URL: http: //www.ruscorpora.ru); *В моей семье не воевал никто / но я всё равно* ***с гордостью*** *его всегда отмечаю* (Фонд «Общественное мнение». 2003. URL: http: //www.ruscorpora.ru).

Наиболее часто в данной сфере общения употребляются неморфологизованные конструкции, передающие положительную оценку действия: *с удовольствием, с радостью* (в значении «охотно, с готовностью»): *Я бы еще* ***с удовольствием*** *поиграла в другие части «Гномов»* // (Рассказ о компьютерной игре // Из материалов Ульяновского университета. 2007 // ruscorpora.ru); ***С радостью*** *бы / наверное / согласился //* (Фонд «Общественное мнение». 2003. URL: http: //www.ruscorpora.ru).

Больше всего адвербиализованных конструкций можно обнаружить в художественной прозе: в среднем 78 употреблений на 1000 предикативных единиц (7,8%). В основном они выполняют функцию передачи экспрессии высказывания, что объясняется стремлением художников слова отразить особое видение мира, показать свое отношение к героям, создать яркий, запоминающийся образ. В этом писателям помогают ряды наречий, составные наречия и существительные, выражающие адвербиальный признак.

В произведениях каждого из рассмотренных нами авторов неморфологизованные формы составляют незначительную часть от общего числа данных адвербиализованных конструкций. На 1000 предложений приходится в среднем у Л. Нетребо – 0,6% высказываний с неморфологизованными адвербиализованными конструкциями, Л. Улицкой – 0,9%, Д. Рубиной – 1%, у А. Азольского – 1,1%. В газете на 1000 предложений в среднем встречается 0,4% адвербиализованных конструкций с предложно-падежной формой существительного.

Возможно, на использование неморфологизованных форм оказывает влияние уровень художественного мастерства писателя. Стандартным средством, служащим для выражения непроцессуального признака, является наречие. Мастера слова стараются избегать тривиальных, шаблонных способов выражения мысли, поскольку для создания запоминающегося образа нужны необычные, привлекающие внимание читателя приемы (аллитерация, тропы, языковая игра, окказионализмы и т.д.). В связи с этим писатели, характеризуя эмоциональное состояние или поведение героя, отдают предпочтение ярким, экспрессивным наречиям, а также используют неморфологизованные конструкции.

Нередко существительное может иметь при себе зависимые слова, что позволяет автору дать более объемную, полную и точную характеристику ситуации, эмоционального поведения или внешнего облика героя, чего не позволяет сделать одиночное наречие:

«Хорошими ребята мои растут, – ***со спокойной гордостью*** *говорит про своих внуков бабушка, заменившая им мать и отца, – грех жаловаться»* (Л. Нетребо. Пангоды). В данном случае зависимое прилагательное *спокойный* позволяет автору показать, что женщина говорит гордо, но при этом не высокомерно и не натянуто.

Все смотрели на нее ***с выжидательным интересом*** (Л. Улицкая. Пиковая дама и другие). Зависимое прилагательное помогает дать более точное и полное представление о том состоянии, в котором находятся героини: младшим школьни-

цам интересно, что скажет по поводу их поступка старшая, они ждут, как оценят их поведение.

Думается, можно сделать некоторые предположения о причинах, по которым автор выбирает либо наречие, либо морфологизованную форму.

Предложно-падежные формы существительных, на наш взгляд, могут эксплицировать внешние проявления эмоционального состояния: они слышны в голосе, видны в глазах, улыбке и т.д.:

Мать опустилась на табурет, медленно стянула с головы косынку (поседела, фурия, – отметила Вера) и мягко, ***со слезою в голосе****, вздохнула: – Ну вот, вернулась к тебе твоя мамочка*; *– Кентавра? –* ***с*** *серьезным* ***любопытством в глазах*** *спросил Стасик* (Д. Рубина. На солнечной стороне улицы); *Однажды Бузгалин застал Кустова в холле, тот* ***со смущенной улыбкой*** *спрашивал о чем-то мальчугана, сына поодаль стоявшей супружеской четы* (А. Азольский. Монахи).

Можно предположить, что наречие передает сплав, единство состояния и действия, деадъектив же, как уже отмечалось, в силу своей двойственной природы называет сопутствующий признак, сопровождающий основное действие[17]. Ср.: *– Не говорите так! –* ***взволнованно*** *воскликнул старик* (Д. Рубина. Наш китайский бизнес). Действие и состояние образуют единство: он воскликнул+он взволнован. *Так что в Киев я всегда приезжал* ***с удовольствием*** *и тайным* ***волнением****, хотя в конце шестидесятых город уже стал другим* (Д. Рубина. Почерк Леонардо). В данном высказывании использование неморфологизованной формы показывает, что приезд сопровождался состоянием волнения, доставлял приятные ощущения. Однако иногда неморфологизованная форма может быть грамматически связана с глаголом метальной деятельности, что несколько осложняет возможность подобного разграничения: *Но такого яркого сюжета, который (Николай это понял* ***с*** *подзабытым щемящим* ***волнением****) будет чем-то переломным для его уже тридцатипятилетней неинтересной повести, не ожидал* (Л. Нетребо. Мидии не родят жемчуг). Мужчина понял, что ухаживания за чужой девушкой приведут к драке, осознание неприятной ситуации сопровождалось волнением.

Как нам кажется, можно выделить еще одну особенность: иногда, используя наречие, автор стремится показать особенности поведения героя, перманентно присущие ему и проявляющиеся в определенных ситуациях: *А чубатый вслед ему* ***нагло*** *и* ***насмешливо*** *пропел: «Сам был поваром и знает, что все повара воруют!»* (Д. Рубина. На солнечной стороне улицы). Лексемы *нагло* и *насмешливо* относятся не только к особенностям речи, но и поведения, характера героя, рисуют его как человека наглого и насмешливого. Использование предложно-падежной формы существительного показывает, что такое поведение присуще герою в данный момент, зависит от ситуации: *«Мне чудится, –* ***с насмешкой*** *продолжал брат Мартин, – что твое желание вразумить толпу и обратиться к ней с проповедью объясняется просто…»* (А. Азольский. Монахи). Неморфологизованная форма характеризует речь героя в тот момент: в тоне и интонациях его голоса звучит насмешка.

В каких случаях морфологизованная и неморфологизованная формы выражения признака будут взамозаменяемы, а в каких замена наречия существительным или наоборот, будет невозможной?

Если наречие и существительное не являются многозначными словами, то они могут заменять друг друга: *задумчиво – в задумчивости, насмешливо – с насмешкой, почтительно – с почтением* и др.:

– Ваша фамилия? – спросила Бухара ***почтительно*** (Л. Улицкая. Дочь Бухары); *На мосту жандармы* ***с*** *большим* ***почтением*** *смотрели на нумерованный ошейник Магды, чем на документы Петра Ивановича, давно понявшего дурости железного немецкого порядка* (А. Азольский. Кровь). Почтительный – «относящийся к кому-нибудь с почтением, выражающий почтение»[18], почтение – однозначное слово. В первом высказывании наречие может быть заменено существительным, во втором вместо существительного можно использовать наречие.

Если наречие и существительное являются многозначными словами и их значения совпадают, то эти лексемы могут заменять друг друга. Как отмечает Э.М. Ножкина, «синонимия отадъективного имени и наречия может быть мотивирована не одним, а несколькими значениями[19]: *беспокойно – с беспокойством, осторожно – с осторожностью, ловко – с ловкостью* и др.:

Привязал его к фонарному столбу, тому самому, который не светил, и полез в нефтевоз, поехал, ***осторожно*** *обогнул котельную* (А. Азольский. Лопушок). Бандит не хотел, чтобы его самого и его жертву заметили другие люди. ***С осторожностью*** *нужно покупать любые консервы – велик риск ботулизма* (МК. 09.12.2009). В этих примерах наречие и предложно-падежная форма существительного передают значение: «предусматривая возможную опасность, не опрометчиво»[20]; *…он* ***осторожно*** *высвобождался от цепких ручонок и* ***с*** *еще большей* ***осторожностью*** *спихивал с себя девчонку…* (А. Азольский. Лопушок). В данном высказывании реализуется другое значение многозначных лексем: «бережно, не грубо»[21].

Возможно, существует зависимость характера производящей базы от семантики наречия. Э.М. Ножкина отмечает: если наречие образовано от причастия, то первое будет синонимично отглагольному существительному с предлогом – неморфологизованному способу выражения признака[22]: *осуждающе – с осуждением, раздраженно – с раздражением, испуганно – с испугом, в испуге, удивленно – с удивлением* и др.: ***С удивлением*** *она вспоминала, что с утра не ела, да и не хотелось,*

собственно; *Она вдруг* ***удивленно*** *отметила, что раньше не замечала, какие у него темные волосы… да нет, это он так побледнел, – до пепельных губ!* (Д. Рубина. На солнечной стороне улицы).

Особенности семантики и лексической сочетаемости накладывают ограничения на замену неморфологизованной формы наречием в таких парах слов, как: *интересно – с интересом, страшно – со страхом, смешно – со смехом, ужасно – с ужасом* и некоторых др.

Обратимся к рассмотрению лексем: *интересно* и *с интересом*. 1. *Барби* ***интересно*** *рассказывала, как они жили в детском доме на Северном Кавказе* (Л. Нетребо. Имидж). 2. *Секунду задержавшись на первой странице, он уверенно раскрыл где-то в середине, расправил листы, приготовился читать долго,* ***с*** *явным* ***интересом*** (А. Азольский. Степан Сергеич). Фактически наречие *интересно* и конструкция *с интересом* передают один и тот же смысл: что-либо вызывает интерес у кого-либо: 1. X рассказывает Y-у Z, Z вызывает интерес у Y-а. 2. X читает Z, Z вызывает интерес у X-а. Однако наречие и существительное имеют различия в семантике и, следовательно, функционировании. *Интересно* означает: «вызывая у кого-либо интерес, желание вникнуть в суть, понять, узнать»[23], *с интересом* – «проявляя, выражая интерес». Следовательно, наречие и неморфологизованная форма отражают разную направленность непроцессуального признака: *интересно* означает каузировать состояние адресата, *с интересом* – субъект сам испытывает интерес. Таким образом, наречие сочетается, как правило, с глаголами сообщения, связанными с передачей информации, содержание которой может вызвать интерес. Кроме семантических ограничений можно говорить и о лексических: язык не допускает таких сочетаний слов, как *интересно* (в непредикативной функции) *слушать, читать, работать* и т.д. У неморфологизованной формы выражения признака – *с интересом* – более широкий круг сочетаемости: с глаголами речи, восприятия, ментальной деятельности. Действие или состояние, называемое этими глаголами, сопровождается проявлением интереса к чему/кому-либо со стороны субъекта. Таким образом, если в первом примере мы заменим наречие неморфологизованной формой: «Барби *с интересом рассказывала*», то перед нами уже не оценка содержания информации воспринимающим, но состояние говорящего: ей самой интересно это.

Как и в случае с наречием *интересно*, наречие *страшно* в непредикативной функции отражает не состояние субъекта, но особенности восприятия его другими людьми:

Вращает глазами, которые порой ***страшно*** *лупятся мертвенно-меловыми белками* (Л. Нетребо. Златоуст). Наречие имеет здесь значение «вызывая чувство страха». Автор рисует портрет главного героя – пожилого нездорового человека непривлекательной наружности. Наречие характеризует восприятие этого мужчины окружающими: от вида полумертвых бесцветных выпученных глаз становится страшно. Неморфологизованные формы *со страхом* и *в страхе*, в свою очередь, характеризуют эмоциональное состояние субъекта(-ов), о котором(-ых) идет речь в высказывании:

Глаза их блуждали, а руки тряслись, когда они – несколько лет спустя – ***со страхом*** *рассказывали другу Андрею, что произошло с Марусей и кто она ныне* (А. Азольский. Лопушок); *…он* ***в страхе*** *побежал к автобусу.* (А. Азольский. Монахи).

Если одно слово обладает кругом значений, которые отсутствуют у другого, то совершенно очевидно, что возможность взаимозамены лексем будет зависеть от контекста. Рассмотрим это на конкретных примерах.

Обратимся к паре «*любовно – с любовью*». Существительное *любовь* и образованное от него прилагательное *любовный* (производящая база наречия *любовно*) являются многозначными словами. В зависимости от контекста в семантике лексем *любовно* и *с любовью* актуализируются разные семы. Многозначное слово *любовь* толкуется как: «1. глубокое эмоциональное влечение, сильное сердечное чувство. 2. чувство глубокого расположения, самоотверженной и искренней привязанности. 3. постоянная сильная склонность, увлеченность чем-н. 4. предмет любви. 5. пристрастие, вкус к чему-либо»[24]. Наречие *любовно* тоже имеет несколько значений: 1. «выражая любовь», 2. «внимательно-заботливо»[25]. При реализации первого значения наречие будет сходно с неморфологизованным способом выражения качественной характеристики действия: *А я помню, когда был у вас дома, вы так* ***любовно*** *на своих пауков смотрели! – И все-таки это не любовь к пауку, а большой интерес* (МК. 20.06.2007); *Мать слабо реагировала на них* [дочерей], *отец страдал от одного факта их существования, и только бабушка принимала их как дар небес,* ***любовно*** *и благодарно, стыдясь момента первой неприязни к ним…* (Л. Улицкая. Чужие дети); *Жванецкий всегда вспоминает о Райкине* ***с любовью,*** *но и с обидой за то, что тот ему не давал самому выходить на сцену* (МК. 19.05.2009).

Другое значение – «заботливо-внимательно» – является специфическим именно для наречия и отсутствует у существительного: *А на синем ватном чапане кто-то* ***любовно*** *нашил две аккуратные заплатки: голубую – на рукаве и бирюзовую – под мышкой* (Д. Рубина. На солнечной стороне улицы). Наречие *любовно* показывает: тот, кто это сделал, проявил заботу и внимание по отношению к хозяину вещи. Здесь невозможна адекватная замена морфологизованной формы существительным. В определенных контекстах могут соединяться оба значения – «заботливо-внимательно» и «выражая любовь»: *Единственный персонаж, претендующий на нормальность – дочь Инженера (Анна Михалкова),* ***любовно*** *и*

терпеливо обихаживающая больного папу и его друга (МК. 11.06.2009) – дочь любит отца и проявляет заботу о нем.

На наш взгляд, наречия *любовно* может в зависимости от контекста принимать не только те значения, которые зафиксированы в словаре, но и некоторые другие:

Крупно и четко, как-то ***любовно*** *высечены были матерные слова, а также таинственные имена – Илона, Регина… и застарелая глубокая насечка «попсяра!», неизвестно что обозначающая* (Д. Рубина. На солнечной стороне улицы). Здесь, на наш взгляд, наречие *любовно* принимает значение не столько «заботливо-внимательно», сколько «старательно, аккуратно».

На маленькой эстраде певица, полная негритянка в блестящем наряде, открывающем ее пышные плечи, разминалась: подтанцовывала, поводила руками, как бы подгоняя музыкальное вступление, которое ***любовно*** *выдувал трубач, смешной тощий черный паренек, и пробрасывал по клавиатуре пианист – тоже смешной, пожилой крахмальнобородый альбинос в розовой рубахе…*(Д. Рубина. На солнечной стороне улицы). Как нам кажется, в данном контексте помимо основного значения наречия *любовно:* «выражая глубокое пристрастие, любовь» к своему делу, реализуется и значение «старательно».

Его здесь ***любовно*** *называют ангелочком* (АиФ. 16.06.2004). В статье говорится о самом младшем воспитаннике детского дома, которого очень любит персонал. Значение «выражая глубокую привязанность» здесь совмещается со значением «ласково, нежно» (в «Словаре синонимов русской речи» *любовно* имеет синонимы: ласково, мягко, нежно и др.)[26].

Итак, *любовно* и *с любовью* не всегда могут быть взаимозаменяемы, поскольку отличаются значениями и их оттенками: наречие, помимо значения «выражая любовь», имеет и другие: внимательно-заботливо, старательно, ласково.

В зависимости от контекста наречие *радостно* и словоформа *(с) радостью* могут быть и близкими по значению, и иметь различия в семантике. Слово *радость* – многозначное. Оно имеет значения: «1. Веселое чувство, ощущение большого душевного удовлетворения. *Испытывать р. С радостью помогу (очень охотно, с полной готовностью).* 2. То, что (тот, кто) вызывает такое чувство. 3. Радостное, счастливое событие, обстоятельство»[27]. Как видим, в форме Тв.п. в сочетании с предлогом *с* существительное приобретает дополнительный оттенок основного значения: *очень охотно, с полной готовностью,* то есть будет являться «знаком положительной волевой реакции»[28]. Наречие *радостно* образовано от прилагательного *радостный* (1) и имеет значение «полный радости, веселья, выражающий радость»[29]. Оно может заменять конструкцию *с радостью* только в том случае, когда неморфологизованная форма не реализует дополнительного значения *«охотно».* В «Словаре-тезаурусе синонимов…» форма *с радостью* располагается в группе «Надежда–Отчаяние», подгруппе «Желание» и входит в состав синонимического ряда: *охотно, с охотой, с удовольствием, разг.-сниж. в охотку*[30], тогда как наречие *радостно* находится в группе «Радость–Грусть», подгруппе «Радость» и имеет синонимы: *весело, жизнерадостно, задорно, оживленно*[31]. Итак, мы видим, что *с радостью* может быть заменено словом *радостно* в том случае, когда первое означает «с веселым чувством, ощущением большого душевного удовлетворения»:

– Да, да! – он ***радостно*** *закивал, довольный тем, что быстро нашел приемлемый для всех выход* (Л. Нетребо. Загорелая звезда); ***Радостно*** *шел в институт, как на школьный праздник с раздачей новогодних гостинцев, а глянул на доску объявлений – и обомлел: в списках принятых на прокурорско-следовательский факультет фамилии его не было!* (А. Азольский. Облдрамтеатр); *Каждая калитка взрывалась яростным собачьим лаем, и Верка* ***радостно*** *сообщала: – Собацка!.. – и спрашивала без конца. – А тетя бо-бо?* (Д. Рубина. На солнечной стороне улицы); *– С того мгновения, как обняли дочку Светланку, до самых Пангод со слезами и* ***радостью*** *твердили друг другу: наконец-то вместе, наконец-то вместе!..* (Л. Нетребо. Пангоды); *«Это настоящее чудо, вы привезли из Москвы хорошую погоду», –* ***с радостью*** *констатировали завсегдатаи «Новой волны» в день открытия конкурса* (МК. 24.07.2008); *Если еще недавно статистики* ***с радостью*** *констатировали, что народ переходит на более дорогие охлажденные говядину и свинину, то в этом году доходы большинства населения не позволяют особо привередничать* (МК. 08.04.2009).

В том случае, когда *с радостью* приобретает в контексте значение «охотно, с готовностью», оно не может быть заменено наречием *радостно*:

– Он без ума от вас, и так далее… звонил тут, советовался и просил быть свидетелем на вашем бракосочетании… Я бы ***с радостью,*** *но вот не доведется… к сожалению…* (Д. Рубина. На солнечной стороне улицы). *Так приезжай, пока он жив, а я* ***с радостью*** *послужу вам переводчиком…* (Д. Рубина. Белая голубка Кордовы); *Московская область готовится включиться в эксперимент, который* ***с радостью*** *поддержат многие автолюбители* (МК. 22.09.2009). Во всех вышеперечисленных примерах структура *с радостью* может быть заменена наречием *охотно* без ущерба для смысла высказывания. Однако А.Б. Пеньковский указывает на возможные отличия в значении этих слов: «за наречием *охотно* стоит волевая, а за оборотом <…> *с радостью* – чувственная сфера», при этом *охотно* как волевая реакция предшествует действию, тогда как радость сопутствует ему[32].

Как мы заметили, наречие *радостно* в газете может использоваться в контекстах, для которых оно совершенно не свойственно:

Вечером того же дня в новостях показали сюжет о теракте, и Тайжанов ***радостно*** *сообщил жене: «Смотри, это я сделал»* (МК. 14.12.2009); *Сайт боевиков* ***радостно*** *сообщает о нападении на буйнакский оздоровительный комплекс «Сауна Олимп», называя его борделем* (МК. 14.08.2009); *В самом центре российской столицы, на глазах у изумленных прохожих они* [скинхэды] ***радостно*** *вскидывали руки в нацистском приветствии* (МК. 07.09.2006). Шокирующий эффект от такого рода высказываний возникает за счет нарушения этических норм. Журналист показывает ситуацию глазами преступников, которые не испытывают раскаяния в содеянном. Такая манера подачи материала служит для эффективного воздействия на читателя: он неприятно поражен и вместе с автором статьи осуждает нарушителя морального и гражданского закона.

Обратимся к рассмотрению пары «откровенно – с откровенностью». Оба слова являются многозначными. Общим для них является значение «искренне, чистосердечно»[33].

Если ***откровенно*** *говорить, родная дочь Лора не достигла такого положения, в относительном исчислении…* (Л. Улицкая. Цю-юрихь); *…прошлое пациента не желало обнаруживаться: ни на каких сеансах больной не говорил о себе* ***откровенно****, на что рассчитывает каждый психиатр* (А. Азольский. Монахи). ***С*** *дружеской* ***откровенностью*** *признались, что их диссертации (будто Андрей Николаевич не знал этого!) давно уже написаны, год назад могли они защититься, но природная щепетильность не позволяет им уравнивать себя с ним* (А. Азольский. Лопушок). В данных примерах без ущерба для смысла высказывания возможна замена морфологизованного способа выражения признака неморфологизованным и наоборот. Однако нужно отметить, что наречие *откровенно* помимо названного имеет еще два значения. Одно из них, опираясь на «Словарь-тезаурус синонимов…»[34] и «Толковый словарь…»[35], можно охарактеризовать как «явно, прямо, нескрываемо, очевидно».

Члены Штаба переглядывались, а Гастев ***откровенно*** *ухмыльнулся, дивясь искусству Францева умно обдуривать* (А. Азольский. Облдрамтеатр). Здесь наречие принимает значение «открыто, явно выражая что-либо». Герой (Гастев) не верит словам майора милиции (Францева) и открыто ухмыляется, выражая скептицизм по поводу скорого раскрытия преступления.

А украинка выразилась ***откровенно:*** *«Ой, Лыду, яке ж воно* [дитя] *в тэбэ дур-нэ!»* (Д. Рубина. На солнечной стороне улицы). Пожилая женщина увидела перед собой некрасивого ребенка и, не заботясь о том, что может обидеть мать девочки, прямо высказала свое мнение. В этих высказываниях невозможна адекватная замена наречия неморфологизованным способом качественной характеристики действия.

В «Толковом словаре …» зафиксировано еще одно значение прилагательного *откровенный* (производящей базы наречия *откровенно*): «(об одежде): слишком обнаженный, открывающий тело»[36]. Однако, если мы обратимся к «Словарю-тезаурусу синонимов…», то увидим, что данное прилагательное может характеризовать не только одежду, но и поведение человека. В данном значении оно входит в состав синонимического ряда: «бесстыдный, непристойный, нескромный, циничный, разг. бесстыжий, разг. похабный»[37]. Следовательно, производное от него наречие *откровенно* может в зависимости от контекста принимать значение «непристойно, неприлично, бесстыдно»:

И все быстрее, все яростнее двигались на сцене шестеро чернокожих мужчин, все ***откровеннее*** *вращали бедрами, все круче оттопыривали ягодицы…* (Д. Рубина. На солнечной стороне улицы).

Обратимся к особенностям функционирования неморфологизованных адвербиализованных конструкций.

Мы заметили, что способ выражения (морфологизованный или неморфологизованный) адвербиального признака оказывает влияние на функции адвербиализованных конструкций. Непроцессуальный признак способны передавать существительные, представляющие собой номинации эмоций. Отсюда ясно, что адвербиализованные конструкции, включающие в себя неморфологизованные формы, не предназначены для характеристики внешнего вида человека или ситуации.

Необходимо обратить внимание на то, в каких отрезках текста художественного произведения или газеты встречаются неморфологизованные формы выражения адвербиального признака. Чаще всего они используются в словах автора, обрамляющих диалог или внутренний монолог героев (54% от общего количества проанализированных неморфологизованных конструкций), их можно обнаружить также в повествовании (40%), реже – в прямой речи героев, когда они описывают свое состояние или отношение к чему-либо (4%), и газетных заголовках (2%).

Данные конструкции выполняют следующие функции. 88% неморфологизованных конструкций служат для передачи эмоционального (иногда – связанного с ним ментального) состояния, в котором пребывает человек:

Н-н… мы всегда ***с радостью / с*** *большим* ***удовлетворением*** *шли на эти субботники* // (Рассказ о жизни в Норильске // Русская разговорная речь Заполярья: Норильск: Тексты. URL: http: // www.ruscorpora.ru). Адвербиализованные формы здесь служат для передачи ощущения эмоционального подъема, который испытывали люди в этот момент.

Отчеканила только ***с*** *тихим, леденящим душу* ***бешенством****: – Еще разок лапу на меня*

поднимешь – горько раскаешься… (Д. Рубина. На солнечной стороне улицы). Форма *с бешенством* характеризует эмоциональное состояние героини: она не может поладить с буйной матерью, недавно вернувшейся из тюрьмы. Зависимые формы позволяют автору точно передать то, как именно прозвучала угроза девушки.

Кроме того, неморфологизованная форма может характеризовать ментальное состояние, которое является следствием глубокого эмоционального потрясения: *Андрей Николаевич вскрыл конверт и* ***с ужасом*** *прочитал, что книга его выброшена из плана и что издательство требует возврата аванса.* ***В*** *глубокой* ***задумчивости*** *сидел он на кухне, и сомнения раздирали его* (А. Азольский. Лопушок). Герой только что получил извещение издательства, куда он отдал свое произведение, что книга не будет напечатана, в связи с чем он должен вернуть аванс. Мужчина был подавлен: он уже потратил все полученные от издательства деньги, он надолго задумался о том, что ему теперь делать.

9% неморфологизованных форм описывают поведение героев, отношения между ними:

– Ка-ать… – ***с*** *жалостливым* ***укором*** *протянул Коля, – натаскались же…* (Д. Рубина. На солнечной стороне улицы). Предложно-падежная форма существительного *с укором* имеет при себе уточняющее семантику зависимое прилагательное: *жалостливым.* Герой помогал женщине переносить мебель и рассчитывал на то, что его труд будет оплачен. Та, однако, думала, что друг поможет ей безвозмездно. Его это не устраивает: он укоряет женщину в несправедливости и в то же время пытается выклянчить деньги, разжалобив ее.

В 2% случаев такие формы служат для характеристики ситуации: *Концерт прошел* ***с*** *большим* ***успехом*** (Л. Улицкая. Путешествие в седьмую сторону света). Лишь 1% описывает физическое состояние. Однако нередко такие конструкции совмещают характеристику физического состояния человека с эмоциональным: *Матобор* ***со*** *счастливой* ***усталостью*** *объявил утреннему автобусу, что на «вырученные» деньги решил поменять себе зубы* (Л. Нетребо. Златоуст). В данном случае *с усталостью* передает не только физическое состояние героя: он был грузным пожилым человеком, и тряска в автобусе всегда доставляла ему дискомфорт. На наш взгляд, автор с помощью этой формы передает также длительную эмоциональную и душевную усталость героя. Мужчина регулярно выплачивал алименты бывшей жене, полагая при этом, что все деньги та тратит на свои потребности и ребенку не достается ничего. Теперь же сын достиг 18-летнего возраста, и отец, которому надоело выплачивать деньги, был счастлив освободиться от неприятной обязанности.

Таким образом, неморфологизованные средства выражения адвербиального признака предназначены, в основном, для характеристики эмоционального состояния человека.

Адвербиализованные конструкции, в состав которых входит наречие, более разнообразны по характеру производящей базы (включают слова не только с качественным, но и относительным значением), а значит, и по своим функциям. Согласно нашим данным, приблизительно 66% такого рода конструкций характеризуют человека (60% из них описывают эмоциональное состояние человека, 18% – особенности поведения, 12% – физическое состояние, 10% – внешний вид), 34% приходится на характеристику ситуации.

На основе проведенного анализа мы можем сделать следующие выводы. Возможность замены морфологизованной формы неморфологизованной и наоборот зависит от словообразовательных, семантических и лексических особенностей этих слов. Выбор, который пишущий или говорящий делает в пользу наречия или адвербиализованной формы существительного, зависит от тонких семантических различий данных лексем. Адвербиализованные конструкции, в состав которых входят наречия, отличаются по своим функциям от тех, в которые включены существительные с предлогом. Оба типа конструкций служат, в основном, для передачи эмоционального состояния человека, однако для первых характерно большее разнообразие функций.

Примечания

1 *Аванесов Р.* Второстепенные члены предложения как грамматические категории // Русский язык в школе. 1936. № 4. С. 53–60.

2 Русская грамматика: науч. труды: в 2 т. / гл. ред. Н.Ю. Шведова. М., 2005. Т. 1. С. 704.

3 *Дегальцева А.* Семантико-синтаксический процесс адвербиализации как одно из явлений современного синтаксиса (на материале газетных публикаций и художественной прозы) // Филологические этюды: сб. науч. ст. молодых ученых: в 3 ч. Саратов, 2008. Вып. 11, ч. III. С. 18–21; *Она же.* Семантика субъекта и предиката в высказываниях с адвербиализованными конструкциями // Филологические этюды: сб. науч. ст. молодых ученых: в 3 ч. Саратов, 2009. Вып. 12, ч. III. С. 7–10.

4 См.: Русская грамматика: науч. труды; *Золотова Г.* Синтаксический словарь: репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М., 1988; Коммуникативная грамматика русского языка / под общ. ред. Г.А. Золотовой. М., 2004.

5 Русская грамматика: науч. труды. С. 177.

6 См.: *Золотова Г.* Указ. соч.; *Ножкина Э.А.* О грамматическом аспекте фразеологизации значений (к соотношению системности и авторского употребления) // Вопросы стилистики: межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 1999. Вып. 28. С. 79–88.

7 Русская грамматика: науч. труды. С. 177.

8 *Ножкина Э.* Развитие в русском языке функциональных вариантов со значением качества, свойства // Вопросы стилистики: межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 1986. Вып. 21. С. 16.

9 См.: *Золотова Г.* Указ. соч.; *Ножкина Э.А.* Развитие в русском языке функциональных вариантов со значением качества, свойства. С. 8–18.

10 *Золотова Г.* Указ. соч. С. 281.

11 *Ножкина Э.* Развитие в русском языке функциональных вариантов со значением качества, свойства. С. 17.

12 *Золотова Г.* Указ. соч. С. 306–307.

13 Коммуникативная грамматика русского языка. С. 273.

14 Там же.

15 *Золотова Г.* Указ. соч. С. 37.

16 Подробнее см.: *Дегальцева А.* Особенности функционирования адвербиализованных конструкций в разговорной речи (в сравнении с художественной речью и газетой) // Филологические этюды: сб. науч. ст. молодых ученых: в 3 ч. Саратов, 2010. Вып. 13, ч. III. С. 342–347.

17 *Золотова Г.* Указ. соч.

18 Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н.Ю. Шведова. М., 2007. С. 712.

19 *Ножкина Э.* О грамматическом аспекте фразеологизации значений (к соотношению системности и авторского употребления). С. 82.

20 Толковый словарь русского языка... С. 580.

21 Там же.

22 *Ножкина Э.* Наречие // Русская разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка. Грамматика / под ред. О.Б. Сиротининой. М., 2003. С. 137.

23 Толковый словарь русского языка ... С. 303.

24 Там же. С. 421.

25 Там же.

26 Словарь-тезаурус синонимов русской речи / под общ. ред. Л.Г. Бабенко. М., 2007. С. 62.

27 Толковый словарь русского языка ... С. 787.

28 *Пеньковский А.* Очерки по русской семантике. М., 2004. С. 253.

29 Толковый словарь русского языка... С. 787.

30 Словарь-тезаурус синонимов... С. 74.

31 Там же. С. 58.

32 *Пеньковский А.* Указ. соч. С. 243.

33 Толковый словарь русского языка... С. 589.

34 Словарь-тезаурус синонимов ... С. 59.

35 Толковый словарь русского языка... С. 589.

36 Там же. С. 589.

37 Словарь-тезаурус синонимов... С. 90.

УДК 811.161.1–25

УСЛОВИЯ ОБЩЕНИЯ, ПОВЫШАЮЩИЕ РИСК КОММУНИКАТИВНОЙ НЕУДАЧИ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ

Ю.В. Бульина

Саратовский государственный университет
E-mail: BulinaJV@yandex.ru

В статье рассматривается проблема возникновения коммуникативных неудач при использовании языковой игры в речи студентов и преподавателей вузов и анализируются условия общения, которые препятствуют эффективной реализации коммуникативного замысла говорящего.

Ключевые слова: языковая игра, типы языковой игры, условия общения, коммуникативная неудача.

The Conditions of Communication Increasing the Risk of Communicative Failure while Using Language Game

Yu.V. Buljina

The article covers the problem of communicative failures, which arise when teachers and students of higher educational institutions use language game, and analyses the conditions of communication, which prevent the speaker from effectively fulfilling his/her communicative intention.

Key words: language game, types of language game, conditions of communication, communicative failure.

Языковая игра (ЯИ) относится к разряду явлений, активно изучаемых лингвистами в последние десятилетия. Ученые сходятся во мнении, что её использование существенно упрощает решение проблем, нередко возникающих в ходе общения, в том числе в общении преподавателей и студентов вузов, которое является объектом исследования в данной статье. Применение ЯИ помогает быстрее установить контакт с аудиторией, настроить собеседника на положительное восприятие исходящей от говорящего информации, улучшить настроение участников коммуникации, снять напряжение, усталость, преодолеть социальные и возрастные барьеры. Однако в некоторых случаях использование игрового приема влечет за собой коммуникативную неудачу. Данный факт свидетельствует о том, что существует ряд факторов, которые ограничивают употребление ЯИ в ходе коммуникации между студентами и преподавателями. Выявление таких факторов и условий является целью данного исследования.

© Ю.В. Бульина, 2010

Речь говорящего всегда ориентирована на адресата и изменяется в зависимости от тех или иных характеристик собеседника. Таким образом, при использовании ЯИ следует руководствоваться отношением адресата к данному явлению. Большинство людей, как правило, в целом положительно относятся к применению ЯИ в речи, однако встречаются и те, кто считает это неприемлемым в любой ситуации. Отношение адресата к использованию ЯИ выявляется в ходе продолжительного непосредственного общения с данным человеком в различных коммуникативных ситуациях. Если опыт общения убеждает в том, что адресат негативно относится к игровому приему, следует его избегать, в противном случае велик риск коммуникативной неудачи.

Стоит отметить, что полное отрицание использования ЯИ в речи встречается редко. Анализ нашего материала показал, что чаще всего недовольство выражают люди, имеющие более высокий социальный статус, чем человек, применивший игровой прием (в этом случае одной из целей критики игрового высказывания, как правило, является демонстрация высокого социального положения говорящего), или люди, не имеющие никакого представления о существовании изучаемого явления. Очень часто такие люди сомневаются в собственных знаниях норм русского языка.

Студентка благодарит подругу за развернутый ответ на ее вопрос:

– Спасибо, ты мне реально помогла. Что бы я без тебя делала…

– [С улыбкой] *Да ладно, обращайся, я тебе еще чего-нибудь* ***наскажу****…*

– Что сделаю?

– ***Наскажу****.*

– А разве есть такой глагол?

– Нет, я просто пошутила. Ну в смысле, сама его придумала…

– Ты в следующий раз поаккуратней со словами, я уж подумала, что я русский напрочь забыла.

В приведенном примере девушка, к которой обращено игровое высказывание, демонстрирует неудовлетворительное знание лексики русского языка и непонимание несерьезности интонации собеседницы.

Студент обращается к преподавателю:

– А можно спросить? Вот тут у нас в билетах вопрос «Обзор теорий происхождения человека»… Их что, все надо ***обзоревать****, их както очень много…*

– Во-первых, если вы выучите материал, вы узнаете, что их не так много, а во-вторых, не коверкайте слова, вы не с подружкой разговариваете.

Сделав замечание студенту, преподаватель достиг сразу двух целей: напомнил собеседнику о своем социальном статусе и коммуникативной роли и призвал тщательнее изучить экзаменационный материал.

В большинстве случаев причиной коммуникативной неудачи говорящего является негативное эмоциональное состояние адресата (стресс, раздражение, страх, усталость и т.д.), отсутствие коммуникативного контакта в момент произнесения игрового высказывания, нарушение канала связи между собеседниками, отсутствие у адресата фоновых знаний, необходимых для понимания использованного приема, особое отношение к тематике высказывания.

Ведущий секции на конференции спрашивает у студента-докладчика:

– Вы принесли с собой наглядный материал к докладу?

– Принес, но наш ***складной мозговитый друг*** [ноутбук] ***не нашел общий язык с моей флешкой*** *и, вообще,* ***он меня*** *по-моему* ***зверски недолюбливает****.*

– Прекратите ерунду молоть, и так голова кругом, можно же просто сказать, что нет.

К моменту диалога конференция длится почти два часа. По поведению ведущего секции, которому в одиночку приходится контролировать ход мероприятия и работу многочисленной аппаратуры, заметно, что он устал и вновь возникающие проблемы начинают его раздражать, поэтому попытка студента улучшить эмоциональное состояние собеседника с помощью синтаксического и логико-фактического типов ЯИ не увенчалась успехом.

Девушка увлеченно рассказывает парню о приобретении подруги:

– Верка себе офигенный комп прикупила. Процессор два ядра, жесткий диск на 500 Гб, видеокарта последняя, оперативка 3 Гб, клава и мышь беспроводная. Можно и 3D поставить, и игрушки какие хочешь… [Далее следует длительное перечисление возможностей этого компьютера.] *Короче, это* ***очень-преочень суперобалденное*** *чудо техники. И я тоже хо-о-о-чу.*

– Ладно, это уже понял, а что еще новенького?

Использование в речи девушки игрового приема не вызвало никакой реакции собеседника, поскольку за те несколько минут, в течение которых она описывала достоинства компьютера, собеседник успел отвлечься от темы разговора, практически перестал вникать в суть услышанного, поэтому он просто не распознал ЯИ в последнем высказывании, несмотря на его сильную позицию в конце монолога.

Разговаривают два студента:

– Слушай, мы так душевно отдохнули. Как никогда в жизни. Короче, приехали мы на море, там два дня повалялись – делать вообще нечего, кругом одно и то же. И тут надыбали мы одного чувака. Он типа экскурсии водит по горам. Скинулись мы ему по пятерке, ***ноги в руки, палатку в зубы*** *и вверх. Ночевали в горных аулах или как их там… Забьем. Главное –* ***нет толпы, которая за тобой бегает и вечно под ногами крутится****,*

тишина, природа, горы, водопады и ты. Экстрим на каждом шагу. Даже мылись в речке. В общем, ***сплошное «вау».***

– Ну вы красавцы. На следующий год туда же? Может, и мне рискнуть здоровьем?

– Вот тормоз, он еще думает… Ты даже не ***представляешь себе ваувность этого «вау»!***

Собеседник расслышал последнюю реплику лишь частично, поскольку в момент ее произнесения у одного из стоящих рядом студентов очень громко зазвонил телефон. Вследствие этого адресат с трудом понял смысл высказывания и не отреагировал на использование ЯИ.

Преподаватель заканчивает рассмотрение темы:

– На этом мы закончим рассмотрение реакций электролиза расплавов и солей. Как говорил профессор Кульменко, ***що незрозумили?***

– Что?

– А еще раз можно?

– А по-русски?

Преподаватель родился на Украине и в своей речи часто использует украинские слова. Студенты, знающие его довольно давно, положительно реагируют на подобные высказывания. Однако в данном случае преподаватель не учел, что это одна из первых его лекций на этом курсе, поэтому студенты, которые никогда не изучали украинский язык и не знали о привычке педагога, не сразу поняли смысл произнесенных им слов.

Трое студентов стоят перед дверью в аудиторию, в которой проходит экзамен:

– Ну что, пойдем сдаваться на милость врага?

– Не-е, мы еще, я думаю, повоюем, попартизаним! ***За Родину, за Сталина, точнее – за зачетку, за стипендию! Ура, блин!***

– Ну хватит уже, перебор. Люди умирали, а вам бы только смеяться. Вычитали одну фразу и ***давай ей направо-налево погонять.***

В этом разговоре один из собеседников обыгрывает в своем высказывании широко известный призыв времен Великой Отечественной войны, что вызывает негативную реакцию со стороны последнего участника коммуникативного акта, которому эти слова напоминают о запомнившейся с детства трагической истории из жизни его родных.

Возможен и такой вариант, что адресату не понравилось то, каким образом обыграны нормы языка. Как правило, это касается случаев, когда основной комический эффект строится на довольно грубом нарушении грамматических связей или грамматической структуры предложения, изменении фонетического состава («коверкании») слов.

Преподаватель интересуется успехами в учебе знакомых студентов:

– Ну как, отмучились? Сессия, надеюсь, закрыта?

– Да, мог бы повышенную стипендию получать, а из-за одной запятой в курсовой у меня «четыре» и прощай триста рублей. Это тоже деньги. Мы, в конце концов, физики, а не филологи.

– О да, ***великая могучая русский языка.*** *Куда ж без него. Особенно в стране гастарбайтеров и полуграмотных обладателей сертификатов ЕГЭ.*

– Павел, Павел, интеллигентом себя считаете, а так изгаляетесь над родным языком. Вы бы лучше свою изобретательность на учебу направили, глядишь, и с русским проблем бы не было…

В приведенном примере говорящий использует грамматический тип ЯИ, в результате чего прилагательные в составе предложения перестают быть согласованы с главным словом «язык». Неблагозвучие, грубоватость высказывания усиливается из-за того, что словосочетание «великий могучий русский язык» является для русской культуры устойчивым, даже если человек не знает о том, что автором этих слов является И.С. Тургенев.

В ходе учебного процесса в вузе постоянно возникают ситуации неравного общения, когда один из собеседников имеет более высокий социальный статус. В основном это утверждение, конечно же, относится к студентам и преподавателям, поскольку в коммуникативных ситуациях в вузе наиболее высоким социальным статусом обладает преподаватель. Однако в подобной ситуации может оказаться и сам преподаватель, например на конференции, на заседании кафедры, в общении со своими старшими коллегами.

Если в рамках такой коммуникативной ситуации ЯИ использует человек с более низким социальным статусом, следует, прежде всего, опираться на опыт общения с адресатом (применяет ли этот человек ЯИ в своей речи, какой стиль общения со студентами/младшими коллегами предпочитает). Если говорящий не уверен, что реакция на использование игрового приема в данной ситуации будет положительной, следует отказаться от него, поскольку автор высказывания рискует стать объектом критики и произвести негативное впечатление на собеседника.

Человек, обладающий более высоким социальным статусом, в такой коммуникативной ситуации отчасти защищен от открытого выражения негативной реакции своим положением, но необходимо учитывать, что чрезмерное использование ЯИ скорее всего отрицательно скажется на взаимоотношениях с адресатом в дальнейшем.

В течение первых пятнадцати минут лекции преподаватель произносит следующие фразы:

– Итак, я приветствую всех, кто ***мужественно нашел в себе силы и желание прийти сюда и сесть за парты.*** *Начнем.*

– Как ***вы, наверное, уже благополучно забыли и положили на дальнюю полку своего мозга,*** *реакция распада урана протекает при строго определенных условиях, а именно: превышении числа выделяемых распадающимися ядрами нейтронов числа нейтронов, покидающих урановый*

конгломерат. Это сложно, но дальше будет только непонятнее и ***хужее.***

– При ядерном взрыве происходит экспоненциально быстрое освобождение большого количества ядерной энергии, продолжающееся до тех пор, пока не израсходуется весь ядерный заряд. Поэтому, ***если вам реально повезло и между вами и эпицентром взрыва менее 30 км, можете тихо и аккуратно покапывать себе могилку.***

– Ядерный ракетный двигатель (ЯРД) – ***затейливое творение рук нетрезвых конструкторов,*** *которое использует энергию деления или синтеза ядер для создания реактивной тяги. Бывает собственно реактивным (нагрев рабочего тела в ядерном реакторе и вывод газа через сопло) и импульсным (ядерные взрывы малой мощности при равном промежутке времени).*

Студенты отмечали, что слишком частое использование игровых высказываний мешает восприятию материала.

То же самое можно сказать о ситуации, когда коммуниканты, занимающие разные социальные позиции, встречаются впервые. Использование ЯИ в такой ситуации человеком, имеющим более низкий социальный статус, вряд ли будет оценено адресатом положительно, за исключением тех случаев, когда игровой прием является реакцией на заданный собеседником полусерьезный/несерьезный тон коммуникативного акта. Излишняя несерьезность человека, обладающего высоким социальным статусом, также не будет способствовать установлению контакта и налаживанию взаимоотношений.

Преподаватель впервые входит в аудиторию и с улыбкой спрашивает у студента:

– Будущие ***очень великие*** *политологи, 2 курс, 122 группа, я не ошиблась?*

– [Также с улыбкой] *Да, но не совсем, мы* ***нынешние чрезвычайно несчастные и заморенные голодом студенты,*** *которым такое будущее не светит.*

Несерьезный тон разговора задан преподавателем и поддержан студентом.

В перерыве первой с новым преподавателем лекции студент задает ему вопрос:

– [С улыбкой и шутливой интонацией] *Скажите, а регламент экзамена предусматривает раздачу хотя бы* ***микромаленьких*** *розовых слоников?*

– [Серьезно] *Регламент экзамена предусматривает возможность его сдачи или провала на усмотрение преподавателя.*

Преподаватель негативно отнесся к вопросу о поощрениях на экзамене, заданному на первой же лекции в такой форме.

Если же опыт показывает, что адресат положительно относится к использованию ЯИ, данный прием позволит снять напряжение и сократит дистанцию между адресантом и адресатом, будет способствовать установлению более тесного контакта, улучшению взаимоотношений. Но при этом особенно важно учитывать настроение адресата в момент произнесения игрового высказывания. Если человек раздражен, он вряд ли оценит подобный языковой прием, что в дальнейшем может негативно сказаться на взаимоотношениях коммуникантов.

По поведению и речи преподавателя в ходе семинара очевидно, что он чем-то сильно расстроен. Тем не менее, в конце занятия один из студентов задает ему вопрос:

– Сергей Иванович, мы что-то ***малясь чуть-чуть ничего не поняли,*** *будет у нас допуск к экзамену или это очередная* ***ужасная страшилка*** *от деканата?*

– [С вздохом и раздражением в голосе] *Я вам уже три раза объяснял, что пока глава факультета сам не решил, а вы с меня ответ требуете. Вот к нему идите и требуйте.*

Студент остался недоволен ответом и тоном преподавателя. На перемене после занятия в разговоре с однокурсниками он сказал, что высказывание его обидело, и в течение двух недель после данного случая не принимал участия в семинарах этого преподавателя.

Далее проанализируем такой фактор, как официальность/неофициальность коммуникативной ситуации. Официальная обстановка (например, экзамен, конференция) накладывает существенные ограничения на использование ЯИ. Стоит отметить: чем важнее для участников такой ситуации происходящее и чем более официальной является ситуация, тем менее вероятно использование различного рода игровых приемов и положительная реакция адресата высказывания. Поэтому следует помнить о том, что в официальной ситуации даже человек, в целом положительно относящийся к использованию в речи ЯИ, может либо никак не отреагировать на игровой прием, либо отреагировать отрицательно. В большей степени это вероятно, если адресат высказывания имеет более высокий социальный статус, чем говорящий.

Важным фактором, влияющим на успешность ЯИ в официальной коммуникативной ситуации, является то, что нередко общение является массовым, т.е. даже если реплика была обращена к конкретному человеку, ее услышат все присутствующие. Поэтому можно отметить, что при использовании ЯИ в официальной ситуации общения следует, прежде всего, учитывать мнение и отношение к этому явлению не только адресата, но и участника/участников коммуникации, обладающего/обладающих наиболее высоким социальным статусом (если это не один и тот же человек), поскольку его/их реакция на игровое высказывание во многом повлияет на выражение эмоций остальными коммуникантами.

В начале экзамена выясняется, что преподаватель забыл принести свой листок с вопросами. Он просит кого-либо из сдающих отдать ему свой. С задней парты листок передают вперед.

Один из студентов просматривает листок и произносит:

– Подожди, я сейчас быстренько, незаметненько его ***отреда[х]тирую,*** *в смысле замажу то, что я не выучил.*

В разговор вступают еще два студента:

– Эй, так не честно. А как же то, что не выучили остальные?

– Тогда проще за белым листком на ксерокс сбегать…

Преподаватель с улыбкой:

– Тогда мне, если на то пошло, придется бежать за невидимыми чернилами.

Студенты используют фонетический тип ЯИ и статусно-ролевую игру. Преподаватель и студенты знакомы уже второй год. Преподаватель нередко использует ЯИ в своей речи в ходе занятий. Поэтому отвечает студентам тем же. Характерно, что после произнесения первой реплики студенты, не участвующие в разговоре, лишь слегка улыбаются, пытаясь скрыть свои эмоции, и только после положительной реакции на ЯИ преподавателя раздается смех.

Студенты только что получили билеты на госэкзамене и начинают готовиться. Заведующий кафедрой обращается к аудитории:

– Вот мы с вами и дожили до почти последнего для вас экзамена в этом вузе. У вас есть уникальный шанс ***показать все, что вы успели*** *узнать или* ***выудить в процессе учебы.***

– И все, что мы не знаем, не помним и не выучили тоже!

Заведующий кафедрой молча смотрит на студента и выходит из аудитории.

Студент использовал прием статусно-ролевой игры, однако положительной реакции на высказывание не последовало. Преподаватель молча укорительно посмотрел на говорящего, осудив за ненадлежащее поведение в такой важной ситуации.

В таких коммуникативных ситуациях, как лекция, семинар, действие ограничений ослабевает, поскольку участники коммуникации чувствуют себя свободнее, раскованнее. Здесь следует учитывать настроение собеседника, его отношение к использованию ЯИ, стиль общения, который адресат предпочитает (это касается и студентов, и преподавателей, поскольку не все учащиеся положительно относятся к несерьезности в учебном процессе). Точно так же следует избегать чрезмерности в использовании игровых приемов.

Преподаватель начинает первый семинар в новом семестре со знакомой группой:

– Итак, большинство из вас ***более-менее успешно переползли через довольно высокую преграду в виде сессии****, и надеюсь, теперь вы в состоянии* ***покласть в закрома вашего мозга новую информацию.***

После того, как преподаватель произносит эту фразу, одна из студенток говорит своей соседке:

– Вот двуличное создание. «Покласть»… «Переползти через преграду»… А на экзамене из себя такого правильного строил, типа я шуток не потерплю, как же так можно… Это же экзамен…

В дальнейшем выяснилось, что высказывание преподавателя вызвало негативную реакцию у большинства студентов данной группы.

Преподаватель использует логико-фактический, синтаксический и статусно-ролевой типы ЯИ. Однако его стиль общения со студентами в ходе семинара значительно отличается от того, как он разговаривал с ними на экзамене, поэтому применение игрового приема было воспринято аудиторией негативно.

В полуофициальных коммуникативных ситуациях, например, беседа студента с преподавателем до или после занятия на темы, непосредственно не связанные с изучаемым материалом (данная ситуация может быть причислена к полуофициальным, поскольку социальный статус преподавателя продолжает влиять на тональность и общий характер общения), влияние ограничений еще более ослабевает по сравнению с лекцией или семинаром. Но, даже если студент и преподаватель знакомы не первый год, хорошо знают друг друга и разговаривают за чашкой чая, не следует забывать об определенных правилах общения в таких ситуациях, чтобы не испортить отношения.

Студент замечает в столовой знакомого преподавателя:

– Здравствуйте, Игорь Валерьевич! Приятного аппетита!

– Здравствуйте, Павел. Каковы ваши успехи в учебе?

– Грызем потихоньку, ***хотя и наука нас иногда покусывает, и иногда очень больно и не вовремя.***

– Ну что ж, значит, заслужили. Не все же вам издеваться над преподавателями. Грызите дальше, только не разгоняйтесь сильно, а то вам понадобятся новые зубы или ***наука погибнет смертью Кука и вам будет нечем питаться.***

Собеседники используют логико-фактический тип ЯИ. Разговор начинается непринужденно, но последнее высказывание преподавателя показывает, что реплика студента показалась ему неуместной в подобном коммуникативном акте. Следовательно, нельзя классифицировать эту коммуникативную ситуацию как неофициальную и свободную от ограничений, накладываемых социальным статусом преподавателя.

В качестве примера неофициальных коммуникативных ситуаций в стенах вуза можно привести беседу между студентами. На первый взгляд может показаться, что в подобных ситуациях вообще нет ограничений на использование ЯИ. Однако это не так. Чрезмерность использования ЯИ, игнорирование эмоционального состояния собеседника и его отношения к наличию игровых приемов в речи адресанта может привести к коммуникативной неудаче

и ухудшить отношения между коммуникантами. Тем не менее, стоит отметить, что возникающие в неофициальных условиях общения коммуникативные конфликты гораздо проще уладить, чем в полуофициальных и официальных ситуациях.

Студент обращается к одногруппнику, который чем-то расстроен:

– Эй, ежик гигантского подвида, ты чего надулся, как хомяк. Давай-ка вылезай из-под своего панциря негативных переживаний на свет окружающей среды!

– Слушай, хватит уже! Ежик, хомяк, панцирь… Я что – жертва генной мутации, потвоему?

– Да ладно тебе, не нервничай. Я просто хотел настроение тебе поднять, а ты чего-то как-то не так среагировал…

– Во дает, а! Я же еще и крайний! Хотя, да. Фигня все это. Надо пойти похавать, а то, чувствую, придут за мной двое с носилками…

Адресант использует логико-фактический и синтаксический типы ЯИ, но собеседник из-за плохого настроения отрицательно реагирует на его реплику. Коммуникативный конфликт улажен благодаря тому, что собеседник, использовавший игровой прием, вовремя разъяснил адресату свое истинное коммуникативное намерение.

Подведем итоги. Существует ряд факторов, которые необходимо учитывать, чтобы использование ЯИ в речи студентов и преподавателей не повлекло за собой коммуникативную неудачу. Прежде всего, стоит ориентироваться на опыт общения с собеседником, его отношение к игровым приемам и их наличие/отсутствие в его речи. Не стоит употреблять ЯИ в общении с человеком, который отрицательно относится к данному явлению. Если собеседники общаются впервые и они не равны по социальному статусу, человеку с более низким социальным положением предпочтительнее воздержаться от использования ЯИ до тех пор, пока несерьезный тон разговора не задаст собеседник. Следует избегать чрезмерного применения ЯИ в коммуникации, поскольку в этом случае общение грозит перерасти в фарс, что негативно отразится на взаимоотношениях участников общения, особенно если речь идет о студентах и преподавателе. При общении в официальной обстановке можно вводить элементы ЯИ в минимальном объеме, если среди участников коммуникации присутствует обладающий высоким социальным статусом человек, положительно относящийся к использованию игровых приемов в речи, поскольку остальные коммуниканты будут ориентироваться на его реакцию на ЯИ. В полуофициальных и неофициальных коммуникативных ситуациях действие этих ограничений значительно ослабевает, но не прекращается.

УДК 821.161.1.09-1/31+929 [Гоголь+Пушкин]

НАРЕЧИЯ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ ТЕКСТА (на материале повести Н.В. Гоголя «Невский проспект» и стихотворения А.С. Пушкина «К***»)

Т.П. Ившина

Московский педагогический государственный университет
E-mail: i.t.p.-56@mail.ru

В статье проводится сравнительно-сопоставительный анализ произведений, обоснованный влиянием А.С. Пушкина на творческую судьбу Н.В. Гоголя. При рассмотрении мотива чистоты исследуются лингвистические маркеры прецедентности текста, в том числе и наречия как эстетические единицы, релевантные для цельности текста, в силу их способности аккумулировать смысловой объем и участвовать в создании эмоционально-оценочного поля.

Ключевые слова: прецедентность текста, наречие, мотив, эмоционально-оценочное поле.

Adverbs as the Lingvistic Markers of the Text's Precedent (Based on the Storey «Nevsky Avenue» by N.V. Gogol and the Poem «To *» by A.S. Pushkin)**

T.P. Ivshina

In the article comparative analysis of works is held, substantiated by the influence of A.S. Pushkin on the creative life of N.V. Gogol. While examining the purity motive, linguistic markers of the text precedent are investigated, including adverbs as aesthetic units that are relevant for the text integrity, as they are able to accumulate sense capacity and participate in the creation of the emotive field.

Key words: text's precedent, adverb, motive, emotive field.

«Огромная роль, которую играл в творчестве Гоголя Пушкин, дававший ему и темы и сюжеты, общеизвестна», – констатирует М.А. Цявловский, более тридцати лет занимавшийся исследованием творческого наследия поэта[1]. Однако, доказывая пушкинское происхождение гоголевских текстов, ученый отмечает своеобразное использование писателем разговоров с поэтом, находит в них иную природу, несмотря на записанное П.В. Анненковым шутливое замечание самого Пушкина: «С этим малороссом надо быть осторожнее: он обирает меня так, что и кричать нельзя»[2].

В.В. Набоков, автор книги «Nikolaj Gogol», не соглашался с утверждением о всеобъемлющем

© Т.П. Ившина, 2010

влиянии Пушкина на Гоголя, считал, что дружба писателя с поэтом – миф, придуманный самим Гоголем[3].

Подробно рассматривают историю взаимоотношений Пушкина и Гоголя, роль поэта в литературной судьбе Гоголя, в том числе и оценку «Невского проспекта», данную Пушкиным, Н.Н. Петрунина и Г.М. Фридлендер, которые, на наш взгляд, справедливо замечают: «Гоголь имел полное основание подчеркивать после смерти Пушкина его роль в истории создания своих крупнейших произведений»[4].

Современные исследования творчества Гоголя и Пушкина в сопоставительном аспекте строятся по разным основаниям. Так, А.В. Злочевская, проводя сравнительно-сопоставительный анализ «Ревизора» Н.В. Гоголя и «Бориса Годунова» А.С. Пушкина, называет «Ревизор» экстравагантным примером «глубоко запрятанной пародии, перелицовки сюжета трагического в комический и одновременно пародирования русской истории»; их сходство она видит прежде всего в пародийном отражении «одного из ключевых сюжетов русской истории – о самозванстве»[5].

Любопытна точка зрения Ю. Милославского, который считает необоснованным искать между творчеством А.С. Пушкина и Н.В. Гоголя в 1830-е годы точки соприкосновения, обусловленные «историческими закономерностями литературного развития», как это делают, по его мнению, Н.Н. Петрунина и Г.М. Фридлендер. «В науке о литературе, – пишет ученый, – к числу полноценных вещественных доказательств принято относить художественный текст»[6].

Ю. Милославского поддерживает О. Проскурин: «Что бы ни утверждал Гоголь, “пушкинское” в главнейших произведениях Гоголя нужно, видимо, искать не в “главном” – в сюжете, идеях, характерах, а во “второстепенном”»[7]. Надо полагать, заключая в кавычки «главное» и «второстепенное», автор главным считает сам текст, особенности поэтического взгляда на мир и соприкосновение авторских систем в лингвоэстетической сфере.

«Отголоски рассказов Пушкина»[8] в повести «Невский проспект», по нашему мнению, звучат не только в темах Петербурга и маленького человека, но и в прецедентности пушкинского текста. Мы обратили внимание на близость отрывка из повести Гоголя, связанного с повествованием о встрече Пискарева с прекрасной незнакомкой, пушкинскому стихотворению, посвященному Керн. Не ставя перед собой задачи филологического анализа повести, попытаемся показать роль наречий наряду с другими художественными средствами не только в создании эмотивного поля текста, но и в реализации авторской идеи, сопряженной с темой нравственной чистоты, которая звучит и в стихотворении Пушкина, что позволило объединить столь разные произведения в одном исследовании.

Замысел повести, относящийся к 1831 г., напрямую не связан со стихотворением А.С. Пушкина «К***» 1925 г., однако, на наш взгляд, в гоголевском произведении есть аллюзии и реминисценции, отсылающие читателя к пушкинскому тексту.

Показательно, что при сравнении «Я помню чудное мгновенье…» А.С. Пушкина и «Сияла ночь…» А.А. Фета Е.В. Василенко[9] свой вывод о сходстве произведений в основной идее – утверждении возможности сопротивления тяготам жизни и торжества идеала над действительностью – подкрепляет призывом Гоголя: «Буди чаще наши меркантильные души! <…> Волнуй, разрывай их и гони, хотя на мгновение, этот холодно-ужасный цинизм, силящийся овладеть нашим миром…»[10]. Этим же авторским чувством проникнута повесть Гоголя «Невский проспект», отнесенная М.А. Цявловским к физиологическим очеркам.

Нам показалось неслучайным обращение Н.В. Гоголя в повести к мотиву душевной чистоты, который особенным образом сближает Гоголя с Пушкиным. Приведем отрывки из «Письма к …ой», в которых Н.В. Гоголь как учитель и поводырь, по словам Набокова, говорит о женской сути:

Душа жены – хранительный талисман для мужа, оберегающий его от нравственной заразы; она есть сила, удерживающая его на прямой дороге, и проводник, возвращающий его с кривой на прямую; и наоборот, душа жены может быть его злом и погубить его навеки;

...вы имеете уже красоту, во-вторых – неопозоренное, неоклеветанное имя, в-третьих – власть, которой сами в себе не подозреваете, – власть ***чистоты*** *душевной;*

Но вы имеете еще высшую красоту, ***чистую*** *прелесть какой-то особенной, одной вам свойственной невинности, которую я не умею определить словом, но в которой так и светится всем ваша голубиная душа*[11].

Сквозь весь «Невский проспект» проходит мотив чистоты. Так, в несобственно прямой речи, раскрывающей восприятие Пискаревым случайно встреченной им на проспекте развратной женщины, автор в воображении героя создает образ, олицетворяющий саму непорочность, чистую красоту:

Все черты ее были так ***чисто*** *образованы, все выражение прекрасного лица ее было означено таким благородством, что никак бы нельзя было думать, чтобы разврат распустил над нею страшные свои когти* (с. 18)[12].

Наречие *чисто* в контексте обладает широким смысловым объемом: оно обозначает и притягательность непорочности, и правильность черт лица, их совершенство, и отношение к этой женщине (как к необыкновенному созданию) героя, который стремится во всем видеть чистоту. Последнее усиленно репрезентируется автором в прямом и метафорическом употреблениях с корнем **чист** в разных контекстах:

*... **чисто** подметены ... тротуары* (с. 7)*;*

*Екатерининский канал, известный своею **чистотою*** (с. 8)*;*

*... красота нежная... она только с одной непорочностью и **чистотой** сливается в наших мыслях* (с. 18)*;*

*Чрез эти сновидения самый предмет както более делался **чистым** и вовсе преображался* (с. 25)*;*

*Если она изъявит **чистое** раскаяние и переменит жизнь свою, я женюсь тогда на ней* (с. 26)*;*

*Он не чувствовал никакой земной мысли; он не был разогрет пламенем земной страсти, нет, он был в эту минуту **чист** и непорочен, как девственный юноша* (с.16) и др.

Несовпадение мечты и реальности, а глубже – стремления и невозможности его осуществления приводит героя к трагическому финалу (*О, как отвратительна действительность! Что она против мечты?* – с. 23). Это противоречие реализуется на поверхностном уровне текста (лингвистическом) с помощью семы странного (причем и в авторской речи, и в речи персонажа), которую можно назвать ключевой, так как она вербализуется 11 прилагательными, 1 существительным, 8 наречиями (в том числе предикативными):

*...**странно** сели две вороны...* (с. 39)*;*

*...**странные** характеры встречаются на Невском проспекте!* (с. 10)*;*

*Этот молодой человек [Пирогов] принадлежал к тому классу, который составляет у нас довольно **странное** явление...* (с. 13)*;*

*Женщина <...> так **странно** и нагло посмотрела на Пискарева...* (с. 16)*;*

*...**странными** показались обстоятельства <...> встречи* (с. 22)*;*

*В голове его [Пискарева] родились **странные** мысли* (с. 26)*;*

*...улыбка была исполнена какой-то жалкой наглости; она так была **странна** и так же шла к ее лицу, как идет выражение набожности роже взяточника или бухгалтерская книга поэту* (с. 17)*;*

*Она слушала его с внимательным видом и с тем чувством удивления, которое мы изъявляем при виде чего-нибудь неожиданного и **странного*** (с. 27)*;*

*Вседневное и действительное **странно** поражало его слух* (с. 23)*;*

*Наконец сновидения сделались его жизнию, и с этого времени вся жизнь его приняла **странный** оборот: он, можно сказать, спал наяву и бодрствовал во сне* (с. 23)*;*

*Как **странно**, как непостижимо играет нами судьба наша!* (с.38);

*Но **страннее** всего происшествия, случающиеся на Невском проспекте* (с. 39) и др.

Оценка происходящего как странного углубляет ту пропасть, которая лежит между представлением о жизни и реальностью и которая не может быть преодолена путем компромисса с действительностью, что выражается и глагольно, и адъективно:

*Он **содрогнулся**. Она раскрыла свои хорошенькие уста и стала говорить что-то, но все это было так **глупо**, так **пошло*** (с. 17).

Неприятие героем повести реальной жизни, расходящейся с представлением о ней, обозначенное семой *странного*, соотносится с авторским отношением к изображаемому. Если в начале повести (*Нет ничего лучше Невского проспекта...* – с. 7) странное можно интерпретировать как ‘отличающееся от обыденного, неординарное’, то в художественной цельности странное – ‘неестественное, лишенное чистоты’ (= настоящей жизни), а потому и ‘неприемлемое’, это

*Тот приют, где человек святотатственно подавил и посмеялся над всем чистым и святым, украшающим жизнь, где женщина, эта красавица мира, венец творения, обратилась в какое-то **странное**, двусмысленное существо, где она вместе с чистотою души лишилась всего женского и отвратительно присвоила себе ухватки и наглости мужчины и уже перестала быть тем слабым, тем прекрасным и так отличным от нас существом* (с. 17).

Здесь Гоголь сталкивает сферы чистого и странного в антонимии вторичных номинаций женщины, которые сопровождаются лексикой не только оценочно-характеризующей, но и объясняющей оценки (что отражает авторскую рефлексию, так как личное местоимение *нас*, персонифицируя автора, маркирует объединение авторской точки зрения с точкой зрения персонажа):

	чистое	странное
женщина	красавица мира венец творения чистота души слабое, прекрасное, отличное от мужчин существо	двусмысленное существо лишилась всего женского присвоила ухватки и наглости мужчин перестала быть им
жизненный итог	все чистое и святое, украшающее жизнь, человек подавил и посмеялся	
оценка	*святотатственно*	*отвратительно*

Однозначность негативной оценки, выраженной наречиями разной стилистической окраски, бесспорна. Но если в наречии *отвратительно* превалирует личностная оценка, то наречие *святотатственно,* вынесенное автором в препозицию, укрупняет оценку и проецирует ее как на композиционное решение фразы, построенной на антитезе, так и на интонационное и содержательное: пафос, который задан наречием, поддерживают градация и ряды однородных членов; а в контексте художественного целого наречие коррелирует с семой божественности, присутствующей и в стихотворении А.С. Пушкина. Только у Гоголя чистота опорочена человеком, чем и вызвано употребление наречия высокого стиля. Странное связано с уничтожением чистоты и потому отвратительно.

Для общего сравнения текстов справедливым оказывается замечание В.П. Авенариуса о сущности творчества этих авторов: «…оба – воплощенная жизнь; но Пушкин – вся ее красота и поэзия, Гоголь – вся ее будничная, неприкрашенная правда»[13]. Неслучайно в финале повести итоговое восклицание – отголосок опыта, приведшего к разочарованию:

О, не верьте этому Невскому проспекту! (с. 39).

Примечательно, что стихотворный текст-повествование, не содержащий описания самого воспеваемого предмета, лишь оценочной лексикой возбуждает читательское воображение, создавая не только образ женщины и представление о созидающей роли женской красоты, но и историю жизни лирического героя в шести лаконичных строфах, уложенных в такие синтаксические конструкции, которые легко воспринимаются, несмотря на инверсию, развернутые обстоятельства с генитивными сочетаниями, абстрактную лексику, свойственную книжной речи. Прозрачность текстовых связей, понятность и точность лексики, соответствие жизни, необыкновенная гармоничность и легкость стиха, обеспечивая простоту его восприятия, делают его отражением и личных чувств читателя, заставляют не просто переживать чужую ситуацию, а становиться в позицию лирического героя, сравнивая свои чувства с выраженными в стихотворении. Н.В. Гоголь, испытывающий глубочайшее уважение к таланту А.С. Пушкина, не мог оказаться вне воздействия стихотворения великого поэта.

Емкость сжатой пушкинской фразы, слова-символа детализируется в прозаическом отрывке Гоголя, в котором перемежаются и повествование, и описание, и рассуждение. Рассматривая лишь сюжетную линию Пискарев – прекрасная незнакомка, попытаемся проследить аллюзии и реминисценции в повести в соответствии с текстом стихотворения.

Так, первая строфа пушкинского стихотворения явно просматривается в нарративе Гоголя:

Он [Пискарев] не смел и думать о том, чтобы получить какое-нибудь право на внимание ***улетавшей вдали*** *красавицы, тем более допустить такую черную мысль, о какой намекал ему поручик Пирогов; но ему хотелось только видеть дом, заметить, где имеет жилище это прелестное существо, которое, казалось,* ***слетело с неба*** *прямо на Невский проспект и, верно,* ***улетит неизвестно куда*** (с. 13).

Заметим, что мимолетность встречи, зыбкость мечты подчеркиваются наречиями и субстантивом в функции обстоятельства места, что устанавливает непреодолимую преграду между героем и неизвестной прекрасной женщиной. Эфемерность ожиданий Пискарева усиливается и глаголом в синтаксической функции обстоятельства:

…но как утерять это божество и не узнать даже той святыни, где оно опустилось ***гостить*** (с.15).

Пушкинское *мимолетное* видение, сопряженное со всей жизнью лирического героя, счастьем, соотносится с гоголевским текстом:

Нет, это уже не мечта! Боже! столько счастия ***в один миг****! такая чудесная* ***жизнь в двух минутах****!* (с. 16).

Соотносимость текстов не только во временно́й ограниченности самого факта, но и в способах номинации субъекта: у Пушкина – *виденье*, у Гоголя – *явление*:

Красавица, так околдовавшая бедного Пискарева, была действительно чудесное, необыкновенное явление (с. 18).

Однако в жизненных обстоятельствах героя Гоголя это эмоциональное совпадение лишь кажущееся, восклицание Пискарева усиливает трагичность ситуации в контексте всей его истории.

Гоголь не употребляет заимствования из Жуковского «гений чистой красоты» (*Минувших дней я сохранил – / Цветы мечты уединенной / И жизни лучшие цветы, – / Кладу на твой алтарь священный, / О Гений чистой красоты!*[14]), ставшего широко известным благодаря Пушкину[15], однако тема чистоты звучит и в описании внешности незнакомки, где образ *чистой красоты* писатель передает адвербиально:

Все черты ее были так ***чисто*** *образованы…* (с. 18).

Мотив безнадежной грусти в шумной суете Петербурга также звучит в «Невском проспекте». Он реализуется в первую очередь через абстрактные существительные (*сомнение, гармония, благоговение,* имплицитно – *разрушение*) и противопоставления разного рода. Это столкновение выражения объективной модальности в предложении (ирреальности и реальности действия: *Она* ***бы составила*** *божество – она* ***была*** *какою-то ужасною волею адского духа, жаждущего разрушить гармонию жизни, брошена с хохотом в его пучину* – с. 18), разного смыслового содержания глагольных форм прошедшего времени при видовом

контрасте (перфектное значение в первой части предложения как обращенность к настоящему и плюсквамперфектное как связь с прошлым – во второй: *готов был ... позабыться, как позабылся прежде* – с. 17), а также объединение в границах узкого лингвистического контекста лексики движения и статики (*тротуар несся; кареты со скачущими лошадьми казались недвижимы* – с. 15). Все это подчеркивает противоречия в душе Пискарева – в этом своеобразие Гоголя, о котором говорили В.П. Авенариус и М.А. Цявловский. Вещные детали: *мост, арка, дом, крыша, алебарда часового, золотые слова вывески, будка с нарисованными ножницами, многолюдный зал, толпы поклонников* – наряду с глаголами движения конкретизируют *шумную суету* Петербурга.

Совпадают все чувства и характеристики, отмеченные Пушкиным и получившие у Гоголя отчетливость. В пушкинском тексте реальный облик женщины передан лишь двумя штрихами, не дающими зримого представления о ней: *голос нежный, милые черты.* Прозаический жанр повести позволяет писателю представить небесные черты в развернутом описании:

Ослепительной белизны прелестнейший лоб осенен был прекрасными, как агат, волосами. Они вились, эти чудные локоны, и часть их, падая из-под шляпки, касалась щеки, тронутой тонким свежим румянцем, проступившим от вечернего холода (с. 14–15)*;*

поворот хорошенькой головки; по легким следам прекрасных ножек (с. 15)*;*

зазвучал, как арфа, голос (с. 16)*;*

Но она стояла перед ним так же хороша; волосы ее были так же прекрасны; глаза ее казались все еще небесными. Она была свежа; ей было только семнадцать лет; видно было, что еще недавно настигнул ее ужасный разврат; он еще не смел коснуться к ее щекам, они были свежи и легко оттенены тонким румянцем, – она была прекрасна (с. 17).

Пушкинское *небесные черты* обусловлено у Гоголя обстоятельством *с неба,* что привносит в смысловой объем эпитета кроме семы красоты еще и сему необыкновенности. Двойной повтор существительного *божество* и производного прилагательного еще более возвышает придуманный героем образ. Если эта характеристика представлена Гоголем эксплицитно (*Боже, какие божественные черты!* (с. 17)*; Она бы составила божество в многолюдном зале, на светлом паркете, при блеске свечей, при безмолвном благоговении толпы поверженных у ног ее поклонников* (с. 18)*; Такая красавица, такие божественные черты; ...как утерять это божество* (с. 15), то *вдохновенье*, пробуждаемое гармоничной красотой, имплицитно присутствует в прямой речи персонажа:

Я бы призывал тебя, как ангела-хранителя, пред сном и бдением, и тебя бы ждал я, ***когда бы случилось изобразить*** *божественное и святое* (с. 25).

Думается, и строки о тихом вдохновении и гармонии при описании внешности незнакомки появляются у Гоголя как рефлексивное отражение пушкинского стихотворения:

Все, что остается от воспоминания о детстве, что дает мечтание и тихое вдохновение при светящейся лампаде, – все это, казалось, совокупилось, слилось и отразилось в ее гармонических устах (с. 15).

Следует заметить, что Гоголь, несмотря на отдельные детали (*длинные ресницы, яркая белизна руки сквозь тонкий сиреневый цвет* – с. 21), так же, как и Пушкин, создает обобщенный образ. Жизненность ситуаций, в которых оказывается Пискарев в своих снах, не может придать жизни бесплотному образу-мечте, образу-желанию. Явственность жизни проступает в те моменты, которые противоречат мечте и не укладываются в сознании художника: она в реальных деталях, отвергаемых резкими оценками (неслучайно далее в повествовании о Пирогове место мечты займет материальность, воплощенная однозначной будничной номинацией *блондинка*).

Пушкинское *И сердце бьется в упоенье* также неоднократно воспроизводится Гоголем в других формах:

сердце его билось (с. 13, 26)*;*

сердечное биение (с. 15)*;*

при этом взгляде затрепетало его сердце (с. 15)*;*

Колени его дрожали; чувства, мысли горели; молния радости нестерпимым острием вонзилась в его сердце (с. 16).

Строка второй строфы *И снились милые черты* явно соответствует снам героя, заменившего жизнь на сон, где сон кажется настоящей жизнью, а реальная жизнь – сном, от которого хочется уйти.

Две последние строфы стихотворения звучат как гимн женской красоте в самом высоком смысле и созидательной силе любви к женщине:

И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

Они тоже находят отражение в гоголевском тексте, но только теперь в нем, наоборот, отдельные чувства (разрозненные субъекты, собранные в единое целое с помощью анафоры-полисиндетона) обобщаются одной номинацией:

...художник Пискарев, застенчивый, робкий, но в душе своей носивший искры чувства, готовые при удобном случае превратиться ***в пламя*** (с. 14);

все чувства *его горели* (с. 15).

Последняя строфа стихотворения, возвращающая гармонию жизни лирическому герою стихотворения Пушкина, своеобразно преломляется в повести Гоголя. Уход героя от ужасающей действительности мог бы в какой-то мере символизировать обретение им внутренней гармонии, отказ от предательства собственной

мечты, если бы это могло совмещаться с благом по канонам христианства (и Гоголь подчеркивает это в финале рассматриваемой сюжетной линии употреблением слов, которые объединяются лексико-семантической группой *безумие*). Его нельзя расценивать и как протест против действительности, скорее – отчаяние от невозможности примирения с ней:

О, это уже слишком! этого нет сил перенести. Он бросился вон, потерявши чувства и мысли. Ум его помутился: глупо, без цели, не видя ничего, не слыша, не чувствуя, бродил он весь день <…> каким-то глупым инстинктом зашел он на свою квартиру, бледный, с ужасным видом, с растрепанными волосами, с признаками безумия на лице. <…>По судорожно раскинутым рукам и по страшно искаженному виду можно было заключить, что рука его была неверна и что он долго еще мучился, прежде нежели грешная душа его оставила тело (с. 27).

Абсолютно справедливы и применимы к художественной ситуации слова екатеринбургского скульптора и графика Николая Предеина: «Россия “состоит” из Пушкина и Гоголя, как вода из водорода и кислорода. И формула России такая: Р=Г2П. Гоголя в России заметно больше, чем Пушкина. Путаницы, фантасмагории, гротеска, куража, мессианства, тоски гораздо больше, чем гармонии, покоя, лиризма, элегичности, воли, высокой трагедии. Трагедия в России невнятна, мимоходна, случайна, нечаянна, нелепа даже…»[16]. Нелепость трагического исхода связана с нелепостью (=невозможностью) для героя отсутствия той внутренней чистоты, которую он искал и которая так настойчиво проявляется внешне.

Все содержание повести можно представить в виде схемы, основанной на взаимодействии номинативного и переносного значений наречия *чисто* и рефлексивного их отражения в рационально-оценочных наречиях, репрезентирующих разные типы сознания, по Б.О. Корману[17] – сознания персонажа и автора, что составляет основу для понимания глубинного содержания произведения. С одной стороны находится поле «чистоты» (детализованное лексикой разных грамматических классов), с другой – оценочное поле с доминирующим в нем по силе экспрессии наречием *святотатственно*. Чистота всегда ассоциировалась со святостью, поэтому Гоголь называет художника Пискарева жертвой безумной страсти, однако глубинное содержание повести намного шире: фон, созданный в повести автором, выводит произведение за рамки «физиологического очерка» к социально-философскому обобщению.

Мы ставили перед собой лишь частную задачу – обосновать обращение к сопоставительно-сравнительному анализу мотива чистоты в произведениях двух великих современников, показав при этом роль наречий как важных структурно-семантических элементов повести Гоголя, оправданность чего доказал не только лингвистический материал повести, но и фоновый контекст, расширение которого открывает новый взгляд на произведение Гоголя. Привлекая литературно-исторический материал, в частности стихотворный протест А.С. Пушкина против увлечения В.А. Жуковского Востоком в защиту русской поэзии как европейской, можно рассматривать повесть Н.В. Гоголя в качестве его собственного участия в полемике великих поэтов, поскольку содержание пушкинского стихотворения носит общечеловеческий характер, а гоголевское произведение – сугубо русский. Но это является предметом уже другого исследования.

Примечания

1 Ученый, показывая влияние «Домика в Коломне» на творчество Н.В. Гоголя как одного из многих авторов, преклонявшихся перед гениальным современником, пишет: «“Домик в Коломне” послужил поводом дать широкую картину бытописи. <…> Восхищенный Коломной в поэме Пушкина, Гоголь в “Портрете” решил дать свою Коломну. <…> Но этим очерком Коломны не ограничивается воздействие Пушкина на Гоголя в “Портрете”». См.: *Цявловский М.* Отголоски рассказов Пушкина в творчестве Гоголя // М. Цявловский. Статьи о Пушкине. М., 1962. С. 252–259.

2 В.П. Дорофеев, автор вступительной статьи к «Литературным мемуарам» П. Анненкова и примечаний, не вполне доверяет свидетельству биографа поэта, а также называет фальсифицированными воспоминания О.С. Павлищевой – сестры Пушкина (Пушкин якобы заметил своей жене: «Язык мой – враг мой. Гоголь – хитрый малоросс, воспользовался моим сюжетом»). См.: *Дорофеев В.* П.В. Анненков. Н.В. Гоголь в Риме летом 1841 года // П.В. Анненков. Литературные воспоминания (Серия литературных мемуаров). М., 1960. URL: http://gogol.lit-info.ru/gogol/vospominaniya/annenkov_1.htm (дата обращения: 30.08.10).

3 *Набоков В.* Собр. соч.: в 5 т. СПб., 1997. Т. 1.

4 *Петрунина Н., Фридлендер Г.* Пушкин и Гоголь в 1831–1836 годах // Пушкин: Исследования и материалы: в 17 т. Л., 1969. Т. 6. С. 197–228.

5 *Злочевская А.* Два самозванца в русской литературе, или Еще один пушкинский сюжет в «Ревизоре»? // Русская словесность. 2003, № 4. URL: http://www.bogoslov.ru/text/352764.html (дата обращения: 30.08.10).

6 *Милославский Ю.* Пушкин – Гоголь – Хлестаков. // День литературы. 2009, № 3, март. URL: http://www.zavtra.ru/denlit/lit/151/61.html (дата обращения: 30.08.10).

7 *Проскурин О.* Посмертное братство: Как Гоголь стал Пушкиным, а Пушкин – Гоголем // Русская жизнь. URL: http://www.rulife.ru/mode/article/1319/ (дата обращения: 30.08.10).

8 См.: *Цявловский М.* Указ. соч. С. 252.

9 *Василенко Е.* Моление перед совершенством: «К***» («Я помню чудное мгновенье…») Александра Пуш-

кина и «Сияла ночь…» Афанасия Фета. URL: http://lit.1september.ru/2006/11/7.htm (дата обращения: 30.08.10).

[10] Цит. по: *Гоголь Н.* Полное собр. соч.: в 14 т. М.; Л., 1952. Т. 8. С. 12–13.

[11] *Гоголь Н.* Собр. соч.: в 9 т. М., 1994. Т. 6. С. 14–16.

[12] Здесь и далее цит. по: *Гоголь Н.* Невский проспект // Полное собрание сочинений и писем. Т. III. Повести. Т. IV. Комедии. М.; Киев, 2009. (Указания на страницы приводятся в скобках.)

[13] *Авенариус В.* Чем был для Гоголя Пушкин // О Пушкине: Биографическая дилогия. Литературные очерки. Лицейские стихотворения А.С. Пушкина. М., 1998.

[14] *Жуковский В.* «Я музу юную, бывало…» // Жуковский В. Собр. соч.: в 4 т. М., 1959. Т. 1. С. 367–368.

[15] А. Фирсов, цитируя «Лаллу Рук» Жуковского, 1) искажает оригинал, в котором «Ах! Не с нами обитает / Гений чистЫй красоты», 2) односторонее рассматривает стихотворение Пушкина как пародию на текст Жуковского только в контексте столкновения с живой речью классической поэтической образности и норм словоупотребления. См.: *Фирсов А.* Революционный язык Пушкина и Лермонтова, или «Учите олбанский». 2008. URL: http://www.democracy.ru/library/newsarchive/article.php?id=2333 (дата обращения: 30.08.10).; *Жуковский В.* Лалла Рук // Жуковский В. Собр. соч.: в 4 т. М., 1959. Т. 1. В.Е. Ветловская в пародии видит другое: обращение Пушкина к восточной теме рассматривает как отражение творческой полемики с Жуковским, отдающим предпочтение переводам восточных сюжетов Т. Мура, которые не стоят, по мнению Пушкина, внимания; а увлечение Жуковского Востоком в пушкинской оценке – как измену европейского поэта европейским формам искусства, в сущности – как измену большого художника своей собственной поэтической природе. См.: *Ветловская В.* «Иных уж нет, а те далече…» // Пушкин: Исследования и материалы: в 17 т. Л., 1986. Т. 12. С. 104–123.

[16] Цит. по: *Агишева Г.* Роман с Гоголем. 2009. URL: http://www.izvestia.ru/obshestvo/article3124995/ (дата обращения: 30.08.10).

[17] *Корман Б.* Практикум по изучению художественного произведения: учеб. пособие. Изд. 3-е. Ижевск, 2003.

УДК 811.161.1'38: 070

ИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗАЦИЯ ПЕРИФРАЗ ИЗВЕСТНЫХ ЛИЦ В СОВРЕМЕННЫХ МЕДИЙНЫХ ТЕКСТАХ

Е.Г. Еськова

Саратовский государственный медицинский университет
им. В.И. Разумовского
E-mail: rusclasphil@mail.ru

В статье анализируются интеллектуализованные перифразы известных лиц в современных русских медийных текстах, определяются их специфические черты.

Ключевые слова: речь масс-медиа, перифразы известных лиц, интеллектуализация.

Intellectualization of Periphrases of Famous Persons in Modern Media Texts

Ye.G. Eskova

The article analyzes intellectualized periphrases of famous persons in the modern Russian media texts. Their specific features are determined in the work.

Key words: mass media speech, periphrases of famous persons, intellectualization.

В создании перифраз известных лиц сочетаются две разнонаправленные тенденции, общие для развития языка – тенденция к интеллектуализации и тенденция к демократизации.

В настоящее время одной из главных областей их употребления являются медийные тексты.

Тенденция к демократизации русской речи на материале современных перифраз известных лиц проявляется сильнее, чем тенденция к её интеллектуализации. Удачных перифраз, образно передающих облик или сущность обозначаемого лица, естественно, меньше, чем перифраз, построенных на основе моделей-штампов, закреплённых в массовом сознании носителей русского языка. Но именно перифразы известных лиц, созданные в русле тенденции интеллектуализации, являются особо ценными, поскольку свидетельствуют о богатстве выразительных средств и возможностей русского языка, о творческом потенциале его носителей, служат основой для формирования перифрастического фонда.

Материалом нашего исследования являются данные перифрастического словаря, составленного нами на основе материала современных СМИ (свыше 1500 номинаций).

На интеллектуализованных перифразах всегда лежит печать их творца. Перифрастическая номинация передаёт комплекс сведений о её создателе (степень информированности и эрудиции, диапазон начитанности, развитие ассоциативных и логических связей, степень наблюдательности, творческие возможности, владение языковыми средствами).

Такие перифразы являются своего рода речевыми находками, они не создаются с расчётом на массового адресата, воспринимающего их бегло и поверхностно, а наоборот, употребляются с расчётом на внимательное, вдумчивое восприятие.

© Е.Г. Еськова, 2010

Заметим, что в ряде случаев наиболее способным и подготовленным авторам удаётся создавать оригинальные перифрастические номинации известных лиц, творчески используя и переосмысливая даже стандартные модели: *Король баллады* (Василий Андреевич Жуковский, подчёркивается вклад поэта в создание нового жанра в отечественной литературе); *Король мазка* (Константин Алексеевич Коровин, акцентируется совершенство техники живописца); *Король большого вальса* (Иоганн Штраус, подчёркивается непревзойдённое мастерство в создании произведений этого музыкального жанра); *Король московских репортёров* (В.А. Гиляровский, выделяется журналистский талант и популярность в московской профессиональной среде); *Железный король* (Сергей Павлович Королёв, конструктор советской космической техники, обыгрываются фамилия, уровень научных и технических достижений, высокий административный статус, масштаб полномочий, стиль руководства). В перифразах известных лиц на основе переосмысления готовых моделей нередко присутствует несколько смысловых слоёв, не все они «лежат на поверхности», но от этого становятся ещё привлекательнее для образованного или посвящённого адресата.

В интеллектуализованных перифразах известных лиц может ярко проявляться не только комплиментарность, но и тонкая ирония по отношению к объекту номинации. Ирония в этом случае позволяет освежить восприятие известного лица, взглянуть на него с неожиданной стороны. Зачастую ирония в перифразах известных лиц основывается на эффекте неожиданности, преднамеренно внесённой в перифразу фактической ошибке или внутреннем противоречии, намёке на очевидные, но не афишируемые факты: *Вор Петра Великого* (А.Д. Меншиков), *Кроткий диктатор* (Бенито Муссолини), *Маленький ослик* (Уинстон Черчилль), *Строптивая французская невеста* (Шарль де Голль), *Грандиозный массовик-затейник* (Мао Цзэдун), *Первый кукурузник страны* (Н.С. Хрущёв), *Мелкий политический деятель времен Аллы Пугачёвой* (Л.И. Брежнев), *Ватиканский Брежнев* (папа Римский Иоанн Павел II), *Человек тела* (А.В. Коржаков), *Властелин колец Москвы* (Ю.М. Лужков), *Ритор современности* (Виктор Черномырдин), *Первая голова Буша* (Кондолиза Райс), *Разводной апельсин* (Виктор Ющенко). Политические деятели значительно чаще других известных лиц подвергаются иронической оценке. Однако иронические перифразы известных лиц возможны при оценке не только политиков, экономистов, бизнесменов, но и деятелей культуры и искусства, работников СМИ, индустрии моды и развлечений: *Бабушка российской эстрады* (Алла Пугачева), *Лучший певец всех времен и народов* (Лев Лещенко), *Анжела Дэвис Большого театра* (Анастасия Волочкова), *Священное чудовище французского кино* (Жерар Депардье), *Главное земноводное российской эстрады* (Витас), *Золотой голос эстрады* (Виктор Коклюшкин), *Мать-героиня сексуальной революции* (Борис Моисеев), *Заядлый дуэлянт* (Владимир Соловьёв).

Для интеллектуализованных перифраз известных лиц характерна фиксация внимания адресата на содержащем перифразу участке текста. Это усиливает эффект воздействия определённых блоков текста, позволяет адресанту успешнее реализовывать общую программу выступления (публикации).

Интеллектуализация перифраз может приводить к их неполному пониманию. Но это нельзя расценивать как недостаток данного выразительного средства. Скорее, это укор в адрес читателей, слушателей, зрителей, не обладающих необходимым уровнем знаний и осведомлённости. Перифразы известных лиц, рассчитанные на образованную и культурную аудиторию, всегда составлены с каким-то смысловым резервом, они не только «попадают в цель», но и дают возможность рассуждать о прочитанном (услышанном), задуматься над происходящим.

Культурный уровень продуцента перифраз трудно скрыть. Интеллектуализованные и псевдоинтеллектуальные перифразы невозможно спутать: если для первых характерны ясность, простота и глубина, то вторые, напротив, отличаются длиннотами, замысловатыми выражениями, нескромно преувеличенной оценкой, а иногда и речевыми ошибками: *Воскресший Христос итальянской политики* (Сильвио Берлускони, предельно завышенная оценка, данная самому себе накануне победы на выборах); *Один из главных культурообразующих элементов самой большой в мире страны* (Алла Пугачёва, крайняя степень гиперкомплиментарности, излишний объём перифрастической номинации); *Полпредово око* (Дмитрий Козак, допущена логическая ошибка, поскольку сам объект номинации в это время занимал пост полпреда Президента; неудачная попытка видоизменить расхожую перифразу «государево око»).

Положительным моментом можно считать крайне незначительную долю псевдоинтеллектуальных перифраз в общем словаре перифраз известных лиц (приблизительно 6 единиц на 1000).

Творческий арсенал создателей интеллектуализованных перифраз базируется на постоянном «информационном голоде», требующем привлечения всё новых и новых сведений из различных источников. На уровне использования перифраз известных лиц это подтверждается следующим набором культурных компетенций авторов:

1) высокой степенью информированности о прошлых и настоящих событиях в различных сферах человеческой жизни: *Отец первого русского самолета* (А.Ф. Можайский), *Ангел русских воинов* (Лидия Русланова), *Архитектор объединения Европы* (Гельмут Шмидт), *Легендарный ара-*

бист (Фарид Сейфуль-Мулюков), *Бочка, полная кокаина* (Диего Армандо Марадона), *Романтик российских реформ* (Егор Гайдар), *Главная загадка Кремля* (Людмила Путина), *Бубка в юбке* (Елена Исинбаева), *Грузинская железная леди* (Нино Бурджанадзе), *Летописец собственной судьбы и России* (Евгений Евтушенко), *Народная артистка исчезнувшей цивилизации* (Софико Чаурели), *Новая хозяйка Смольного* (Валентина Матвиенко), *Объектив XX века* (Луи Картье Бриссон), *Рыцарь круглого стола* (Сергей Векслер), *Первая на селе* (Елена Скрынник);

2) высоким уровнем эрудиции (глубокими познаниями в отдельной области или во многих областях): *Патриарх русской журналистики и издательского дела* (Н.И. Новиков), *Флагман русской маринистики* (К.М. Станюкович), *Возлюбивший море* (И.К. Айвазовский), *Наш русский Ренуар* (К.А. Коровин), *Философ свободного духа* (Н.А. Бердяев), *Ференц Лист нашего времени* (С.В. Рахманинов), *Голос русского простора* (Ф.И. Шаляпин), *Богатырь Всея Руси* (Иван Поддубный), *Русский Пьеро* (Александр Вертинский), *Голос Родины* (Ю.Б. Левитан), *Гений устного рассказа* (И.Л. Андроников), *Клоун с осенью в сердце (*Леонид Енгибаров), *Телевизионный Бальзак* (А.Е. Бовин), *Бабушка Ленкома* (Т.И. Пельтцер), *Балканский Феллини* (Эмир Кустурица), *Библиотечная легенда* (В.А. Артисевич), *Более знаменитый австриец, чем Моцарт* (Арнольд Шварценеггер), *Всемирный лидер дураков* (Вячеслав Полунин), *Гранд-дама российского музейного искусства* (И.А. Антонова), *Заложник основного инстинкта* (Майкл Дуглас), *Леонардо да Винчи обувного искусства* (Сальваторе Феррагамо), *Народный «грузин» России* (В.М. Зельдин), *Новая инкарнация Николо Паганини* (Ванесса Мэй), *Райкин нашего двора* (Ефим Шифрин), *Русская Сара Бернар* (Марина Неёлова), *Советский Гамлет* (Владимир Высоцкий), *Бог кардиологии* (Валерий Шумаков), *Царица арбатского дворца* (Маргарита Эскина);

3) широким диапазоном начитанности (от античной литературы до современных писателей): *Орлеанская дева* (Жанна д'Арк), *Первый наш университет* (М.В. Ломоносов), *Одержимый свободой* (М.Ю. Лермонтов), *Великий насмешник* (Н.В. Гоголь), *Избранный певец* (А.А. Фет), *Русский Вальтер Скотт* (И.И. Лажечников), *Мастер короткого повествования* (А.П. Чехов), *Мастер изящной словесности* (И.А. Бунин), *Стихотворец в прозе* (М.М. Пришвин), *Советская Железная Маска* (Василий Сталин), *Еврейский Дориан Грей* (Александр Галич), *Снежная королева* (Катрин Денёв), *Есенин в музыке* (Евгений Мартынов), *Мастер дерзкой лейтенантской прозы* (Ю.В. Бондарев), *Последний сказочник* (Кир Булычёв), *Робин Гуд отечественного кино* (Борис Хмельницкий);

4) хорошим знанием не только прозаических, но и поэтических произведений: *Архангельский мужик* (М.В. Ломоносов), *Властитель слабый и лукавый* (Александр I), *Русский Лафонтен* (И.А. Крылов), *Рождённая кружиться и кружить* (Авдотья Истомина), *Русская Сапфо* (Анна Бунина), *Автор трёх гимнов двух государств* (Сергей Михалков), *Само совершенство* (Наталья Андрейченко), *Птенец гнезда Егора* (П.О. Авен), *Вещий Олег* (Олег Митяев);

5) знанием мифологии, крылатых выражений, имеющих общекультурное значение: *Прометей русской поэзии* (М.Ю. Лермонтов), *Тёзка Аполлона* (А.Н. Майков), *Русская Терпсихора* (Анна Павлова), *Валькирия революции* (А.М. Коллонтай), *Северный сфинкс* (Д.А. Голицын), *Служитель Мельпомены* (К.С. Станиславский), *Русский Ахиллес* (И.В. Кожедуб), *Медея, сосланная в колхоз* (Нонна Мордюкова), *Последний Орфей великой эпохи* (Муслим Магомаев);

6) владением фольклорным наследием и фразеологическим фондом языка: *Золушка советской эстрады* (Людмила Сенчина), *Принцесса без горошины* (Грейс Келли), *Дед Мороз российской пародии* (Максим Галкин), *Снегурочка отечественной эстрады* (Валерия), *Телевизионщик до мозга костей* (Леонид Парфёнов);

7) знанием фонда личных имён: *Екатерина Третья* (Е.А. Фурцева), *Алиса из страны чудес* (А.Б. Фрейндлих), *Царица Тамара* (Тамара Гвердцители), *Маршал российской эстрады* (Александр Маршал);

8) пониманием роли и значения исторических личностей и знанием связанных с ними биографических фактов: *Отец Отечества* (Пётр I), *Русский Ганнибал* (А.В. Суворов), *Крепостная примадонна* (Прасковья Ковалёва-Жемчугова), *Лакей с кистью и красками* (В.А. Тропинин), *Заживо погребённый* (Н.В. Гоголь), *Монахиня искусства* (Анна Павлова), *Автор белого террора* (А.В. Колчак), *Калужский мечтатель* (К.Э. Циолковский), *Погребённый под романом* (М.А. Булгаков), *Красный граф* (А.Н. Толстой), *Драгоценный камень в короне советской разведки* (Рихард Зорге), *Маршал Победы* (Г.К. Жуков), *Кремлёвская принцесса* (Светлана Аллилуева), *Осколок серебряного века* (А.А. Ахматова), *Женщина на Мавзолее* (Е.А. Фурцева), *Золотой мальчик американской политики* (Джон Кеннеди), *Неудачник, которому везло* (Тур Хейердал), *Любитель розыгрыша* (Никита Богословский);

9) знанием широкого набора признаков, способных служить основой для создания перифраз, способностью к ассоциативному или логическому обнаружению их в объекте перифрастической номинации: *Тощий Лев* (Л.Д. Ландау), *Чёрная мадонна Рима* (Анна Маньяни), *Лицо с запятыми* (Николай Кала Бильды), *Хоккейный профессор* (Игорь Ларионов), *Конопатое чудо* (Наталья Гундарева), *Усатый романтик* (Игорь Николаев), *Чёрная Венера* (Наоми Кэмпбелл).

В последнем типе интеллектуализованных перифраз известных лиц, когда в основу положен, казалось бы, один признак, бросившийся в глаза

(характерный разрез глаз, тучность или стройность фигуры, цвет кожи, цвет волос, цветовые предпочтения в одежде, наличие веснушек, усов, форма причёски, доминирующая черта характера и др.), будет проявляться комплекс ассоциаций, формирующих образ известного лица, а признак при этом задаёт лишь угол дальнейшего, более полного восприятия.

Границы между типами интеллектуализованных перифраз известных лиц размыты.

Перифразы известных лиц в тексте практически всегда сопровождают основное имя известного лица. Поэтому процесс угадывания вторичных номинаций предельно упрощён, адресатам приходится не столько угадывать конкретную личность, сколько задействовать комплекс ассоциаций, возникающих при обращении к этому имени. Продуцент перифразы помогает читателям/зрителям/слушателям направить поток ассоциаций в нужное и запланированное им русло.

Сложность восприятия перифраз известных лиц состоит в том, что они рассчитаны на адекватное понимание их адресатом. Интеллектуализованные перифразы известных лиц требуют адресата развитого и культурно подготовленного. Интеллектуализация перифраз известных лиц – характерная черта современной публицистики, придающая медийным текстам особую злободневность, способность ярко отражать актуальные события и явления. Интеллектуализованные перифразы известных лиц представляют собой одно из эффективных средств выражения в тексте тенденций общественного сознания и представления в нём хода исторического процесса.

УДК 811.161.1'25+811.111'25

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ ЕДИНИЦЫ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА (на материале русского и английского языков)

Е.Ю. Викторова

Саратовский государственный университет
E-mail: helena_v@inbox.ru

В статье приводятся результаты исследования различных способов перевода вспомогательных коммуникативных единиц; выявляются устойчивые тенденции, проявляющиеся в соответствиях между исследуемыми единицами в оригинальных и переведенных политических дискурсах.

Ключевые слова: дискурсивные слова, организация дискурса, этнокультура, переводческие соответствия, когезия, рефлексив, субъективная модальность.

Secondary Communicative Units in Political Discourse: the Problem of Translation (Based on the Russian and English Language Sources)

Ye.Yu. Viktorova

The article comprises the results of the research of different means of secondary communicative units translation; stable tendencies, manifested in the correspondences between the analyzed united in the original and translated political discourses, are revealed.

Key words: discursive words, discourse structure, ethnical culture, interpretational/translational correspondences, cohesion, reflexive, subjective modality.

Роль вспомогательных единиц в коммуникации велика – ни один вид человеческого общения не обходится без подобных единиц. Вспомогательные коммуникативные единицы (далее ВКЕ) помогают говорящему осуществить его коммуникативное намерение. Представляя по своей сути фатико-модусный и структурно-организационный уровень коммуникативного процесса, ВКЕ придают речи четкость, структурированность, расставляют необходимые акценты, снимают излишнюю категоричность, выражают мнение, позицию и отношение говорящего, делают текст более доступным для понимания.

Язык и культура неразделимы, изучение и использование иностранного языка в отрыве от его культуры невозможно[1]. Разница культур словарями не фиксируется. Культурный барьер, как отмечают многие исследователи, труднее и опаснее языкового – он не осознаваем до момента столкновения, конфликта культур.

Помочь преодолеть культурный барьер тем, кто не знает иностранного языка, стать для них межкультурным посредником может переводчик – человек, живущий на стыке разных культур. Специфика профессии переводчика как раз и состоит в том, чтобы хорошо представлять себе различия двух (или более) культур и уметь максимально точно передать информацию от носителя одной культуры носителю другой[2].

Как показали предыдущие исследования, проведенные на материале разговорной речи и речи политиков, ВКЕ, являясь в совокупности универсальными коммуникативными единицами, имеют весьма существенные национально-культурные особенности в русском и английском языках, связанные главным образом с частотой использования и степенью разнообразия репертуара этих единиц[3]. В связи с этим представляется актуальным вопрос о степени отражения этих

© Е.Ю. Викторова, 2010

особенностей при переводе ВКЕ с русского языка на английский и с английского на русский. Цель настоящего исследования – проследить, какое влияние на перевод ВКЕ оказывают языковые и культурные особенности исходного текста и каким образом на употребление ВКЕ влияют специфика этнокультуры и язык перевода.

ВКЕ, будучи относительно автономными речевыми единицами, при переводе, естественно, имеют свои особенности. В литературе по теории и практике перевода, к сожалению, нет примеров переводов подобных единиц и тем более нет описания специфики их перевода.

Материалом для исследования послужили русские и американские газетные и журнальные статьи политической тематики за 2008 год, а также переводы этих статей, опубликованные в Интернете на сайте журнала «Эксперт» http://www.expert.ru (в его английской версии) и на сайте http://www.inosmi.ru/stories. Все исследованные статьи написаны разными авторами. Переводы и на русский, и на английский языки выполнены в России. Объем исследованного материала составляет около 40 000 словоупотреблений.

Выделяем две основные группы ВКЕ: коммуникативы и дискурсивные слова (дискурсивы). Коммуникативы, используемые в качестве реакции на речь или ситуацию, в нашем материале как на русском, так и на английском языках были зафиксированы в единичных случаях. Письменной монологической публицистической речи они не свойственны, поэтому в данном исследовании не учитываются. Дискурсивы, напротив, в исследованных материалах частотны и разнообразны. В данной работе исследуются собственно дискурсивные слова – факультативные компоненты текста, не включенные в грамматическую структуру предложения; их функция оперативная, они встраивают элементы дискурса в сам дискурс[4]. Формирование класса единиц особого типа – собственно дискурсивов – характерно для современного этапа развития русского языка.

Однако дискурсивную функцию следует понимать гораздо шире, чем употребление собственно дискурсивов. Кроме собственно дискурсивов вспомогательную функцию выполняют союзы, частицы, наречия, местоимения, а также отдельные словосочетания, клаузы, включенные в структуру предложения, а также целые предложения[5]. Такие дискурсивные единицы в данном исследовании не затрагиваются. Следует отметить, что вся заложенная в ВКЕ информация может передаваться и основными коммуникативными единицами (предложениями и его членами). Однако именно в дискурсивных словах информация, организующая дискурс, эксплицируется в наиболее концентрированном виде. Среди дискурсивных слов выделяем пять групп: организационно-структурные, субъективно-модальные, акцентно-выделительные, рефлексивы и группа дискурсивов непосредственной адресации.

Как показал исследованный материал, переводчики используют различные способы перевода ВКЕ. Мы будем опираться на теорию одного из крупнейших теоретиков перевода в России Я.И. Рецкера. Эта теория неоднократно изменялась и дополнялась как самим исследователем, так и его последователями. Я.И. Рецкер предложил теорию языковых и речевых соответствий, то есть установил закономерности соответствий между единицами оригинала и перевода на уровне языка и речи. Окончательный вариант его теории содержит три категории соответствий: 1) эквиваленты, установившиеся в силу тождества обозначаемого, а также отложившиеся в традиции языковых контактов; 2) вариантные и контекстуальные соответствия и 3) разные виды переводческих трансформаций. Причем если эквивалентные соответствия относятся к сфере языка, остальные – к сфере речи[6].

На основе классификации соответствий Я.И. Рецкера, а также типов соответствий, выделяемых А.Л. Бураком и Т.А. Казаковой, для настоящего исследования считаем релевантным использование следующих видов соответствий: 1) коммуникативных эквивалентов (практических соответствий), 2) функционально-коммуникативных аналогов (вариантов, функциональных замен, культурно-ситуативных замен, контекстуальных соответствий), 3) опущений (нулевых соответствий), 4) добавлений[7].

Чаще всего (в 59% случаев в переводах с русского языка и в 66% – с английского) ВКЕ переводятся с помощью коммуникативных эквивалентов, функционально-коммуникативные аналоги стоят на втором месте по частоте использования (20% и 23% соответственно), опущений в переводах с русского в два раза больше, чем в переводах с английского (21% и 11%), а добавления типичны исключительно для переводов с английского языка на русский (35% от всех ВКЕ в переводном тексте).

Рассмотрим особенности перевода каждого из видов соответствий. При переводе с **русского языка на английский** чаще всего (в 59% случаев) переводчики используют коммуникативные эквиваленты, к которым относим способы перевода с помощью ВКЕ той же группы (*однако – however; кроме того – besides, moreover; так – so; то есть – that is; и наоборот – and vice versa; скажем – say; таким образом – thus* и т.д.). С помощью коммуникативных эквивалентов переводится большинство ВКЕ всех групп, кроме единиц субъективно-модальной группы, большинство из которых переводится с помощью функционально-коммуникативных аналогов. Приведем примеры перевода с русского на английский:

Кроме того, новые режимы, очевидно, рассчитывали на обширную экономическую помощь Запада. Которой, впрочем, так и не получили (Быков П., Громов А. От постсоветского к антисоветскому).

Moreover, the new regimes clearly relied upon extensive economic aid from the West, which, however, they never did receive.

В данном примере организационно-структурные ВКЕ *кроме того* и *впрочем* переведены с помощью коммуникктивных эквивалентов *moreover* и *however*, а субъективно-модальная ВКЕ *очевидно* переведена коммуникативным эквивалентом *clearly*.

Однако при всем при этом «физическое» участие нашего фондового рынка в выводе капиталов сравнительно невелико, и более того, по нашей оценке, оно сильно упало в последнее время (Журавлев С. Драма, но не катастрофа).

Yet, having said that, the «physical» contribution of our stock market to the withdrawal of capital is relatively small. Moreover, according to our estimates, it has dramatically declined recently.

ВКЕ *однако* и *более того*, относящиеся к организационно-структурной разновидности, и ссылочный рефлексив *по нашей оценке* переводятся коммуникативными эквивалентами *yet*, *moreover* и *according to our estimates*. А вот организационно-структурная ВКЕ *при всем при этом* переводится описательно – с помощью рефлексива *having said that,* который отсылает читателя к сказанному ранее. Этот рефлексив, как и почти все другие, не является устойчивой речевой конструкцией – рефлексивы, как правило, создаются заново для каждой ситуации. Данный способ перевода мы считаем функционально-коммуникативным аналогом, поскольку смысл исходного высказывания несколько меняется, но в приведенном контексте этот перевод вполне приемлем.

Из результатов исследования следует, что при переводе с русского на английский функционально-коммуникативные аналоги используются в 20% случаев. В качестве таких аналогов в половине случаев употребления используются следующие ВКЕ: *в принципе – maybe, якобы – they claim, во-первых – above all*. Мы не считаем их коммуникативными эквивалентами, поскольку, на наш взгляд, в ряде случаев при переводе происходит определенное изменение значения и, кроме того, такие переводы являются окказиональными эквивалентами (термин В.С. Виноградова[8]). К функционально-коммуникативным аналогам мы относим и другие способы перевода – перевод-описание (см. выше пример перевода *при всем при этом*), структурное преобразование. Приведем другие случаи применения структурной перестройки предложения для перевода ВКЕ на английский язык.

По мере осознания участниками рынка реальной ситуации и реанимации межбанковских операций ставки, несомненно, быстро пойдут вниз (Журавлев С. Драма, но не катастрофа).

As the players become aware of the real situation and interbank operations are resuscitated, the rates ***are certain*** *to plummet.*

Все это происходило на фоне развала советских систем хозяйствования и управления, а как следствие, и резкого падения уровня жизни населения (Быков П., Громов А. От постсоветского к антисоветскому).

While all of that was happening, the Soviet administrative economic system was collapsing. An abrupt decrease in living standards ***followed.***

Как видно из этих примеров, ВКЕ в процессе перевода исчезают, а синтаксическая структура предложения полностью изменяется. Чаще всего подобный способ используется для перевода субъективно-модальных ВКЕ – их заменяют модальные глаголы и обороты (*наверное – should, по-видимому – must, похоже – seem, несомненно – be certain*).

Два других способа перевода – опущения и добавления – на самом деле не являются симметричными по отношению друг к другу, как это может показаться на первый взгляд. Если при опущении смысловое содержание ВКЕ так и остается непереведенным, то при добавлении возможны два варианта: либо с появлением ВКЕ в высказывании при переводе появляется дополнительный смысл, либо с помощью ВКЕ переводится некий элемент смысла, который в исходном тексте присутствовал, но имел иное, отличное от ВКЕ, выражение. Первый вид добавлений типичен для перевода с английского языка, второй – с русского.

При переводе с русского языка на английский 23% всех ВКЕ не переводится, то есть опускается. Обратный процесс – добавление ВКЕ в переводной текст происходит лишь в 2% случаев. И это неудивительно и не случайно. В исследованных текстах статей на русском языке количество употреблений ВКЕ более чем в три раза превышает частоту использования ВКЕ в американских статьях (1 ВКЕ на 41 и 130 словоупотреблений). (Исследование речи российских политиков также показывает значительно более частое употребление ВКЕ по сравнению с речью американских политиков в целом ряде жанров[9].) Следовательно, оставляя часть ВКЕ без внимания, переводчик тем самым адаптирует текст под более привычный для англоязычного читателя и более свойственен американской речевой культуре.

В результате в переводном английском тексте ВКЕ становится на 30% меньше, чем в исходном русском. А частота использования ВКЕ составляет 1 на 70 словоупотреблений. Конечно, нельзя говорить, что английский переводной текст в плане употребления ВКЕ становится абсолютно похожим на английский исходный текст. Все равно их оказывается больше, чем в оригинальном английском тексте. В употреблении ВКЕ как при использовании родного языка, так и при осуществлении перевода велика роль человеческого фактора, личных предпочтений и ощущений. Но, тем не менее, можно сказать, что английский переводной текст по частоте употребления ВКЕ занимает промежуточное положение

между русским исходным текстом и английским оригинальным текстом.

Количественные потери ВКЕ при переводе происходят по двум причинам – по причине опущения ВКЕ и по причине их замены на иные единицы. Причем в целом опущения в исследованном материале встречаются в два раза чаще замен. Например:

Между тем доказать сознательное недонесение довольно трудно (Агарков М. Заклинания против коррупции).

It is quite difficult to prove that someone withheld information deliberately.

(...) государственные институты, без которых либеральная рыночная экономика не работает, оказались менее разрушенными, с одной стороны, в странах с быстрой либерализацией и демократизацией, но с изначально сильными институтами (Прибалтика), а с другой – в странах с изначально слабыми институтами, но с медленной демократизацией (Белоруссия, Узбекистан) (Попов В. Уроки трансформации).

(...) the state institutions – already well-established – without which the market economy does not work had deteriorated less in countries with a rapid liberalization and democratization process (the Baltic countries). State institutions deteriorated less slowly in countries which already had a weak state and a slow pace of democratization (Belarus and Uzbekistan).

Единственная неприятность спекулятивной атаки на рубль для ЦБ – крайне дорогой межбанк, так что при длительной атаке какое-то число банков, очевидно, разорятся, но эта цена все же ниже, чем издержки резкой девальвации (Журавлев С. Драма, но не катастрофа).

The only bad thing about this speculative attack against the ruble for the Central Bank is extremely costly interbank credit. If this attack continues for a long time, a certain number of banks will go bankrupt, but this price is still lower than abrupt devaluation.

Как видно из указанных фрагментов, чаще других переводчики опускают ВКЕ организационно-структурного характера (опущенные ВКЕ в русских текстах подчеркнуты).

Что касается переводов-добавлений, то их немного, и все они фактически являются функционально-коммуникативным аналогом наоборот, то есть какой-либо элемент русского предложения (например, союз), который мы к собственно дискурсивам не относим, заменяется ВКЕ. Смысловое содержание высказывания при этом практически не меняется. Например:

***Но** ничего не поделаешь: за отказ от имперского бремени тоже приходится чем-то платить* (Быков П., Громов А. От постсоветского к антисоветскому).

However, nothing can be done here: one has to pay the price for the giving up the burden of being an empire.

Интересно, что в переводах на английский язык ВКЕ *however* оказалась самой частотной из всех единиц, а вот в английских оригинальных статьях она не была использована ни разу. Видимо, такое пристрастие переводчиков к этой английской ВКЕ связано с русской ВКЕ *однако*, которая в русских оригинальных статьях отмечена как самая частотная.

Что касается добавлений и опущений, то при переводе **с английского языка на русский**, как можно было бы изначально предположить, обнаруживаются прямо противоположные описанным выше тенденции: около 35% ВКЕ в переводном русском тексте появились по воле переводчика, а 11% – из исходного английского текста исчезли. Большинство ВКЕ-добавлений отражают смысл, отсутствовавший в исходном тексте. Хотя в некоторых случаях этот смысл в исходном материале все же имплицируется (см., например, первый из указанных ниже примеров, где ВКЕ *напротив* эксплицирует противопоставление антонимов *undermine* и *enhance*). Чаще всего добавленные ВКЕ имеют организационно-структурную функцию. Например:

*The Soviet period did not **undermine** these basic values; it **enhanced** them* (Stewart G. The Russians are back!).

И советский период не подорвал эти основополагающие ценности; напротив, он их укрепил.

A significant EU-wide shift would require a change in some nations on the acceptability of nuclear plants, particularly Germany and Spain, and those facilities have a 5-to-7 year lead time (Johnston R., Kupchan C. Europe and Russia both have options).

Шаг в этом направлении в масштабах всего ЕС потребует от некоторых стран, в особенности от Германии и Испании, изменить свое отношение к строительству АЭС; кроме того, на осуществление любого подобного проекта уходит никак не меньше пяти-семи лет.

Данную особенность – добавлять при переводе с английского на русский организационно-структурные ВКЕ – отмечают и некоторые специалисты в области теории и практики перевода. Например, А. Паршин пишет, что следующие друг за другом высказывания соединены различными видами логической связи: одно высказывание вытекает из другого, поясняет его, устанавливает с ним причинные, временные, пространственные и т.п. отношения. Эта особенность выявляется как в английском оригинале, так и в русском переводе. Однако в английском языке логические связи между отдельными высказываниями часто обнаруживаются лишь в самом их содержании и особо не выражаются. Русский же язык предпочитает использовать специальные слова и вводные обороты, указывающие на тот или иной тип связи. Поэтому в переводе часто обнаруживаются подобные дополнительные уточнения, отсутствующие в оригинале[10].

Необходимо отметить, что в русском языке историческое развитие союзов и других служебных слов шло постепенно в сторону увеличения их разнообразия и усиления функций. Возможно, поэтому репертуар вспомогательных средств в современном русском языке богаче, чем в английском языке. Однако данный вывод не является окончательным и нуждается в проверке с исследованием ВКЕ в диахроническом аспекте.

Характерной особенностью перевода с английского языка на русский оказалось довольно частое добавление субъективно-модальных ВКЕ. Ср.:

These oil and gas options are not yet as economically attractive for Russia as European markets, but they are options (Johnston R., Kupchan C. Europe and Russia both have options).

Конечно, с экономической точки зрения такой вариант был бы для России не столь привлекателен, как европейские рынки, но на то она и альтернатива.

Some personal impressions of perestroika times as a journalist in Moscow reflect the spirit of this land that is easy to love (Stewart G. The Russians are back!).

Позвольте описать некоторые личные впечатления из тех – «перестроечных» – времен, когда я работал журналистом в Москве: на мой взгляд, они отражают дух этой страны, в которую так легко влюбиться.

Среди субъективно-модальных ВКЕ-добавлений половина приходится на ВКЕ *конечно*. Многие теоретики и практики перевода отмечают особенный характер этой единицы[11]. С.Г. Тер-Минасова даже называет *конечно* «словом-ловушкой» для переводчиков. Будучи, по данным Национального корпуса русского языка, самым популярным дискурсивным словом, нейтральное русское *конечно*, переведенное с помощью коммуникативного эквивалента *of course*, звучит весьма грубо и категорично, приобретает оттенки вызова, упрека, порицания[12]. Именно поэтому при переводе с русского языка *конечно* часто опускают, а при переводе с английского добавляют.

ВКЕ других групп также зарегистрированы в нашем материале в качестве добавленных при переводе с английского языка на русский:

With 50 million inhabitants, Ukraine is the France of the East (Stewart G. The Russians are back!).

Украина, большая страна с 50-миллионным населением, это по сути – Франция Восточной Европы

First, Russia will need to convince Europe that Georgia was a one-time event, and that Ukraine is not next in line for a Russia on the march (Johnston R., Kupchan C. Europe and Russia both have options).

Во-первых, России необходимо убедить Европу в том, что Грузия – это единичный случай, что Россия не настроена продолжать в том же духе, а если конкретнее – что она не собирается проделать то же самое с Украиной.

ВКЕ *по сути* выполняет акцентно-выделительную функцию в тексте, а ВКЕ *если конкретнее* является уточняющим рефлексивом. Как видно из всех примеров с добавленными ВКЕ, они придают фрагментам текста дополнительное звучание. Несомненно, что благодаря ВКЕ текст становится более четким, понятным, внятным; ясно, на что обратить внимание и каково мнение автора по тому или иному вопросу. Вышеуказанные примеры наглядно демонстрируют, что при переводе на русский язык добавления характерны не только для перевода ВКЕ – добавляются и фрагменты фактуальной информации.

Добавления другого вида – с использованием структурного преобразования предложения – также встречаются в переводах на русский язык. Это, главным образом, субъективно-модальные ВКЕ.

(...) disruption of Moscow's oil exports ***would cause*** *short-term dislocations* (Johnston R., Kupchan C. Europe and Russia both have options).

(...) срыв поставок из Москвы может, конечно, вызвать краткосрочные трудности в самой Европе.

Данный пример взят из статьи «Смогут ли ЕС и Россия договориться?», в которой речь идет о развитии отношений между Россией и Европой в ближайшее десятилетие. Поскольку в статье обсуждаются варианты возможного развития событий в будущем, то большинство глагольных форм выражают нереальную модальность возможности (*would, could* + инфинитив). Переводятся эти глагольные формы в основном с помощью глагола *мочь*. Дискурсив *конечно* здесь, в отличие от большинства случаев употребления этого слова, не усиливает, а напротив, ослабляет категоричность высказывания. (Интересно, что в этой статье встречаются и другие, не связанные с использованием ВКЕ, случаи снижения категоричности. Ср.: *That's true for the next few years – В течение нескольких следующих лет – возможно*.)

В следующем примере модальное значение глагола *could* при переводе переносится на субъективно-модальную ВКЕ *есть вероятность*, при этом модальность меняется в сторону усиления вероятности события. Ср.:

Russia ***could*** *reduce oil flows through the Druzhba line to Poland in response to Poland's decision to host U.S. missile defense installations* (Johnston R., Kupchan C. Europe and Russia both have options).

Есть вероятность, что Россия в ответ на решение Польши разместить на своей территории объекты противоракетной обороны США сократит поток нефти в эту страну по трубопроводу «Дружба».

Интересной особенностью русских переводных текстов является тенденция использовать наряду с ВКЕ-добавлениями и ВКЕ-опущения. Причем эта тенденция проявляется главным образом в переводах с одним единственным словом – дискурсивом *so*. Ср.:

So what is this thing about Russia anyway (Stewart G. The Russians are back!).

С чем же связано это «повышенное внимание» к России?

And so we circle 'round and arrive back at the old-old problem (Geyer G. Russia first to test new president).

Мы ходим вокруг все той же стародавней проблемы.

So capabilities have increased, as have threats, and our ability to cope with them (Robbins J. The presidential test has begun).

Выросли возможности для нанесения ударов и уровень угроз, а с ними и наши способности по противодействию этим угрозам.

ВКЕ *so* является самым популярным дискурсивным словом не только в исследованных нами статьях американских журналистов, но и в речи американских президентов в разных жанрах (в интервью, в президентских посланиях). В русском языке есть ВКЕ, выражающие то же значение, что и *so* (*итак, поэтому, так вот* и др.). Однако переводчики часто опускают эти единицы при переводе.

В следующем примере ВКЕ, представленная латинской аббревиатурой, опускается, а ее значение переводится описательно – деепричастным оборотом. Налицо структурная перестройка и перераспределение смыслов между частями предложения: значение, представленное английской ВКЕ, выражается членом предложения, входящим в его структуру. Ср.:

Kuchins calls this «empathy deficit disorder», i.e., not understanding the essential forces that move a historic nation like Russia (Geyer G. Russia first to test new president).

Качинс говорит о «проблеме дефицита эмпатии», ***подразумевая под этим*** *непонимание важнейших сил, движущих такой исторической державой, как Россия.*

Большая часть всех английских ВКЕ все же переводится. Коммуникативные эквиваленты используются в 66% случаев, на функционально-коммуникативные аналоги приходится 23%. Коммуникативными эквивалентами переводится больше половины всех организационно-структурных ВКЕ, почти все субъективно-модальные и акцентно-выделительные ВКЕ. Например:

You can always find some scientist willing to testify that missile defense technology is imperfect – indeed what technology is perfect? (Robbins J. The presidential test has begun).

Всегда найдется какой-нибудь ученый, который будет готов заявить под присягой, что техника ПРО далека от совершенства. Действительно, где вы видели совершенную технику?

Fortunately, America has built up strong alliances with free European countries that are, in turn, now willing to help defend the U.S. and Europe against a rogue missile threat (Obama's Russia test).

К счастью, Америка уже создала прочные союзы со свободными европейскими странами, которые, в свою очередь, выражают готовность защитить США и Европу от ракетной угрозы деструктивных государств.

Функционально-коммуникативные аналоги используются для перевода намного реже, чем коммуникативные эквиваленты. Ср.:

It bears repeating that the system in no way diminishes Russia's own nuclear deterrent (Obama's Russia Test).

Следует еще раз отметить, что данная система никоим образом не ослабляет потенциал ядерного сдерживания самой России.

The Kremlin is doing Mr. Obama a favor by testing him so early. All the more because Congressional Democrats have given the impression the U.S. support for Poland or (...) Ukraine and Georgia is negotiable (Obama's Russia Test).

Кремль оказывает Обаме услугу, начиная экзаменовать его уже сейчас. Это важно, потому что демократы в Конгрессе своими действиями создают такое впечатление, будто американская поддержка Польше или (...) Украине и Грузии может быть предметом торга.

Некоторые пары ВКЕ, на первый взгляд, представляют собой функционально-коммуникативные аналоги. Однако подробное изучение словарных дефиниций этих единиц дает нам право отнести эти случаи к коммуникативным эквивалентам. Например, одно из значений русской ВКЕ *скажем* – «предположим, допустим»[13], следовательно, перевод английской ВКЕ *perhaps* с помощью *скажем* является корректным:

A promising diversification strategy would involve Beijing, should Russia finally elect to implement its much-discussed plans and build large new gas pipelines to China with perhaps a 5-year lead time (Geyer G. Russia first to test new president).

Весьма многообещающим выглядит стратегический поворот в сторону Пекина, если Россия все же решится провести в жизнь свои громкие планы и в течение, скажем, ближайших пяти лет построить новые крупные газопроводы в Китай.

Интересный пример, относимый нами также к функционально-коммуникативный аналогам, представляет замена пунктуационного знака (тире) в английской статье русским дискурсивным словом (*то есть*). Ср.:

But if Russian-EU relations decay and the Europeans develop more political will, both sides have alternatives over the medium term – 5 to 10 years – that could limit their energy relationship (Johnston R., Kupchan C. Europe and Russia both have options).

Но если отношения между Россией и ЕС испортятся, а также если европейцы разовьют в себе политическую волю, в среднесрочной, то есть пяти-десятилетней, перспективе у обеих сторон возникают альтернативы, способные ограничить их энергетические взаимоотношения.

Таким образом, проведенное исследование способов перевода ВКЕ с русского языка на английский и с английского на русский показало, что по частоте и количеству использованных ВКЕ русские и английские переводы демонстрируют двойственную тенденцию. С одной стороны, не будучи самостоятельными текстами, переводы, естественно, отражают особенности оригинальных текстов. С другой стороны, они остаются верными своему языку и культуре этого языка, что тоже естественно. Если исходные тексты по частоте ВКЕ, как было отмечено выше, различаются более чем в три раза, то их переводы демонстрируют в этом отношении довольно близкие результаты. Частота ВКЕ в переводах на русский язык составляет 1 на 81 словоупотребление и 1 на 70 словоупотреблений в переводах на английский. Можно сказать, что в количественном смысле при переводе ВКЕ достигается определенный баланс, некая золотая середина между исходным и переведенным текстами.

Кроме того, такая же тенденция наблюдается и при сравнительном анализе разнообразия репертуара ВКЕ в переводимых текстах. В русских оригинальных статьях список использованных ВКЕ содержит 78 разных единиц, в английских статьях он наиболее короткий – 36. А вот переводные тексты занимают по этому показателю промежуточное положение – в переводах на русский в список ВКЕ входит 55 единиц, в переводах на английский – 63. Таким образом, и по разнообразию репертуара переводные тексты сопоставимы.

Удивительно, но при переводе с русского языка на английский и с английского на русский зафиксированы одинаковые показатели количественного соответствия ВКЕ в оригиналах и переводах – при переводе с русского на английский количество использованных ВКЕ уменьшается на 30%, а при переводе с английского на русский – на 30% увеличивается. Результаты по отдельным статьям, конечно, различны. Но средние показатели по обоим языкам одинаковые. Следовательно, можно вести речь об устойчивых тенденциях, проявляющихся в соответствиях между ВКЕ в оригинальных и переведенных политических дискурсах.

Итак, перевод ВКЕ довольно своеобразен. Прямой перевод с использованием эквивалентов возможен далеко не всегда. Во многих случаях ВКЕ либо опускаются, либо добавляются. Кроме того, однозначных соответствий во многих случаях не существует – велика роль контекста, социально-культурных традиций и субъективного фактора. Можно ли в таком случае считать перевод переводом? Для подобных процессов, когда помимо непосредственно перевода производятся дополнительные изменения, так как происходит «перевод текста на другие рельсы», Н. Шахова предлагает заимствованный из компьютерных наук термин «локализация». Как при переводе технических инструкций с английского на русский убираются *please* и *thank you*, а при обратном переводе добавляются, так и при переводе с одного языка на другой ведут себя многие другие ВКЕ, например, русские *конечно* и английские *so*[14].

Представляется, что в речи российских журналистов и переводчиков более частое и разнообразное по сравнению с американцами использование ВКЕ помимо отмеченных выше исторических причин имеет и социокультурные корни. Русская национальная идея, в основе которой лежат коллективизм, забота о ближнем, открытость, общительность, обусловливает определенную заботу о читателе, стремление донести до него каждое свое слово, каждую деталь сообщения, а также придать сообщению эмоциональную окраску. Это выражается в том числе и в частом использовании ВКЕ. Они помогают читателю сориентироваться в информационном потоке, понять структуру и логику сообщения, осознать наиболее важные его моменты, понять позицию автора. Русский политический дискурс в целом считается более эмоциональным, чем американский, в нем ярче выражена направленность на адресата и сильнее чувствуется позиция автора. Во многом данные характеристики русской политической речи обнаруживаются в употребляемых здесь ВКЕ.

Англоязычному читателю такое обилие ВКЕ, возможно, кажется излишним. Независимость, уважение к отдельной личности, индивидуализм, толерантность – вот составляющие американской национальной идеи. Уважение к читателю американскими журналистами понимается иначе, чем российскими. Внимание к фактической информации превалирует над демонстрацией отношения, отстраненная позиция, стремление не навязывать свое мнение – видимо, эти факторы и лежат в основе многих особенностей использования ВКЕ в речи американских журналистов.

Профессиональный переводчик с английского П.Р. Палажченко считает, что многие русские ВКЕ (*в принципе, по большому счету, на самом деле* и др.) из-за своего частого употребления обесцениваются, становятся «дежурными». Он полагает, что эти единицы являются наследием советского бюрократического канцелярского стиля, и советует при переводе на английский язык эту «шелуху» опускать и избегать «туманности», которую, по его мнению, эти единицы могут придавать сообщению[15].

Несомненно, переводчикам стоит прислушаться к совету П.Р. Палажченко, однако ни в исследованных нами исходных текстах, ни в текстах-переводах мы не заметили переизбытка ВКЕ. Кроме того, подобных семантически опустошенных единиц употребляется очень мало (стоит заметить, что определение степени опустошенности или наполненности этих единиц – дело довольно субъективное). Хотя следует подчеркнуть (и это было показано выше), что переводчики действительно опускают целый ряд ВКЕ в переводе

на английский язык, то есть создают переводной текст в традициях языка перевода.

Несколько иного мнения придерживается переводчик и преподаватель перевода И.С. Алексеева. Она, имея в виду главным образом организационно-структурные ВКЕ, пишет, что многие неопытные переводчики часто опускают «эти маленькие, незаметные словечки» в тексте, особенно, если их много. Однако всякий раз «снимая» маленькое словечко, переводчик ослабляет логичность текста и приближает принцип его построения к ассоциативному. И.С. Алексеева полагает, что средствам формальной когезии необходимо находить в переводе эквивалентные соответствия[16].

Вообще перевод часто имеет дело с добавлениями, опущениями и другими преобразованиями, причем часто эмоционального характера. Известный российский переводчик Н. Шахова пишет: «Одна норвежская переводчица говорила, что при переводе американских пресс-релизов ей приходится отбрасывать половину прилагательных и несколько снижать общую восторженность изложения, иначе читатели воспримут информационное сообщение как рекламное. А шведка рассказывала, что в итальянских туристических проспектах мельчайшая достопримечательность преподносится как восьмое чудо света, что совершенно не приемлемо для шведского читателя»[17].

Перевод ВКЕ служит прекрасным примером доказательства существования особого социокультурного уровня в переводе, который отмечают многие исследователи[18]. Социокультурный уровень выделяется наряду с уровнем слова, словосочетания, предложения, абзаца и текста. Социокультурный аспект перевода чрезвычайно важен, поскольку, как отмечает А.Л. Бурак, перевод осуществляется «не с языка на язык, а с культуры на культуру»[19].

Примечания

1 *Тер-Минасова С.* Война и мир языков и культур. М., 2007; *Виссон Л.* Русские проблемы в английской речи. Слова и фразы в контексте двух культур. М., 2003; *Леонтович О.* Русские и американцы: Парадоксы межкультурного общения. Волгоград, 2002.

2 *Шахова Н.* Кому дано предугадать. URL: http://www.russ.ru/ist_sovr/20000328_shahova.html (дата обращения: 30.08.10).

3 *Викторова Е.* Коммуникативы в разговорной речи (на материале русского и английского языков): дис. … канд. филол. наук. Саратов, 1999; *Она же.* Сравнительный анализ использования вспомогательных коммуникативных единиц в посланиях российских и американских президентов // Динамика современного политического мышления в современном дискурсивном пространстве. Власть и СМИ / под ред. О.Н. Дубровской, Т.В. Харламовой. Саратов, 2008. С. 123–135.

4 *Кибрик А.* Дискурсивные маркеры. URL: www.philol.msu.ru/~otipl/new/main/courses/discourse/New/2008-vesna/14-discourse-markers.ppt (дата обращения: 30.08.10)*; Гладров В.* Что такое структурные слова? О вопросе частей речи как проблеме взаимообусловленности уровней языка. URL: http: //www.philol.msu.ru/~rlc2004/ru/abstracts/?id=10&type (дата обращения: 30.08.10).

5 *Кибрик А.* Указ.соч.

6 *Рецкер Я.* Теория перевода и переводческая практика. М., 1974.

7 *Рецкер Я.* Указ.соч.; *Бурак А.* Translating Culture: Перевод и межкультурная коммуникация. Этап 1: уровень слова. М., 2002; *Казакова Т.А.* Практические основы перевода. English – Russian: учеб. пособие. СПб., 2003.

8 *Виноградов В.* Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М., 2001.

9 *Викторова Е.* Сравнительный анализ использования вспомогательных коммуникативных единиц в посланиях российских и американских президентов. С. 123–135.

10 *Паршин А.* Теория и практика перевода. М., 2000.

11 *Виссон Л.* Указ соч.; *Голденков М.* Осторожно! Hot dog! Современный активный English. М., 2002.

12 *Тер-Минасова С.* Указ.соч.

13 *Хачатурян Е.* Семантическая структура слова СКАЖЕМ: общая ответственность и условная адекватность // Дискурсивные слова русского языка: контекстное варьирование и семантическое единство / сост. К. Киселева, Д. Пайар. М., 2003. С. 80–102.

14 *Шахова Н.* Указ. соч.

15 *Палажченко П.* Мой несистематический словарь (Из записной книжки переводчика). М., 2004.

16 *Алексеева И.* Профессиональный тренинг переводчика. СПб., 2005. С. 170.

17 *Шахова Н.* Указ. соч.

18 *Бархударов Л.С.* Язык и перевод. М., 1975; *Бреус Е.* Основы теории и практики перевода с русского языка на английский. URL: http://irikha.com/library.php?clause=083 (дата обращения: 30.08.10); *Паршин А.* Указ.соч.; *Комиссаров В.* Современное переводоведение. М., 2001; *Бурак А.* Указ. соч.

19 *Бурак А.* Указ. соч. С. 13.

УДК 811.111'373

ГИДРОНИМЫ КВЕБЕКА КАК ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО И КУЛЬТУРНОГО ДОСТОЯНИЯ НАЦИИ

Л.Н. Артамонова

Ульяновский государственный университет
E-mail: lilyart11@mail.ru

Статья посвящена анализу гидронимов Квебека. Делается попытка выявления той информации (исторической и культурной), которую несут в себе гидронимы. Рассматриваются периоды формирования названий и особенности их происхождения.
Ключевые слова: Квебек, национально-культурная семантика топонимов, гидроним, инуиты, американдейцы.

The Quebec's Hydronyms as the Reflection of Historical and Cultural National Heritage

L.N. Artamonova

This article analyzes the hydronyms of Quebec. The author attempts to uncover the information (historic and cultural) which these place-names contain. The article covers the periods of time when the place-names were formed and the peculiarities of their origin.
Key words: Quebec, national and cultural semantics of place-names, hydronym, Innuit, Amer-Indians.

Изучение топонимики той или иной местности преследует несколько целей: с одной стороны, оно позволяет людям ориентироваться и определять местоположение предметов и даже событий; с другой – с помощью зашифрованных лингвистических посланий понять культурное и историческое содержание ранее существовавших объектов человеческого мира.

Топонимы представляют собой не только сугубо географические термины, в своей семантике они содержат и отражают яркую культурно-историческую информацию, то есть «обладают яркой национально-культурной семантикой, поскольку их групповое и индивидуальное значение прямо производно из истории и культуры народа – носителя языка»[1].

По свидетельству В.А. Никонова, топонимы – «красноречивые свидетели прошлого, занимают почетное место среди самых драгоценных исторических памятников, как живое эхо отдаленных времен»[2]. Об этом писали также известные специалисты в области ономастики, этнолингвистики, лингвострановедения, лингвокультурологии: Н.И. Толстой, В.Н. Топоров, М.В. Горбаневский, В.И. Супрун, Р.А. Агееева, Е.М. Верещагин, А.Ф. Журавлев, Е.Н. Березович, В.П. Нерознак и др.

Топонимия Квебека обладает большим лингвострановедческим потенциалом, связанным с историей страны и региона, т.е. с экстралингвистическим содержанием, восходящим к истории, географии, искусству, фольклору, традиционному и новому быту и т.д. – иначе говоря, к культуре народа, который называют национально-культурной (историко-культурной) информацией, или коннотацией.

Основная информация по изучению топонимики в Квебеке была собрана Комиссией по топонимике (Commission de toponymie)[3] и изложена в топонимическом словаре *Noms et lieux du Québec*[4].

Современный Квебек является территорией проживания огромного количества племён и народов Канады, в том числе французов и англичан. К коренным жителям Квебека относятся инуиты (Inuktitut) и американдейцы (Amérindienne), подразделяющиеся на племена: Абенаки (Abenaki), Алгонкин (Algonquin), Аттикамек (Attikamek), Кри (Cri), Гуроны (Huron, wendat), Малесите (Malécite), Микмак (Micmac), Могавк (Mohawk), Монтане (Montagnais), Наскапи (Naskapi)[5]. Носители этих языков жили на территории Квебека более чем 10 000 лет и проживают по сей день; язык их нашёл отражение в самых разных квебекских топонимах, включая гидронимы края.

Гидронимика Квебека включает аборигенные названия (американдейские и инуитские) и евроканадские названия (французские и английские). Учитывая период формирования названий и особенности их происхождения, гидронимы Квебека можно разделить на три группы:

– произошедшие от аборигенных языков,

– произошедшие от французского языка в XVI в.,

– образованные под влиянием английского языка в XVIII в.

1) Большое количество наименований водных объектов на территории Квебека происходит из перечисленных выше аборигенных языков. Некоторые из них считаются мертвыми, утерявшими свой алфавит, и по этой причине некоторая часть местных гидронимов представляет трудность для изучения. Гидронимов, значения которых не ясны или не поддаются объяснению, насчитывается около 1270 (1,3% от всех гидронимических объектов), например: *rivière Bérard – rivière des Bêtes Puantes; Rivière Achepabanca; Lac des Abénakis* и др. Водные объекты, обозначенные языками индейских племен, составляют 7359 гидронимов (7,4%). Например: *Lac Aachikamakuskasich*, что с индейского обозначает «место, где много сиг» (сига – вид рыбы); *Lac Mistatikamekw* – «озеро, где водятся большие сиги»; *Petit lac de l'Achigan*

© Л.Н. Артамонова, 2010

– «озеро черных окуней»; *Lac Aakaupiynanuch* – «озеро с малым количеством рыбы»; *Baie Minoming* – «залив с очень вкусной рыбой»; *Lac Kanamasiusi* – «озеро, изобилующее рыбой»; *Lac Kanamekuskasich* – «озеро полное пёстрой форели»; *Baie Kakukameskach* – «залив, где много серой форели». Как можно заметить, существует большое количество гидронимов, названия которых отражают охоту на рыбу. Это доказывает, что для племён рыбная ловля была жизненно важным промыслом. Гидронимы племён отражают охоту и на других животных: *Lac Achikunipis* – «озеро, где добывают шкурки тюленей»; *Lac Namapi* – «озеро голубой синицы»; *Ruisseau Kamahikanikunuch* – «ручей, где много волков»; *Lac Achikumin* – «озеро детёнышей тюленей»; *Lacs Amichetich Amiskuch*, *Lac Amisach Wat* – «бобровое озеро»; *Lac Mouska* – «лосиное озеро». Другие названия описывают местный растительный мир: *Ruisseau Kawayuyamiskupau* – «ручей, окружённый ивами»; *Ruisseau Ewekwatikweyâk* – «ручей в густых зарослях деревьев».

Также часто встречаются гидронимы с описанием рельефа и особенностей природы: *Rapides Aamikausich* – «стремнина выходит из берегов»; *Lac Asakapiskach* – «скалистое озеро»; *Baie Kamisach* – «скалы с трещинами»; *Lac Asakukamach* – «узкое озеро»; *Lac Kauakiekamatsh* – «озеро почти круглой формы». Прослеживаются разного рода описания воды: *Rivière Maquatua* – «река с чёрной водой»; *Lac Kâmakadewâgamik* – «течения с темной водой»; *Lac Kamackigwagama* – «болотистое озеро»; *Lac Kamickekwakamacik* – «маленькое болотистое озеро»; *Lac Kamaywapakich* – «озеро с грязным течением».

Среди гидронимов имеется немало «чувственных» обозначений: *Lac Kamiywach* – «красивое озеро»; *Lac Akakanipanuch* – «безопасное, спокойное озеро с пресной водой»; *Lac Missisakhegin* – «большое озеро».

Следует добавить, что на территории Квебека существует большое количество одинаковых или схожих между собой гидронимов. Это, возможно, объясняется тем, что они достаточно отдалены друг от друга. Тем не менее, насчитывается шесть гидронимов *Lac Mistatikamekw* – «озеро, где водятся большие сиги», располагающиеся на небольшом расстоянии друг от друга. В разных частях Квебека насчитывается более 8 гидронимов и 7 объектов, называемых *Lac du Mocassin* – «мокасиновая змея».

Из аборигенных языков Квебека наименьшее число гидронимов представляет язык инуитов (Inuktitut), насчитывающий 1678 гидронимов (1,7%). Например: *Rivière Amittujuakaakallak* – в названии даётся физическая характеристика «короткая река»; *Lac Arnaituuviup Qamaninga* – «широкая река»; *Baie Anurituuq* – «ветряной залив»; *Lac Amittukallaup* – «лунное озеро»; *Lac Apituhamwapaw* – «озеро с солнцем в зените». Возможно, эти явления были связаны с народными приметами.

По этим примерам видно, что названия, присваиваемые водным объектам индейцами и инуитами, носят предпочтительно описательный характер, в которых выделяются определённые черты флоры и фауны, а также особенности рельефа, окружающего гидронимический объект. Довольно часто горы, поля, реки и озёра носят одинаковые названия. Многочисленные гидронимы Квебека указывают на то, что было особенно важным для племён в том или ином водоеме. Во многих наименованиях водоемов отражено то, что выделяли в них индейцы и инуиты, что было важным для их жизни. Результаты анализа гидронимов свидетельствуют о важной роли, которую играла вода в жизни представителей коренных народов Квебека.

2) Многие гидронимы Квебека получали названия на французском языке в XVI в., во времена великих географических открытий, когда французами были предприняты попытки основать свою колонию. Массовое появление французских колонистов в Канаде датируется серединой XVII столетия, и социальный состав их был довольно пестрый, однако большинство составили солдаты, ремесленники и крестьяне, а доля чиновников, духовенства и офицеров, то есть людей образованных, была весьма незначительна. Это проявилось и в том, что огромная часть гидронимов, так же как и прочих топонимов Квебека, носит предпочтительно описательный характер. При этом следует отметить, что названия гидронимов после XVII в. становятся более разнообразными, отражающими многие аспекты человеческой жизнедеятельности на данной территории.

Например, описания территории, окружающей объект: *Lac des Abrupts* – «река между двух крутых склонов»; *Rivière des Accores* – «берег, обрывающийся потоком реки». Встречаются гидронимы, раскрывающие мир растений (фитофорные гидронимы): *Lac de l'Acacia* – «дерево или куст с соцветиями белых или жёлтых цветов»; *Lac des Pommes* – «озеро, рядом с которым растут яблони» и животных (зоофорные гидронимы): *Lac Abeille* – «озеро пчел» (только с этими насекомыми насчитывается 8 гидронимов); *Lac des Aigles* – «орлиное озеро»; *Rivière du Lièvre* – «река, протекающая через лес, где много зайцев»; *Lac Chinshes* – «щучье озеро»; *Rivière des Aigles* – «орлиная река»; *Rivière de l'Ours* – «медвежья река»; *Etang du loup* – «волчий пруд».

Сюда же можно отнести и саму человеческую деятельность, а именно охоту, которая была и остается важным промыслом народов Канады: *Lac la Loutre* – «озеро выдр» (мех этого животного был ценным); *Petite rivière de la Baleine, Grande rivière de la Baleine, Lac a la Baleine* – названия гидронимов показывают, что на данной территории ловили китов, а название озера

произошло от названия рек и, как можно предположить, от других топонимов местности. Однако нельзя забывать тот факт, что многие животные, птицы и растения особо почитаются в различных областях, следовательно, гидроним, в составе которого имеются лексемы, обозначающие почитаемое животное, побуждало жителей Квебека скорее не к охоте, а к поклонению животному, проживающему там, где находится водоем. Почитание может быть выражено тем, что жители Квебека не будут вести охоту и тревожить это животное и посещать ту местность. Например, *Lac du Cygne* – «лебединое озеро» (существует 19 подобных гидронимов) символизирует «свистящего лебедя» (*cygne siffleur, cygne trompette, cygne tuberculé*), который является единственным, очень красивым представителем лебедей семейства *Anatidae*.

Гидронимы отражают также труд людей: *Rivière du Barrage* – «река с плотиной».

Отдельно следует отметить, что с появлением на территории Квебека французских поселенцев водным объектам стали давать имена людей, посетивших соответствующие места или просто известных на тот момент: *Rivière Abrat* – название реки в честь настоятеля католического монастыря Антуана Абра (Antoine Abrat, 1702–1739, родом из Франции); *Rivière Bériau* – река в честь аббата Людовика-Мишеля Бэрио (1728–1801); *Rivière Bazin* – река в память французского писателя Рэне Базена (1853–1932), а также прозвища героев сказок, мифов, былин: *Lac Achille* – озеро в честь гомеровского героя, самого храброго и всемогущего победителя во времена Трои.

Большая часть гидронимов носит имена святых: *Lac Saint, Ruisseau de l' Anse Saint-Georges, Lac St-Jean* и Богородицы: *Lac Notre-Dame, Rapide de l'Ole Notre-Dame* и др. Также в гидронимике Квебека существует целый ряд названий, обозначающих церковную утварь: *Décharge du Lac du Banc d'Œuvre*, ссылается на церковную скамью, место церковного старосты, сохраненную для членов католического прихода. Возможно, это связано с тем, что в XV–XVI вв., когда влияние католической церкви было сильно, мореплаватели, открывая новые земли, присваивали им названия, связанные с католическими праздниками и святыми.

Отдельно следует выделить случаи использования в гидронимах различных стилистических приемов, например метафоры. *Lac Breeches* – дословное название «штанишки», появилось из-за того, что озеро имеет форму «Y» и на севере и востоке заканчивается двумя бухтами; *Ruisseau du Diable* – «чертов ручей» – существует большое количество гидронимов со словом «чёрт», в чем отражается адский шум, который производит река. Кроме того, слово *diable* в Квебеке часто использовалось в поговорках, пословицах и других выражениях; *Rivière du Bas de Soie* – выражение «Шелковый чулок» – прозвище, которое со второй половины XIX в. у французских канадцев ассоциировалось с ирландцами, которые тогда прибывали в Квебек в большом количестве, носили короткие штаны, позволяющие видеть их ноги. Именно эту оголённую часть ноги канадцы называли в шутку шелковым чулком, и затем эта характеристика перешла на всего человека. *Lacs Jumeaux* – «озера Близнецы»: в Квебеке имеется целая серия озёр, названных «близнецами» ввиду их тождественности. Они обозначают в равной степени сходные географические объекты, представляющие тот же вид, форму, величину, рельеф и другие характеристики. Так, в группу близнецов входят три маленьких соседних озера, которые с 1950 г. называют *Lac Henry* (озеро Генри), *Lac Profond* (озеро Глубокое) и *Lac Long* (озеро Длинное).

Среди гидронимов, характеризующих внешние признаки и физические особенности Земли, выявлены названия, включающие адъективы *rapide* «быстрый», *plat* «плоский», *long* «длинный» и другие (*Petit rapide* – «маленькие пороги», *Rivière Rapide* – «быстрая река»). Наименования с аппелятивами *haut* «верх», *bas* «низ» отражают как характер ландшафтного рельефа, так и положение к объектам рельефа при выборе ориентира для номинации населенного пункта (*Lac de la Haute Terre* – «озеро на возвышенной земле»).

Сюда можно отнести так называемые «чувственные» гидронимы, которые разделяются по следующим категориям: цветовые, внешностные, тактильные, звуковые характеристики: *Lac Vert* – «зелёное озеро», *Lac Clair* – «светлое озеро», *Rivière Rouge* – «красная река». Некоторые гидронимы выражают субъективное отношение: *Lac Aimé* – «любимое озеро»; *Lac Natal* – «родное озеро»; *Lac Perdu* – «потерянное озеро» (до него трудно было добраться).

Известны случаи, когда гидронимы связаны с обнаруженными полезными ископаемыми (производственные гидронимы). Они свидетельствуют о значении, которое придавалось исследованию недр земли. Например: *Lac Diamant* – «алмазное озеро», *Lac du Fer* – «железное озеро», *Lac D'or* – «золотое озеро».

Существуют гидронимы с климатическими признаками, отражающие состояние погоды и климата в момент номинации объекта: *Lac des Neiges* – «заснеженное озеро», *Baie de la Chaleur* – «бухта жары».

Особенно следует выделить названия, описывающие различные события. Это могут быть как крупные исторические события, так и небольшие происшествия: *Rivière de la Mort* – «река смерти»; *Ruisseau de la Bataille* – «ручей сражения» (в память о двух сражениях между англо-ирокезами и французами 11 августа 1691 в Прери).

Существует большое количество гидронимов, в состав которых входят числа, подчеркивающие величие и размеры территории. Числительные «три, семь» значимы как сакральные

выражения троичности и семеричности иудео-христианских ценностей: *Trois-Rivières* – «три реки», *Chute du Sept* – «семь водопадов». Порядковое числительное «первый» в гидрониме *Rivière-France-Prime* – одно из названий реки Святого Лаврентия – имеет значение «примата Франции» в Северной Америке. Величие реки Святого Лаврентия славится в оригинальном франкоязычном варианте национального гимна Канады: «гигантская река», «благословенная колыбель» нации.

Проанализировав гидронимы XVII в., мы приходим к выводу, что в основном в номинациях водных объектов отражались географические особенности территории, это, в свою очередь, информирует о том, что делали и что принято было делать на данной территории. Так, например, гидроним *Lac des Prés* – «луговое озеро» – отражает факт того, что рядом находится пастбище для животных и что это место удобно для сельскохозяйственной деятельности, кроме того, топоним со схожей структурой *Montée des Prés* – «луговая возвышенность» – свидетельствует о находящемся в непосредственной близости возвышении. Это говорит о том, что французские поселенцы, как и сами аборигены, давали названия одним географическим объектам через другие, находящиеся в непосредственной близости, например, река, озеро, болото через деревню или горную цепь, или наоборот.

Кроме того, существует большое количество озёр, рек, водоёмов с одинаковыми названиями. Анализ показал, что самым употребительным прилагательным для озёр Квебека являлось *rond* «круглый» (встретилось 206 гидронимов), из которых 14 *Petit lac Rond* – «небольшое круглое озеро». Принципы такого называния остаются скрытыми даже для самой Комиссии по топонимике, но можно предположить, что эти гидронимы существовали только ради удобства ориентирования в пространстве. Более того, именно такие схожие названия появлялись первыми, и в наше время их постепенно переименовывают. Доказательством чему служит тот факт, что уже почти половина этих гидронимов *Petit lac rond* имеют вторые названия: *Lac Dargie* в административном регионе Lanaudière; *Lac Lepage* в административном регионе Bas-Saint-Laurent; *Lac Quertier* в административном регионе Côte-Nord и др. Среди названий рек *La Belle Rivière* насчитывается 6 гидронимов, не учитывая случаев, где *beau* входит как часть словосочетания или «слитного слова», состоящего из нескольких частей: *Rivière Beaulac* и *lac Beaulac.*

Также водным объектам давали обобщающие названия, именуя несколько объектов одним названием. Например: *Trois lacs de la Montagne des Corbeaux*, причём эти озёрки не имеют собственных названий и обходятся одним общим. Данный факт позволяет предположить, что эти очень небольшие озера находятся недалеко друг от друга, и у поселенцев не возникало необходимости называть их в отдельности.

3) В XVIII в., за время Семилетней войны с Англией, в Канаде стала усиливаться роль английского языка, что также отразилось в названиях гидронимов. Вместе с франкоязычными названиями географических объектов в Канаде английские топонимы значительно увеличили европейскую гидронимию в Квебеке. Заметим при этом, что если у аборигенной гидронимии характерной особенностью является «зеркальное» отражение мира, то у евроканадцев в основе называния географического объекта лежит сопоставление территорий, а порой даже перенос названия земель или исторических личностей, событий тех мест, откуда прибыли люди. Например: *Lac Falkland* – название отсылает к островам Falkland, архипелагу, находящемуся на юге Атлантического океана и являющемуся британской колонией; *Lac Carteret* – к городу в государстве Нью-Джерси, находящемуся на самом большом острове английского архипелага Нормандских островов, и Филиппу Картерет (1639–1682) – первому губернатору колонии Нью-Джерси; *Lac Doston* – название озеру дано в память о Джоне Достане родом из Ирландии. Анализ английских гидронимов в Квебеке свидетельствует, что особую часть, а точнее 75% из них, составляют именно такие названия, а остальные являются переводом на английский язык существующих (аборигенных) названий водных объектов. 1% от общего числа составляют гидронимы, отражающие непосредственно понимание квебекской действительности английскими поселенцами, например *Lac Alien* – «чужеземный».

Отдельные гидронимы образовывались путем смешения многих присутствовавших в Квебеке языков, в результате чего появлялись гидронимы-«гибриды». На сегодняшний день на карте Квебека их насчитывается около 40; смысл их более или менее понятен, например, *Lac Moquermock* – название образованно от французского *se moquer* «посмеиваться» и английского *mock* с тем же смысловым оттенком.

Хотя у некоторых водных объектов в свое время появились наименования, данные им французскими и английскими поселенцами, параллельно с ними до сих пор существуют индейские и инуитские. Например: *Rivière Abchigamiche* имеет второе название на французском языке *Grande rivière de la Baleine*; гидроним с французским словом *Lac Rond* сейчас принято называть на английский манер *Lac Lost*. Ярким примером является факт того, что название реки Оттава претерпело несколько изменений. Алгонкинские племена, обитавшие вдоль реки Оттава на момент прихода европейцев, называли её *Кичисипи*, что значит «большая река». Ранние первопроходцы считали её верховьем реки Святого Лаврентия и называли

так же, как и часть этой реки, расположенной ниже уровня нынешнего г. Монреаля, *Канадой*. Название *Оттава* река получила от племени, которое непродолжительное время обитало на её берегах в конце XVII в.

Большее предпочтение в Квебеке отдаётся гидронимическим названиям из французского языка. Это подтверждается следующими цифрами: названия на французском языке насчитывают 72 682 гидронима, это почти 73% от всех гидронимов, в то время как на языке аборигенов вместе с нерасшифрованными названиями они составляют около 10%. На названия гидронимов на английском приходится 12%.

Примечания

1. *Верещагин Е., Костомаров В.* Язык и культура: Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы. М., 2005. С. 103–107.
2. *Никонов В.А.* Введение в топонимику. М., 1965. С. 13.
3. Commission de toponimie de Québec. URL: http://www.toponymie.gouv.qc.ca/ CT/ toposweb/recherche.aspx (дата обращения: 30.08.10).
4. Dictionnaire «Noms de lieux du Québec». Québec, 1994.
5. История Северной Америки. Индейцы (все племена Северной Америки). URL: http:// aleksionapolis.ru/ historyindianna.html (дата обращения: 30.08.10).

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1.09 – 31+929 Загоскин

ФЕНОМЕН ДРЕВНЕРУССКОГО ЮРОДСТВА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОМАНА М.Н. ЗАГОСКИНА «ЮРИЙ МИЛОСЛАВСКИЙ, ИЛИ РУССКИЕ В 1612 ГОДУ»

М.А. Горбатов

Саратовский государственный университет
E-mail: arctos@yandex.ru

XVII век – эпоха Смутного времени и период расцвета юродства на Руси. Создавая первый русский исторический роман, М.Н. Загоскин не мог не ввести в повествовательную ткань фигуру христианского подвижника. В статье показана возможность прочтения эпизодов, где участвует юродивый, с привлечением текста Священного Писания.
Ключевые слова: исторический роман, юродство, притча, фольклор, проповедь, провидение.

Old Russian Feeble-Mindedness Phenomenon in the Fiction Space of the Novel «Yuri Miloslavsky, or Russians in 1612» by M.N. Zagoskin.

M.A. Gorbatov

The 17-th century is the Time of trouble and the age of feeble-mindedness flourishing in Russia. Composing the first Russian historical novel M.N. Zagoskin could not help bringing the figure of Christian associate in the narration. The article shows ways of interpretation of some episodes with the «God's fool» using Scriptural passages.
Key words: historical novel, feeble-mindedness, parable, folklore, sermon, foresight.

Феномен древнерусского юродства в последнее время вновь привлекает внимание исследователей. Пересматриваются устоявшиеся представления, предлагаются новые[1]. Концептуально важной для нас представляется работа И.В. Мотеюнайте[2]. Существенно, что в поле зрения исследовательницы – произведения писателей XIX–XX вв., «в которых герой, называемый автором "юродивый", дан крупным планом»[3] (в частности исторический роман М.Н. Загоскина). Рассматривая примеры художественной интерпретации юродства, И.В. Мотеюнайте выделяет «набор признаков, оказавшихся обязательным для героя, называемого автором "юродивый". Это особая связь с божественным началом и демократической культурой, поведенческая и речевая выразительность, странничество и тотальное одиночество героя, отвергаемого миром, неоднозначность восприятия его людьми (святой/сумасшедший). Ни одна из этих черт не является уникальной и специфичной именно для героя-юродивого, но взятые вместе, они определяют его образ в литературе»[4]. По мнению автора, «чудесные способности юродивого для авторов XIX века, создающих образы действительно святых подвижников, далеко не обязательны. Более важными для них стали черты, свидетельствующие о человеческом мужестве в христианском служении. Первым был пушкинский Николка, в исторических романах М.Н. Загоскина и А.К. Толстого мы наблюдаем продолжение этой традиции: оба автора не развивают мотив сверхъестественных способностей в создании образа (хотя и отмечают их), зато акцентируют совестливость, честность, благородство души, бесстрашие. Их юродивые являются высоким примером христианского образа жизни

НАУЧНЫЙ ОТДЕЛ

© М.А. Горбатов, 2010

как нравственного, этически безупречного. В их образах устойчивы мотивы страдания, аскетичности, нестяжания – т.е. свидетельствующие об исполнении христианских заповедей. Эти литературные образы иллюстрируют доминирование этики над мистикой в восприятии юродства писателями»[5]. Разделяя в целом позиции Мотеюнайте, заметим, что, по нашему мнению, в реферируемой монографии фигуре юродивого Мити в «Юрии Милославском» не уделено должного внимания. В связи с этим целью данной статьи является попытка представить этот образ более детально – путем «комментирования» сцен в романе Загоскина, где участвует юродивый, в соотнесенности с текстом Священного Писания, поскольку фигура названного персонажа неотделима от народно-православной и книжно-церковной традиций, а интерпретация речений «безумца» важна для понимания духовно-нравственного потенциала произведения.

С именем Михаила Николаевича Загоскина и его романом «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» (1829) связывают, как известно, рождение русского исторического романа. Пытаясь создать «подлинно русский» исторический роман, описывая события Смутного времени, Загоскин не мог не ввести в роман фигуру юродивого. С одной стороны, источником сведений для создания образа могли послужить Четьи-Минеи[6]. С другой стороны, известно, что журналист М.Н. Макаров, рекомендуя романисту по его же просьбе круг литературы по русской старине, советовал «читать примечания к “Истории государства Российского”, да и самое “Историю”, том 8, 9, 10 и 11»[7]. Из этих томов Загоскин мог почерпнуть интересующий его материал[8].

Как известно, расцвет этого явления приходится на XV – первую половину XVII в., и к этому периоду «юродство стало *русским национальным явлением*»[9] [здесь и далее курсив наш. – *М.Г.*]. По определению С.А. Иванова, в средневековье «юродивым называли человека, из благочестивых соображений *симулирующего безумие или эпатирующего окружающих другими способами*»[10]. Описывая в своем романе внешность Мити, Загоскин обращает внимание читателей на то, что «несмотря на нищенскую его одежду и странные ухватки, сейчас можно было догадаться, что *он не сумасшедший: глаза его блистали умом, а на благообразном лице выражалась необыкновенная кротость и спокойствие души*»[11] (с. 124). Иными словами, Митя является «добровольным», «Христа ради» юродивым, проявляя «активную сторону»[12] рассматриваемого феномена: он живет среди людей, чтобы «ругаться миру», обличать пороки и грехи окружающих. В изображении героя-юродивого М.Н. Загоскиным наблюдается следование историческим традициям (появление в толпе, выделение внешностью и поведением). Насколько нам известно, Митя – образ вымышленный, не имеющий исторического прототипа. В подтверждение этой мысли приведем отрывок из письма В.А. Жуковскому от 20 января 1830 г.: «Если действующие лица, выведенные мной в романе “Милославский”, походят на русских 1612 года; *если Юрий, Алексей* [слуга Милославского. – *М.Г.*], *Шалонский, Туренин* [бояре-изменники. – *М.Г.*], *юродивый, земский ярыжка могут назваться представителями различных гражданских состояний своего времени, то, несмотря на то что сии лица не исторические,* я не мог дать вернейшего названия своему роману»[13].

Юродивый появляется в романе всего три раза, и тем не менее, ему отведена достаточно важная сюжетообразующая роль. Знакомство с ним происходит в доме Кручины-Шалонского во время пира с поляками. Надо отметить, что его явление в доме боярина-изменника не случайно: «юродивые нередко вращались среди самых порочных членов общества, среди людей погибших в общественном мнении, и многих из таких отверженных возвращали на путь истины и добра»[14]. С другой стороны, «поляки и русские в XVII веке имели чрезвычайную и непомерную охоту к питью. Ибо известно также, что до времени Петра Великого все знатные Россияне праздное время препровождали в пирушках»[15].

К концу обеда, когда гости порядком захмелели, Шалонский предлагает выпить за победителей Смоленска (поляков). Милославский же, несмотря на то, что целовал крест польскому королевичу Владиславу, как истинный патриот провозглашает свой тост:

« – Да здравствует законный царь русский, и да погибнут все враги и предатели отечества!». В это время, замечает писатель, «раздался громкий голос за дверьми столовой»:

« – Аминь! <…> Двери отворились, и человек средних лет, босиком, в рубище[16], подпоясанный веревкою, с растрепанными волосами и всклокоченной бородою в два прыжка очутился посреди комнаты» (с. 124). Произнося слово, используемое в молитвах для подтверждения истинности сказанного, юродивый как бы заранее «прогнозирует» исход войны с поляками. В этой сцене Митя ведет себя так, как и «подобает» юродивому – он лицедействует, поскольку «юродство обретает смысл только в том случае, если развертывается <…> на глазах у людей»[17]. Пытаясь усовестить Шалонского, юродивый апеллирует к его окружению, привлекая в помощники боярина Замятню-Опалева[18]:

« – Послушай-ка, Гаврилыч! – продолжал юродивый, обращаясь к Замятне. – Ты книжный человек; где бишь это говорится: “Сеявый злая, пожнет злая”?

– В притчах Соломоновых[19], – отвечал важно Замятня <…>

– Слышишь ли, Федорыч! что говорят умные люди? А мы с тобой дураки, не понимаем, как не понимаем!» (с. 125–126). В Толковой Библии эта притча объясняется так: «богатством и вообще

благосостоянием можно пользоваться как к добру, так и к злу»[20]. Таким образом, и здесь юродивый не упускает случая продолжить лицедействовать, имитируя невежество и высмеивая псевдоученость некогда сильного мира сего, а также попытаться образумить Шалонского.

Появление в доме Кручины-Шалонского юродивого Мити вызывает у всех присутствующих, кроме хозяина, неподдельный интерес. Примечательна в этом плане реплика польского регментаря пана Тишкевича: «*Я никогда не видывал ваших юродивых: послушаем, что он будет говорить*» [как известно, римско-католической культуре феномен юродства не присущ. – *М.Г.*]. Именно юродивому Загоскин «доверил» высказывать прямо в лицо поляку отношение к иноземным захватчикам. Митя «играет» с Тишкевичем, притворяется, что боится его («Вишь ты какой усатый!.. Боюсь!»), но как только регментарь предлагает ему серебряную монету, юродивый в притчево-иносказательной манере говорит об изгнании поляков:

«Я ведь на *своей стороне*: с голоду не умру; побереги для себя: *ты человек заезжий*.

– Возьми, у меня и без этой много.

– Ой ли? Смотри, чтоб достало!.. *Погостишь, погостишь, да и надо же в дорогу... Не близко место, не скоро до дому дойдешь… <…> Береги денежку на черный день!*» (с. 125). Подтекст речей Мити конкретизирует содержание пословицы, превращает ее в совет убираться восвояси. Об этом же говорят смелые двусмысленные реплики юродивого:

« – Я черных дней не боюсь, Митя.

– И я, брат, в тебя! Не боюсь ничего; пришел *незваный*, *да и все тут!.. А как хозяин погонит, так давай бог ноги!*». И.В. Мотеюнайте подчеркивает, что «в русской литературе распределение “активных” и “тихих” юродивых зависит не столько от времени действия, сколько от индивидуальности писателя. Каждый строит образ в соответствии с представлением о “темпераменте юродства” вообще и собственными доминантами мироотношения. Провокационность поведения юродивого тесно связана с полемическим потенциалом юродства; в зависимости от авторской установки (в конкретном тексте или в мировоззрении) эта черта и бывает востребована. Не являясь стержневой в образе (не становясь мотивом), агрессивность может быть все же отмечена в герое штрихом». Провокационность поведения – значимая черта всех героев-юродивых, «если не явно, то имплицитно присутствующей в образе»[21]. Как представляется, поведение юродивого в сцене с регментарем Тишкевичем, двусмысленные речи о скором освобождении русского народа от польского захвата позволяют несколько «расширить» тезис И.В. Мотеюнайте о том, что в романе Загоскина «юродские предсказания узко личностны: не судьба народа, а жизненный путь человека нуждается в осмыслении неба»[22]. Митя принадлежит к числу тех персонажей романа, с которыми связана мысль о православно-религиозных основах борьбы русского народа против польских захватчиков. Среди них – Авраамий Палицын, отец Еремей. Это очень разные персонажи, но всех их объединяет христианская идея. Внушая боярину Тимофею Федоровичу мысль о воздаянии и возмездии, Митя приговаривает: «Бедненький ох, а за бедненьким бог!»[23]. Вокруг этого босого человека в рубище нет ореола мученичества, но он готов пострадать за Божью правду.

Митя образно передает и личную коллизию Юрия Милославского, который дал клятву и теперь страдает, что не может ее нарушить и действовать так, как велит ему его патриотическое чувство: «Связал себя по рукам, по ногам!..» (с. 161). Как представляется, имя юродивого не случайно совпадает с именем отца Юрия: он как бы выполняет в романе функцию «духовного» отца героя, появляясь в переломные моменты жизни. Он понимает, какое великое дело готовится, видит суть мирских дел, человеческую сущность окружающих.

Более всего притчево-иносказательная манера речей юродивого проявляется в общении с боярином-изменником. Отчасти сцена застолья в доме Кручины-Шалонского напоминает пир ветхозаветного царя Валтасара во время осады Вавилона персами:

«Он [боярин Шалонский. – *М.Г.*] спросил позолоченный кубок и, вылив в него полбутылки мальвазии, встал с своего места; все последовали его примеру.

– Ну, дорогие гости! – сказал он. – Этот кубок должен всех обойти. Кто пьет из него <…> тот друг наш; кто не пьет, тот враг и супостат! За здравие светлейшего, державнейшего Сигизмунда, короля польского и царя русского!» (с. 121). – Ср.: «Валтасар царь сделал большое пиршество для тысячи вельмож своих <…> Вкусив вина, Валтасар приказал принести золотые и серебряные сосуды <…> чтобы пить из них царю, вельможам его <…> Пили вино и славили богов золотых и серебряных, медных, железных, деревянных и каменных» (*Дан*. 5:1–2, 5:4). Подобно таинственной руке, начертавшей на стене слова, предвещавшие скорую гибель ветхозаветного царя, в сцене пира в доме Шалонского появляется юродивый. По преданию, на стене дворца появилась надпись: «МЕНЕ, МЕНЕ, ТЕКЕЛ, УПАРСИН» – «МЕНЕ, МЕНЕ – исчислил Бог царство твое и положил конец ему; ТЕКЕЛ – ты взвешен на весах и найден очень легким; УПАРСИН (ПЕРЕС) – разделено царство твое» (*Дан*. 5:24–28)[24]. Юродивый трижды обращается к Кручине-Шалонскому:

I. «Худо, Федорыч, худо!.. Митя шел селом да плакал: мужички испитые[25], церковь на боку… а ты себе на уме: попиваешь да бражничаешь с приятелями!.. А вот как все приешь да выпьешь, чем-то станешь угощать нежданную гостью?.. Хвать, хвать – ан в погребе и вина нет! <…>

смерть придет, как бог велит… Ты думаешь – со двора, а голубушка – на двор» (с. 124). – Ср.: «МЕНЕ, МЕНЕ» [«исчислил Бог царство твое и положил конец ему»]. Юродивый обращает внимание боярина на то, что своими бесчинствами[26], праздным времяпрепровождением Тимофей Шалонский переполнил чашу христианского терпения. Проявляя злое своеволие, Кручина обрекает собственную дочь Анастасию на замужество с паном Гонсевским[27], и, согласно авторской логике, это двойное несчастье: во-первых, потому, что она вынуждена идти за немилого в угоду отцу, а во-вторых, за поляка – врага православных.

II. «…жаль мне тебя, голубчик, право жаль! То-то вдовье дело!.. Некому тебя ни прибрать, ни прихолить!.. Смотри-ка, сердечный, как ты замаран!.. чернехонек!.. местечка беленького не осталось!.. Эх, Федорыч, Федорыч!.. Не век жить неумойкою! Пора прибраться!.. Захватит гостья немытого, плохо будет!» (с. 125). – Ср.: «ТЕКЕЛ» [«ты взвешен на весах и найден очень легким»]. То есть поступки боярина взвешены на весах христианской морали. Душа Шалонского оказывается запятнанной грехами, и потому он найден «очень легким». В повествовательной ткани романа находим такую авторскую характеристику Шалонского: «Мы должны заметить нашим читателям, что гордый боярин Кручина славился своей роскошью и что его давно уже упрекали в подражании иноземцам и в явном презрении к простым обычаям предков»[28] (с. 83). Юродивый призывает боярина к покаянию, чтобы предстать «чистым» пред Престолом Всевышнего, поскольку человеку неведомо, где и когда его застигнет смерть.

III. «А как Федорычу придется охать, то-то худо будет!.. Он заохает, а мужички его вдвое… Он закричит “Господи помилуй”… а в тысячу голосов завопят: “Он сам никого не миловал”… Так знаешь ли что, Федорыч? из-за других-то тебя вовсе не слышно будет!..» (с. 126). – Ср.: «ПЕРЕС» [«разделено царство твое»]. Предчувствуя скорую развязку войны, боярин Шалонский решает отправиться к войску пана Хоткевича[29]. По сюжету романа Юрий Милославский отправляется со своим слугой в стан князя Пожарского. По дороге они попадают в руки повстанцев под предводительством отца Еремея[30]. Из разговора с начальником отряда становится известно, что один из повстанцев вызвался довести обоз Шалонского до войска Хоткевича, но вместо этого привел в засаду. После ожесточенной схватки, в которой боярин Кручина был смертельно ранен, «шиши» [разбойники. – *М.Г.*] становятся обладателями богатой добычи: сундуков «с добром… серебряной посуды возов с пять, а казны на тройке не увезешь!» (с. 245).

Второе появление юродивого в романе – встреча с Милославским близ Благовещенского монастыря в Нижнем Новгороде. В присущей ему манере Митя предсказывает Юрию душевные метания, связанные с присягой польскому королевичу:

«Жаль мне тебя, сердечный! Для всех будет праздник, а для тебя будни.

– Как так, Митя?.. Разве я не православный?

– *Вот то-то то и горе, Дмитрич: ты, чай справляешь праздники по московским святцам?*

– Я тебя не понимаю.

– Мало ли чего ты не понимаешь! Сам виноват: не спешить бы молодцу, не пришлось бы каяться!..» (с. 161). Юродивый как бы намекает Милославскому на московскую присягу католику, в то время как они находятся в «свободном» Новгороде, где собирается народное ополчение. Узнав о том, что Милославский остановится у другого, более коварного боярина-изменника – Истомы-Туренина – юродивый предостерегает его: «Из огня да в полымя!.. Ну, Дмитрич! держи ухо востро!..». И далее Митя говорит словами из Нового Завета: «Ты, чай, знаешь, где написано: “Будьте мудри яко змии и цели яко голубие?” Смотри не поддавайся!» (с. 161). В Евангельском тексте эти слова произносит Иисус, посылая апостолов на проповедь: «Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков: итак, будьте мудры, как змии, и просты как голуби» (Мф. 10:16). Иными словами, юродивый предрекает Милославскому грядущие испытания, призывает его быть рассудительным и оставаться при этом кротким – в духе христианского смирения.

Поистине кульминационным можно назвать третье и последнее явление юродивого в романе: в сцене, когда после нападения шишей боярин Кручина находится на смертном одре, необходимая забота о нравственном здоровье людей, предписанная поведению юродивых[31], проявляется с особой силой. Его душа открыта для постижения нравственно-религиозного, высшего смысла происходящего. Митя призывает боярина оценить прожитую жизнь и пересмотреть ценностные ориентиры: «что б ты стал делать, горемычный, если бы господь не умилосердился над тобою и не дал тебе времени принарядиться да раззнакомиться с твоими приятелями? Оглянись-ка, Федорыч! посмотри, сколько их стоит за тобою! и гордость, и злость, и неправда, и убийство, и всякое нечестие… Эй, Федорыч! не губи себя, голубчик! отрекись от этих друзей, не бери их с собою! Ведь двери-то на небеса небольшие – с такой оравой туда не пролезешь!» (с. 259). Боярин, размышляя с позиций человека, которому недоступна высшая истина, остается непреклонным:

« – О чем ты говоришь, юродивый? чего ты от меня хочешь?.. Покаяния?.. Нет!.. поздно!.. Если всё правда, чему я верил в ребячестве, то приговор мой давно уже произнесен! <…> если из двух дорог я выбрал одну и шел по ней всю жизнь мою, то могу ли перед смертью возвратиться опять на перепутье?» (с. 259). Однако юродивый, проявляя подлинно христианскую заботу о душе ближнего, в ответ укоряет боярина, обращаясь к нему с пыл-

кой проповедью о Божьем милосердии: «Хуже ли ты разбойника, который, умирая, сказал: “Помяни мя, господи! Егда приидеши во царствии твоем!” («И сказал Иисусу: помяни меня, Господи, когда придешь в Царствие Твое! И сказал ему Иисус: истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю». *Лк.* 23:42–43) <…> возведи скорбящий взор к отцу нашему, пожелай только быть вместе с ним, и он уже с тобою, и он уже в душе твоей!..» (с. 260). Пламенной речью о всепрощающей любви Создателя Митя добивается того, что «закоснелое в преступлениях сердце боярина Кручины забилось раскаянием; с каждым новым словом юродивого изменялся вид его, и, наконец, на бледном, полумертвом лице изобразилась последняя ужасная борьба порока, ожесточения и сильных страстей – с душою, проникнутою первым лучом небесной благодати». Юродивый как хранитель и проповедник норм христианской этики готов отдать собственную жизнь ради покаяния Шалонского, но тут же сам осознает, что это – «ничтожная жертва, дабы подвигнуть к милосердию того, кто есть беспредельная любовь…» (с. 260). Как бы в подтверждение слов Мити в предсмертный час Кручины-Шалонского «чудесным образом» появляется священник, который заблудился по дороге с требою к другому умирающему. По авторскому замыслу фигура боярина-изменника, раскаяние и получаемое им перед смертью отпущение грехов призваны «подтвердить» значимость образа юродивого как носителя высших истин.

Как отмечает Г.П. Федотов, «не случайно, что пророческое служение юродивых получает в XVI веке социальный и даже политический смысл <…> Юродивые принимают на себя служение древних святителей и подвижников <…> Юродивый вместе с князем вошли в Церковь, как поборники Христовой правды в социальной жизни»[32].

С.Т. Аксаков высоко оценивал художественный и нравственный потенциал образа Мити: это «явление исключительно русское, выхваченное из народной жизни, стоит выше всех и может назваться художественным созданием; оно написано с такою сердечною теплотою, которая проникает в душу каждого человека, способного к принятию такого рода впечатлений. Это характер очень трудный: малейшее несоблюдение меры, в ту или другую сторону, уничтожило бы его высокое достоинство. Чувство любви христианской и религиозного настроения, которыми постоянно был проникнут сочинитель, перешли на бумагу»[33].

Позже в письме П.А. Корсакову от 28 июня 1840 г. Загоскин признавался: «Я не сомневаюсь, убежден, верую, что мой первый роман обязан своим успехом именно религиозному чувству, которым он согрет <…> Я полагаю, что религиозность в романе состоит в том, чтоб при всяком удобном случае напоминать читателю, что земная жизнь есть не цель, а только средство к достижению цели; что без христианской религии нет истинного просвещения <…> одна только вера во Христа дает человеку возможность быть истинно добродетельным: все это – видит бог – может быть, очень дурно, – но я стараюсь выполнять во всех моих сочинениях»[34].

Притчевость, образность, иносказательность, присущие речи юродивого, приводят к тому, что пословицы и поговорки как бы растворяются в ней, перестают быть контрастными элементами: «юродивые не изобретают оригинальных принципов кодирования. Будучи плоть от плоти народной культуры, они пользуются теми же приемами, какими пользуется фольклор <…> Из фольклора юродство заимствует и принцип загадки и притчи»[35]. По мнению В.Н. Топорова, «загадка часто не предполагает нахождения ответа со стороны непосвященного, и в таких случаях криптографические задачи важнее коммуникационных. Характерно, что язык загадок во многих традициях резко отличается от языка других фольклорных жанров вообще и в сторону не понятности, в частности»[36]. Как отмечает Мотеюнайте, «образы юродов в русской литературе естественно вписаны в народную среду. Это отражается в текстах по-разному: местом обитания и общением, социальными характеристиками речи, сознания и поведения, местом в композиции персонажей»[37]. «Загадочные речи» в житийной литературе и народных сказках, как известно, служат признаком житейской мудрости.

А. Песков полагает, что Загоскин приводил изречения из Библии по памяти[38]. Свидетельством хорошего знания Священного Писания служат материалы рабочей тетради М. Загоскина, хранящейся в отделе рукописей Российской национальной библиотеки, в которой есть указания самого писателя на источники, откуда им заимствованы изречения[39]. Косвенным подтверждением также может служить письмо А.П. Курбатова М. Загоскину от 13 июня 1830 г., где он просит романиста уточнить цитируемые отрывки из Библии, чтобы облегчить поиск переводчице и найти соответствующие в английской[40]. Воспоминания сына писателя – С.М. Загоскина – существенно дополняют представление о том, насколько хорошо автор «Юрия Милославского» знал Священное Писание: «Молельня его <…> походила на маленькую часовню. Все стены были покрыты образами в ризах и в особых кивотах, перед которыми теплились лампады. В одном углу стоял аналой с Евангелием и крестом и столик с молитвенными книгами»[41].

Введение в речь юродивого пословиц, поговорок, пословичных выражений, притч, объединение двух реально сосуществовавших традиций – древнерусской книжной и народной устной – приводит к тому, что образ получается убедительным, объективно значимым, позволяя романисту достичь подлинной достоверности в соответствии с принципами художественного историзма.

Примечания

1 См., напр.: *Гурин С.* Проблема маргинальности в философской и религиозной антропологии: дис. … д-ра филос. наук. Саратов, 2003. 366 с.; *Иванов С.* Византийское юродство. М., 1994. 236 с.; *Он же*. Блаженные похабы. Культурная история юродства. М., 2005. 448 с.

2 *Мотеюнайте И.* Восприятие юродства русской литературой XIX–XX веков. Псков, 2006. 304 с.

3 *Мотеюнайте И.* Указ. соч. С. 19.

4 *Там же.* С. 123.

5 *Там же.* С. 128–129.

6 Четьи-Минеи – (от греч. «месячный» и старослав. «четьи» – чтения) – сборники оригинальных и переводных памятников, житийных и риторических церковно-учительных слов и других сочинений отцов церкви, предназначавшихся в средневековье для ежедневного «душеполезного» чтения в течение месяца. Большую работу по собиранию «святых книг, которые в Русской земле обретаются», предпринял Новгородский митрополит Макарий (1528–1563). Именно ему принадлежит заслуга составления сводного варианта Четий-Миней – так называемых «Великих Миней-Четий», носящих теперь его имя, в состав которых вошли жития и похвальные слова святым, статьи из многочисленных религиозно-дидактических сочинений. Подробнее см.: *Кирпичников А.* Минеи-Четьи // Христианство: Энциклопедический словарь: в 3 т. / гл. ред. С.С. Аверинцев. М., 1993–1995. Т. 2: Л-С. С. 112.

7 См.: Фонд М.Н. Загоскина (1789–1852) // ОР РНБ. Русские архивные фонды XVIII–XXI веков. Ф. 291. № 105: Письмо М.Н. Макарова к М.Н. Загоскину. [Без даты]. 6 лл.

8 См., напр., упоминание о Николе Салосе: *Карамзин Н.* История государства Российского. СПб., 1821. Т. 9. Гл. 3: Продолжение царствования Иоанна Грозного. 1569–1572. С. 153–154, 571; 1824. Т. 10. Гл. 4: Состояние России в конце XVI века. С. 135, 283–284, 443, 460.

9 *Лихачев Д.*, *Панченко А.*, *Понырко Н.* Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 73.

10 *Иванов С.А.* Византийское юродство. С. 4.

11 Здесь и далее текст романа цитируется по изданию: *Загоскин М.Н.* Соч.: в 2 т. / сост., вступ. ст. и коммент. А. Пескова. М., 1988. Т. 1: Историческая проза. 734 с. (Ссылки приводятся в круглых скобках с указанием страниц).

12 *Лихачев Д.*, *Панченко А.*, *Понырко Н.* Указ. соч. С. 79.

13 Цит. по: *Загоскин М.* Соч.: в 2 т. / сост., коммент. С. Панова, А. Пескова. М., 1988. Т. 2: Комедии. Проза. Стихотворения. Письма. С. 722–723.

14 [*Каракаш Н.*] Юродивые // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1904. Т. XLI: Эрдан-Яйценошение. С. 421. См. также: *Гревс И.* Юродивые // Христианство: Энциклопедический словарь. Т. 3: Т-Я. С. 286–287.

15 *Успенский Г.П.* Опыт повествования о древностях русских: 2-е изд., испр. Харьков, 1818. Ч. 1: О обычаях россиян в частной жизни. Гл. IV: О яствах, напитках и пиршествах. С. 78–79.

16 А.М. Панченко определяет наготу как одну из специфических черт юродства, поскольку голое тело – демонстрация презрения к тленной плоти. Но нагота имеет и скрытый смысл: она вводит в соблазн. Подробнее об этом см.: *Лихачев Д.*, *Панченко А.*, *Понырко Н.* Указ. соч. С. 92–93. «Одевая» юродивого, Загоскин лишает этот образ провоцирующего начала, поскольку Митя для него – носитель высших истин.

17 *Лихачев Д.С.*, *Панченко А.М.*, *Понырко Н.В.* Указ. соч. С. 85. Ср. также: поведение юродивого «в литературных произведениях вряд ли можно охарактеризовать как театрализованное в точном смысле слова. Однако оно, как правило, продумано и не отличается простодушием, сохраняя элемент игры <…> Это поведение, рассчитанное на определенную реакцию» (*Мотеюнайте И.* Указ. соч. С. 131).

18 В романе об этом персонаже говорится, что он служил думным дворянином при царе Феодоре Иоанновиче и «*привык употреблять в разговорах, кстати и некстати, изречения, почерпнутые из церковных книг, буквальное изучение которых было в тогдашнее время признаком отличного воспитания и нередко заменяло ум и даже природные способности, необходимые для государственного человека*» (с. 117).

19 Ср.: Притч. 22:8 – «Сеющий неправду пожнет беду». В связи с этим нельзя не согласиться с А.С. Куриловым, заметившим, что Загоскин «напомнил, что на Руси издавна были в чести благородство, достоинство, нравственная сила, доброе имя, фамильная гордость, твердое, верное слово и неизменные – беззаветность и самоотверженность, если речь заходила о свободе и независимости родины, ее будущем <…> Правящим кругам в первую очередь адресовались слова: “Сеявый злая, пожнет злая”, – ставшие как бы лейтмотивом начала и развязки сюжетных событий романа». Подробнее см.: *Курилов А.* «Услышать уроки истории…» // Полевой Н. Избранная историческая проза / сост., вступ. ст. и коммент. А.С. Курилова. М., 1990. С. 16.

20 Толковая Библия, или Комментарий на все книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета: в 3 т.; 2-е изд. (репринт.). Стокгольм: Ин-т перевода Библии, 1987. Т. I: Бытие – Притчи Соломона. С. 482. Как отмечает А.П. Лопухин, книга Притч Соломона по своему характеру – «поэтически-дидактическая, в поэтической форме излагающая возвышенные религиозно-философские истины с вытекающими из них нравственными положениями <…> Книгу Притч Соломона можно назвать философско-религиозным трактатом, в котором автор излагает добытые разумом и житейским опытом истины в формах дидактическо-поэтической речи, способной производить сильное впечатление на слушателей. Многие изречения этой книги вошли в народное миросозерцание». Подробнее см.: *Лопухин А.* Притчи Соломона // Христианство: Энциклопедический словарь. Т. 2: Л–С. С. 393.

21 *Мотеюнайте И.* Указ. соч. С. 132–133.

22 *Там же.* С. 137.

23 В свое время С.Т. Аксаков упрекнул М. Загоскина в «искажении» пословицы: «*Бедненький ох, а за бедненьким бог;* зачем изменять народную пословицу в народном романе? Надобно сказать: голенький ох, а за голеньким бог!» (*Аксаков С.Т.* «Юрий Милослав-

ский, или Русские в 1612 году: Исторический роман в трех частях». Соч. М.Н. Загоскина // Московский вестник. 1830. № 1. С. 83–84). Можно предположить, что Загоскин намеренно изменил народный афоризм по «этическим» соображениям, поскольку употребление слова «голенький» могло вызвать недвусмысленные ассоциации в отношении фигуры юродивого, чего автор романа допустить не мог.

24 В Энциклопедическом словаре христианства значатся слова «мене, мене, текел, фарес» (см: Христианство: Энциклопедический словарь. Т. 2. С. 101). По поводу лингвистических особенностей перевода указанных слов из Ветхого Завета см.: *Соловейчик И.И.* О значении загадочных слов: мани, текел, фарес в книге Даниила // Журнал министерства народного просвещения. 1904. Ч. CCCLI. Янв. С. 295–357.

25 В толковом словаре В.И. Даля приводится несколько значений этого слова: «ИСПИТОЙ, испить, см. испивать; ИСПИВАТЬ, испить что, пить, выпить – на (у) пиваться допьяна <…> испиваться, испиться, спиваться, пьянствовать без меры, предаться пьянству <…> Испивной или испивочный, к испитию относящ. испитой, малокровный, худосочный, как бы лишившийся крови, истощенный, исхудалый, тощий, изнуренный» (*Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1995. Т. 2: И–О. С. 53). То есть значения слова «испитой» «подтверждают» двусмысленность речей юродивого.

26 В разговоре перед свадьбой дочери волостного дьяка и сына приказчика боярина Кручины холоп Шалонского, Федька Хомяк, рассказывает казаку Кирше о жадности Шалонского, его жестокости: «Нам и от холопей-то его житья нет» (с. 78).

27 Польский воевода, один из инициаторов похода в Россию; после захвата Москвы в 1610 г. стал начальником польского гарнизона.

28 Ср.: «в тебе не достает того, за что можно было бы продлить твое существование». (Христианство: Энциклопедический словарь. Т. 1. С. 101).

29 Гетман литовский, направленный польским королем Сигизмундом III в сентябре 1611 года в Москву на помощь Гонсевскому, осажденному новгородским ополчением.

30 См. примеч. 12 Загоскина к 3-й части романа: «Священник села Кудинова, отец Еремей, лицо не вымышленное, хотя о нем и не упоминается в летописях времени междуцарствия» (с. 285). См. также примеч. А. Пескова: *Загоскин М.* Соч. Т. 1. С. 702.

31 *Лихачев Д.*, *Панченко А.*, *Понырко Н.* Указ. соч. С. 86.

32 *Федотов Г.П.* Святые Древней Руси / предисл. Д.С. Лихачева, А.В. Меня; коммент. С.С. Бычкова. М., 1990. С. 209.

33 Цит. по: *Аксаков С.* Собр. соч.: в 5 т. / под общ. ред. С. Машинского. М., 1966. Т. 4: Статьи и заметки. Избранные стихотворения. Записки об уженье рыбы. С. 171–172.

34 Цит. по: *Загоскин М.* Соч. Т. 2. С. 737.

35 *Лихачев Д.*, *Панченко А.*, *Понырко Н.* Указ. соч. С. 100–101.

36 *Топоров В.* О структуре некоторых архаических текстов, соотносимых с концепцией «мирового дерева» // Труды по знаковым системам. Тарту, 1971. Вып. V (УЗ ТГУ. Вып. 284). С. 37, примеч. 54. – Цит. по: *Успенский Б.* Избранные труды: в 3 т.; 2-е изд., испр. и доп. М., 1996. Т. I: Семиотика истории. Семиотика культуры. С. 473.

37 *Мотеюнайте И.* Указ. соч. С. 147.

38 См. коммент.: *Загоскин М.* Соч. Т. 1. С. 700.

39 Подробнее см.: Фонд М.Н. Загоскина (1789–1852). Ф. 291. Оп. 1. № 27: Записная тетрадь под названием «Альбом с автографами М.Н. Загоскина». 17 сент. 1815 г. – 1842 г. На рус. и франц. яз. Чернилами и карандашом. Л. 42.

40 Фонд М.Н. Загоскина (1789–1852). Ф. 291. Оп. 1. № 100: Письмо А.П. Курбатова к М.Н. Загоскину от 13 июня 1830 г. Л. 1.

41 *Загоскин С.* Из воспоминаний // Загоскин М.Н. Избранное. М., 1988. С. 420.

УДК 821.111(73).09-32+929 [Ирвинг+Бартон]+791.43.05(73)

ОТ РОМАНТИЗМА К ПОСТМОДЕРНИЗМУ: НОВЕЛЛА В. ИРВИНГА «ЛЕГЕНДА О СОННОЙ ЛОЩИНЕ» (1819) И КИНОВЕРСИЯ ТИМА БАРТОНА «СОННАЯ ЛОЩИНА» (1999)

А.А. Петрушина

Саратовский государственный университет
E-mail: seecow@mail.ru

В статье представлен анализ трансформации произведения одного их основоположников американского романтизма в постмодернистское кинополотно. Материалом для анализа стали новелла Ирвинга «Легенда о Сонной Лощине» (1819) и фильм Тима Бартона «Сонная Лощина» (1999).

Ключевые слова: литературное произведение, новелла, кинотекст, писатель, режиссер, романтизм, постмодернизм.

From Romanticism to Postmodernism: W. Irving's Novel «The Legend of the Sleepy Hollow» (1819) and Tim Burton's Film Version «The Sleepy Hollow» (1999)

A.A. Petrushina

The article analyzes the transformation of a literary work by one of the founders of American Romanticism into a post-modernist film canvas. Materials for the analysis are a short story by Washington Irving, «The Legend of Sleepy Hollow» (1819) and a Tim Burton film, «Sleepy Hollow» (1999).

© А.А. Петрушина, 2010

Key words: literary work, short story, movie, writer, film director, Romanticism, Postmodernism.

Как и всякая наука, литература не стоит на месте. Вихрь прогресса меняет не только форму и тематику новых произведений, но и существенно корректирует восприятие современным читателем образцов классической прозы. Эта «корректировка» может давать двоякий эффект. С одной стороны, происходит обесценивание произведений с теперь уже неактуальной проблематикой. Оставаясь в ряду классических, они становятся мертвыми памятниками ушедших эпох, интересными лишь для узкого круга исследователей. С другой стороны, с появлением и развитием кинематографа часть классики получила вторую жизнь.

Хотя традиция превращения литературного сюжета в кинотекст существует давно, она все еще остается дискуссионной. По-разному решается вопрос о необходимости корректной передачи авторского замысла; имеет место несовпадение режиссерского и зрительского восприятия; необходим правильный выбор звукового сопровождения и т.д. В некоторых случаях литературная «экранизация» – острая полемика, иногда – творческий диалог. Ярким примером последнего является предложенная Т. Бартоном киноверсия новеллы В. Ирвинга «Легенда о Сонной Лощине» («The Legend of Sleepy Hollow»)[1]. Произведение основоположника американского романтизма режиссер переводит на язык кино, превращая его в постмодернистское полотно. В кинотексте Бартона присутствует большая часть идей Ирвинга. Однако их трактовка существенно отличается от оригинального варианта

Опираясь на многочисленные легенды и предания, популярные в Америке начала XIX в., Ирвинг предложил читателю незатейливую историю о типичном янки, нелепом и корыстолюбивом, который мечтает женитьбой на богатой наследнице поправить свои отнюдь не блестящие дела. Романтическую линию в новелле составляют многочисленные пейзажные зарисовки, представление особенностей национального характера, элемент мистики (ночные прогулки школьного учителя, сказки старых голландок, появление Всадника без головы и т.д.) и любовные коллизии (борьба за сердце прекрасной девушки двух соперников). Умение автора изящно соединить перечисленные выше компоненты обеспечило новелле большую популярность в XIX в. и место в хрестоматиях века XX, но поистине оглушительную известность она получила после выхода на экраны в 1999 г. фильма Тима Бартона с Джонни Деппом и Кристиной Риччи в главных ролях. Бартон корректирует сюжет и стиль оригинала в ключе главного культурного направления своей эпохи – постмодернизма. По мнению таких исследователей, как Азим Гош, А. Хайсен, Ким Ньюман, Оуэн Гляйберман и другие, из множества компонентов, присущих фильмам постмодерна, в «Сонной Лощине» присутствуют смешение различных стилей, «презентация непрезентабельного», уничтожение границ между прошлым и настоящим, чувство ностальгии, пародия, поппури, вуайеризм, противоречивые женские образы, надежда на лучшее, ироническое осмысление истории, культура симулякра, отсутствие моральной оценки героев, интертекстуальность, фрагментация или мир как хаос, утверждение приоритета «текста» над реальностью, которая уже не отражает данный текст, а непосредственно им творится[2]. Примечательно, что некоторые из перечисленных компонентов как бы заложены еще в ирвинговском тексте. Работая с оригиналом, Бартон трансформирует и развивает его идеи в соответствии с требованиями постмодернизма.

Так, смешение стилей присуще новеллам Ирвинга в целом. По замечанию Ю.В. Ковалёва, «неторопливое абстрактное размышление, характерное для эссе, он смешал с конкретным описанием нравов, присущим очерку, неподвижную картинность пейзажной зарисовки – с динамикой фольклорных легенд, дидактическую однолинейность человеческих типов – с романтической индивидуализацией характера»[3]. Такое нарушение жанровых параметров впоследствии стало основой для формирования классической американской новеллы.

Бартон также постоянно нарушает и разрушает жанровые параметры, сочетая хоррор (появление и действия Всадника без головы), мистический триллер (сверхъестественные силы, направляемые человеком), детектив (заговор, выявление преступника) и сказку (колдуны и ведьмы, волшебные зелья, образ двух сестер и злой мачехи)[4]. Такое сочетание позволяет в избытке показывать нелицеприятные моменты, которые смело можно назвать визитной карточкой данного режиссера (достаточно вспомнить фильмы «Битлджюс», «Труп невесты», «Планета обезьян», «Большая рыба»). В кинотексте «Сонной Лощины» зрителя ждут обезглавленные тела; жук, выползающий из мертвого тела; эксгумация; анатомическое вскрытие; фонтаны крови, брызжущей прямо в лицо, снятые крупным планом, что также является постмодернистской тенденцией (пример – отрезанное ухо с ползающими по нему гигантскими жуками на фоне ярко зеленой травы в классическом «Синем бархате» Дэвида Линча).

Проблема границ очень много значила и для писателя, и для режиссера, различается лишь её трактовка. У Ирвинга на передний план выходят границы территориальные – идея извечного противоборства Новой Англии и центральных штатов Америки, её глубинки, выраженная в конфликте между янки Крейном и коренным соннолощинцем Бромом Бонсом. В кинотексте этот конфликт усугубляется тем, что практичный Крейн с его неверием в сверхъестественное и в Бога вносит резонанс в привычный мир *всех* жителей Сонной Лощины. Кроме того, режиссер не ограничивается

столкновением территорий и добавляет временную путаницу. Границы между прошлым и настоящим размываются словами главного героя: «Мы на пороге нового тысячелетия»[5]. Однако время действия фильма – 1799 год – никак не могло быть таким «порогом». Здесь Бартон подразумевает год 1999 – время выпуска ленты.

Чувство ностальгии, которым проникнута вся новелла Ирвинга, мастерски обыгрывается режиссером за счет усугубления. В оригинальном тексте лирическое настроение достигается красочными пейзажными зарисовками (в кинотексте они «процитированы» потрясающей красоты видеорядом) и противопоставлением характера Крейна общей атмосфере «тихой заводи» Лощины. В киноленте ностальгия сквозит буквально во всем, зрителю отчетливо видна тоска режиссера по тем наивным временам, когда люди чувствовали родство с природой, верили в чудеса и собирались все вместе, чтобы отпраздновать очередной национальный праздник (примечательно, что в качестве такового выступает исконно-американский Хэллоуин).

Элемент иронии, который в избытке присутствует в фильме, идет непосредственно из оригинального текста. Неизменным остается и его объект – Икабод Крейн. У Ирвинга этот персонаж комичен от начала и до конца: его внешность, воспитательные методы (розга только для физически крепких учеников, даже если виноват кто-то другой), способы ухаживания (чтение эпитафий), голос, от которого крестятся даже небоязливые фермеры и начинают выть собаки, несуразные танцы и т.д. Бартоновский Крейн носится со странными и смешными на вид инструментами (пародия на плоды Просвещения), будучи констеблем, он боится трупов, крови, пауков и способен упасть в обморок при встрече с Всадником без головы.

Еще один иронический момент картины, который частично произрастает из текста, существенно трансформировался в соответствии с культурными веяниями нового времени. Столкновение Икабода и Всадника – это не просто «страшилка», но противоборство модернизма и постмодернизма, соответственно. Это конфликт головы и «безголовости», тела без органов против тела с органами, силы ума и физической силы[6].

Удивительно, но даже эротические мотивы Бартон черпает из оригинала. В новелле объект чувственных желаний Икабода – отнюдь не Катрина, а еда. Чувственные описания пищи поистине эротичны: «Его прожорливое воображение рисовало каждого бегающего по двору поросенка не иначе, как с пудингом в брюшке и яблоком в оскаленной пасти; голубей он любовно укладывал в чудесный пирог, прикрыв сверху подрумяненной, хрустящей корочкой; что касается гусей, то они плавали в собственном жиру, тогда как утки, напоминая любящих, только что сочетавшихся в браке молодоженов, нежно прижавшись друг к другу, лежали на блюде, обильно политые луковым соусом. В свиньях он прозревал грудинку – жирную, нежную! – и душистую, тающую во рту ветчину; индейка витала перед его взором, повиснув на вертеле с шейкой под крылом и, быть может, опоясанная связкой восхитительно вкусных сосисок; царственный петушок – золотой гребешок в качестве особого угощения, растянувшись на спинке с задранными вверх коготками, как бы молил о пощаде, просить о которой при жизни ему не дозволял его рыцарский дух»[7].

У Бартона эротические моменты также связаны с Икабодом, но выражены в форме вуайеризма, элемент которого присутствует в кинотексте прямо и косвенно. В первом случае Икабод и зритель видят интимную сцену между хозяйкой дома и ее любовником – местным священником. Во втором – хозяйка рассказывает Крейну о подсмотренной ею любовной встрече ее служанки с одним из отцов города, вновь делая констебля невольным свидетелем столь интимных подробностей.

Все вышеназванные трансформации с оригиналом текста происходят отнюдь не случайно. Ирвинг как бы дает основу для развития его сюжета, чья кажущаяся незатейливость напоминает гениальную простоту произведений Пушкина.

Если говорить об «истинно постмодернистских» компонентах, то в первую очередь необходимо выделить интертекстуальность (визуальное и/или звуковое цитирование других фильмов, сюжетов). В кинотексте «Сонной Лощины» к примерам интертекстуальности можно отнести:

- роль бургомистра в исполнении Кристофера Ли, известного по фильму «Дракула». Бартон считал, что именно Дракула должен был отправить Крейна в Сонную Лощину;
- образ мельницы, с которого начинается и заканчивается действие, как аллюзия на «Дон Кихота» Сервантеса[8];
- отдельные действия Всадника являются отсылками к фильму Д. Камерона «Терминатор II» (1991): появление Всадника из горящей мельницы повторяет выход робота «Т1000» из-под горящего моста, а погоня призрака за каретой идентична преследованию «Т1000» машины с Джоном Коннором;
- сны Икабода о смерти матери в комнате пыток напоминают сцены из фильмов Марио Бава «Маска Сатаны» (1960) и «Колодец и маятник» Роджера Кормана;
- леса, окружающие Сонную Лощину, с их призрачным туманом похожи на леса Трансильвании, изображенные классиком фильмов ужасов Форестом Хаммером, а Древо Смерти словно пришло из ленты «Братство волка» (1984)[9];
- жук в обезглавленном теле старшего Мазбота напоминает куколку бабочки, ставшую визитной карточкой маньяка Буффало Билла в триллере «Молчание ягнят» (1991) режиссера Джонатана Демми;
- изображение пугала с тыквенной головой является литературной и киноцитатой одновременно. Впервые этот образ появляется у Ирвинга и

ассоциируется непосредственно с Икабодом Крейном: «Когда в ветреный день в развевающейся, как парус, одежде он крупными шагами спускался по склону холма, его можно было принять за <….> пугало, сбежавшее с кукурузного поля»[10]. Пугало с тыквенной головой становится главным героем сказки другого классика американского романтизма – Н. Готорна («Хохолок», 1852), а затем успешно переходит в целый ряд произведений американской литературы («Волшебник страны Оз» Л. Боула, «Дети кукурузы» С. Кинга и т.д.). В кино данный образ достигает пика своего развития в ленте «Дети кукурузы» (1984, режиссер Фриц Кирш), снятой по одноименной повести «короля ужасов» Стивена Кинга.

Фрагментация (мир как хаос), еще один характерный признак постмодернизма, достигается совокупностью текстов, которые сами творят реальность и лежат в основе ключевых поворотов сюжета. Так, завещание ван Гаррета, с которого начинается фильм, является своеобразной завязкой и развязкой кинотекста. К неправильным выводам и едва ли не к трагедии приводит Крейна его собственная записная книжка. Жизнь констеблю спасает сборник заклинаний, в котором застревает пуля, а Библия помогает выявить истинные мотивы преступления.

Помимо этих постмодернистских преобразований в кинотексте Бартона радикально меняются облик и характер персонажей новеллы. Если у Ирвинга можно выделить двух главных героев: неказистого учителя Икабода Крейна и отчаянного малого Брома Бонса, то у Бартона круг действующих лиц значительно шире: помимо Крейна и Бонса (роль которого в фильме сведена к минимуму) появляются четко прорисованные (в отличие от ирвинговских) женские персонажи – Катрина, леди ван Тассель, старуха-ведьма; органично входят в сюжет так называемые «отцы города» и т.д. Наиболее существенные трансформации происходят с образом Крейна – Бартон полностью стирает его литературный портрет и рисует новый духовный и физический образ, переворачивая многие перечисленные у Ирвинга моменты с ног на голову. В итоге главный герой из чудаковатого учителя с очень специфической внешностью превращается в серьезного констебля, роль которого исполнил один из главных секс-символов XX–XXI вв. – Джонни Депп. В обоих случаях Крейн – образ двойственный, противоречивый. Амбивалентность его натуры в литературном тексте выражена страстью к мистике, с одной стороны, и крайней расчетливостью, с другой. У Бартона неоднозначность обусловлена происхождением героя. Он – рационалистичный атеист, чья мать была приговорена к смертной казни за колдовство собственным мужем – священником.

Полемика писателя и режиссера прослеживается в отношении прошлого Икабода. У Ирвинга мы знаем только, что учитель – уроженец Нью-Йорка. У Бартона констебль оттуда *прибывает*, но это отнюдь не его родина (религиозная нетерпимость, проявленная к матери Икабода, была свойственна преимущественно Новой Англии). Еще одна особенность киношного Крейна: он – воплощение амбивалентности добра и зла. Отсюда его сходство с Всадником (черты лица, волосы, одежда), а в сцене у Древа Смерти орудующий топором Крейн повторяет действия призрака, и кровь из сучьев брызжет ему в лицо, как кровь из тела жертв.

Женские персонажи Бартона – олицетворение постмодернистских противоречивых образов женщины. Режиссерский диапазон – от жестокого ребенка до благочестивой дочери и инфернальной женщины-вамп. Так, некоторые из упомянутых нами исследователей (Newman, Bernardo) считают, что основной конфликт кинотекста произрастает из неверной оценки роли женщины в мире. Так, в списке подозреваемых нет места женскому полу. Когда же подозрения констебля падают на Катрину, он и не думает привлекать ее к ответственности. В основе такого решения лежит не нежное чувство к девушке, а шовинистская убежденность, что «слабой натурой завладел злой дух. Она не понимает, что делает!»

Женщина как существо сильное, имеющее собственные цели и средства для их достижения, присутствует и в новелле Ирвинга, который называет ее «существом, доставляющим смертным неизмеримо больше хлопот и мучений, нежели духи, привидения и вся порода чародеев вместе взятая»[11]. Однако писатель ограничивает женскую власть врожденной привлекательностью и кокетством. Бартон как будто буквально воспринимает цитату писателя и стремится показать, что дьявольская сущность свойственна женщинам в целом. Даже в образе Катрины сквозят инфернальные ноты, ведь неслучайно режиссер взял на эту роль Кристину Риччи, известную по фильму «Семейка Адамс» (здесь отчасти повторяется ситуация с Дракулой–Ли). Добрый ангел Катрина в «Сонной Лощине» имеет лицо мрачной дочери темных сил. Появление же героини на белой лошади в сумрачных лесах сродни появлению дантовской Беатриче в Чистилище, ведущей своего возлюбленного в Рай (ожившая природа Лощины).

Не меньший интерес вызывает антагонист Катрины – леди ван Тассель. Помимо классического образа злой, но прекрасной мачехи, старающейся погубить свою падчерицу, леди ван Тассель есть абсолютное зло. Примечательно отсутствие у неё имени, она – зло безымянное, всепроникающее, а платье-паутина в заключительных сценах символизирует её паучью сущность. Данным образом Бартон показывает, что нынешний слабый пол стремится к полной материальной и духовной независимости от мужчин. На фоне мрачной Лощины разворачивается настоящая битва полов, и хотя в этой битве отчаянно сражаются преимущественно мужчины, катализатором и основным центром выступает женщина[12].

Отметим, что хотя современное прочтение «Легенды …» и отличается от классического варианта, тем не менее, новелла Ирвинга, при всех режиссерских манипуляциях, сохранила свой «классический» статус, успешно пережив трансформацию романтического жанра в продукт эпохи постмодерна.

Примечания

1 *Irving W.* The Legend of Sleepy Hollow//Tales by Washington Irving. M., 1982.

2 См.: *Connor S.* Postmodernist culture: an introduction to theories of the contemporary. Oxford, 1989; *Huyssen A.* After the Great Divide: modernism, mass culture and postmodernism. Macmillan, 1988; *Ильин И.* Постструктурализм, деконструктивизм, постмодернизм. М., 1996.

3 *Ковалёв Ю.* Волшебный кубок Рипа ван Винкля // Tales by Washington Irving. M., 1982.

4 См.: *Newman K.* The cage of reason // Sight and Sound, 2000.

5 «We are at the dawn of a new millennium».

6 См.: *Gleiberman O.* Dead heads // Entertainment Weekly, 1999.

7 «In his devouring mind's eye he pictured to himself every roasting pig running about with a pudding in his belly, and an apple in his mouth; the pigeons were snugly put to bed in a comfortable pie, and tucked in with a coverlet of crust; the geese were swimming in their own gravy; and the ducks pairing cozily in dishes, like snug married couples, with a decent competency of onion sauce. In the porkers he saw carved out the future sleek side of bacon, and juicy relishing ham; not a turkey but he beheld daintily trussed up, with its gizzard under its wing, and, peradventure, a necklace of savory sausages; and even bright chanticleer himself lay sprawling on his back, in a side dish, with uplifted claws, as if craving that quarter which his chivalrous spirit disdained to ask while living» («The Legend …», p. 74).

8 См.: *Newman K.* Op. cit.

9 См.: *Gleiberman O.* Op. cit.

10 «To see him striding along the profile of a hill on a windy day, with his clothes bagging and fluttering about him, one might have mistaken him for <…> some scarecrow eloped from a corn-field» («The Legend …», p. 67).

11 «… a being that causes more perplexity to mortal man than ghosts, goblins, and the whole race of witches put together, and that was a woman» («The Legend …», p. 72).

12 См.: *Bernardo S.* The bloody battle of sexes in Tim Burton's Sleepy Hollow // Literature Film Quarterly, 2003.

УДК 821.112.2.09-31+929 Андреас-Саломе

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ПОВЕСТИ «РОДИНКА» ЛУ АНДРЕАС-САЛОМЕ

Ю.А. Романова

Саратовский государственный университет
E-mail: kamille.ru@mail.ru

На материале повести «Родинка» (1923) немецкоязычной писательницы русского происхождения Лу Андреас-Саломе рассматриваются дифференцирующие признаки и уровни национальной идентичности, традиционные художественные средства, используемые для создания русской национальной идентичности. Привлекаются теоретические работы современных исследователей проблемы идентичности.

Ключевые слова: Лу Андреас-Саломе, конструкция национальной идентичности в литературе, образ России на Западе.

National Identity in the Short Novel «Birthmark» by Lou Andreas-Salome

Yu.A. Romanova

Based on the material of the story «Birthmark» (1923) by Lou Andreas-Salome, a prominent German author of Russian descent, the paper considers differentiating attributes and levels of national identity. The paper draws on the contemporary researchers' theoretical works on national identity.

Key words: Lou Andreas-Salome, construction of national identity, image of Russia in the West.

Литературоведение XXI в. все чаще исследует с позиций национальной идентичности не только современную литературу, но и художественные произведения прошлого. Этот подход позволяет в традиционных художественных средствах увидеть новые смыслы, «способствует более глубокому и тонкому пониманию литературного произведения и всех его составляющих: идейной насыщенности, художественного мира, его элементов: системы персонажей, образов главных героев, художественной детали[1]. Повесть «Родинка. Воспоминания о России» («Rodinka: Russische Erinnerung», 1923) немецкоязычной писательницы Лу Андреас-Саломе (1861–1937), написанная от лица немки, тесно связанной с Россией, дает богатый материал для исследования категории национальной идентичности и ее отражения в литературе.

Из множества существующих определений национальной идентичности мы отдаём предпочтение определению Энтони Смита, одного из ведущих современных теоретиков нации: национальная идентичность – это «поддержание

© Ю.А. Романова, 2010

и постоянное воспроизводство определенного склада, набора ценностей, символов, воспоминаний, мифов и традиций, которые составляют отличительное культурное наследие нации, а также идентификацию отдельных индивидуумов с этим отличительным наследием, набором ценностей, символов, воспоминаний, мифов и традиций»[2]. В качестве дифференцирующих признаков национальной идентичности выделим язык, конфессиональные особенности народа, территорию, историю и память этноса, мифы об общих предках, ценности, нормы, народное и профессиональное искусство. В работе будут последовательно рассмотрены эти признаки, точнее, их конструирование в «Родинке» для создания образа России и русского народа.

«Со времени немецких романтиков язык использовался в качестве главного культурного критерия, при помощи которого разграничивались человеческие коллективы»[3], то есть язык являлся и является «одним из главных признаков различения “своего” и “чужого”»[4].

Лу Андреас-Саломе, которая родилась и достигла совершеннолетия в России, всю остальную жизнь провела в немецкоязычных странах – Германии, Австрии, Швейцарии. Свои художественные произведения она писала на немецком языке. «Не могу вспомнить, на каком языке мы начали говорить; русский, на котором изъяснялось преимущественно простонародье, должно быть, сразу же уступил место немецкому и французскому», – вспоминает писательница в мемуарах «Прожитое и пережитое. Родинка»[5]. Несмотря на тщательное штудирование русского языка и литературы в 1898–1899 гг., предшествовавшее двум поездкам по России в 1899 и 1900 гг., повесть «Родинка», в основном созданная по возвращении из второго путешествия, также написана на немецком. То есть «Родинка» ориентирована на западного читателя, воспринимающего Россию и русских в стереотипах, сложившихся к тому времени в странах Западной Европы.

Через повествовательницу Марго, персонаж во многом автобиографический, наделённый чертами самой Лу, писательница передаёт своё восхищение русским языком, его теплотой и музыкальностью: *Русские всё ещё относятся к языку самозабвенно, как к вечно новому переживанию, как к дарованному им чуду, которое они не устают испытывать; словно в криках животных или шуме деревьев они зачарованно воспринимают в нём проявление своего неясного внутреннего мира. А язык, будто радуясь тому, что его каждый раз открывают заново, одаряет людей своим неисчерпаемым музыкальным богатством, способным выразить не только то, что не может сложиться в разумное слово и остаётся нежным детским лепетом, но и удивительное душевное глубокомыслие, которое нельзя выразить языком современным, которому дано проявить себя только в словах очень древних и мудрых, подобных тем, какими говорил юный Иисус с учёными-книжниками* (с. 257).

Чудесная детскость, древняя мудрость, сопричастность, «неясность внутреннего мира», то есть отсутствие рациональной расчлененности, – эти характеристики языка распространятся в повести и на русский национальный характер. В повести множество русскоязычных вкраплений, это, прежде всего, различные российские реалии, связанные с православием и бытом русского крестьянина: иконостас, самовар, лапти, баня и т.д.

Через язык мы подошли к наиболее важной для конструирования национальной идентичности паре «свой/чужой», которой в своих работах уделяли внимание многие западные и российские учёные: норвежский политолог И. Нойман[6], американский ориенталист Э. Саид[7], известный русский литературовед М.М. Бахтин[8], современные филологи[9], философы[10] и др.

Концепция «Другой», как пишет Л.Н. Гумилёв, применялась ещё в Древней Греции: «есть эллины –“мы” и есть “варвары” – все остальные; “мы” и “не мы”, свои и чужие»[11]. Концепция «Другого» стала популярной после трудов Э. Левинаса. «“Другой” в терминологии Левинаса – значимый чужой, чьё присутствие и реакция необходимы для самоопределения личности. Мы видим себя только в зеркале “другого”, иного способа познать себя не существует»[12].

Так как в повести «Родинка» рассказ ведётся от лица немки Марго, то «значимым чужим» для неё становится русский человек. Идеалом такого русского человека является для рассказчицы хозяин поместья Родинка Ярославской губернии – Виталий Волуев.

Образ Виталия раскрывается в повести постепенно: сначала мы видим его мальчиком в доме дедушки Марго, спустя годы – страстным юношей, увлекающимся идеями народничества, затем – хозяином Родинки, главой семьи. Посмотрим, как формируется образ центрального персонажа повести, олицетворяющего русскость.

Маленькая Марго (Муся) в мальчике Виталии сразу же замечает необычные черты – недетскую серьёзность, тёплое отношение к младшей сестре, что сразу располагает к нему девочку. Но уже тогда прорываются в словах Виталия его непростые отношения с матерью, которые, как мы увидим дальше, пройдут через всю повесть. Ирина Николаевна, потеряв мужа, берётся сама за воспитание детей и держит сыновей в «ежовых рукавицах». В её образе наличествуют типичные для деспотичной матери черты. Но неоднозначность образа матери Виталия состоит в религиозной подоплёке, о чем подробней позже.

С детства Виталий борется за свою самостоятельность, но борьба идёт с переменным успехом. В отрочестве он сбегает из дома, и его силой возвращают в Родинку. Позже он уходит на войну с Турцией: *Похоже, этому предшествовали сцены между сыном и матерью, которые и под-*

толкнули его к этому отчаянному бегству: его можно было рассматривать почти как бегство в смерть (с. 211).

Раненный в бою на перевале Шипка осколком гранаты, Виталий для Марго и её братьев становится героем, русским богатырём, спасшим родину от врага: *Виталий до такой степени превратился для нас в героя из легенды, что весть о нём мы восприняли как весть о самой России. Он стал символом победы* (с. 212).

Война лишила Виталия правой руки, но добавила ему маскулинности. Серьёзный не по возрасту, он принялся за учёбу, навёрстывал упущенное. Распространившиеся в кругах интеллигенции идеи захватили его, он увлёкся народничеством: *нужным народу делом, требовавшим мужества и чреватым тяжелейшими последствиями* (с. 217).

Научными амбициями он жертвует ради просвещения народа. Здесь мы сталкиваемся с таким качеством русского человека, как жертвенность. Виталий, как и остальные русские герои повести, постоянно жертвует своими интересами: ради идеи, благополучия семьи, безопасности близких. Его внешний вид свидетельствует о полной самоотдаче движению: *одежда его износилась, он похудел и вытянулся. Он перестал брить пробивающуюся бородку, волосы на его голове росли, как им вздумается, глаза порой были отсутствующие, с покрасневшими веками* (с. 222).

Христианские корни жертвенности Виталия выражены в словах, которые он произносит в пещерах Киевской Лавры: *только тот может творить адское, кто прежде сотворил самое благочестивое: перечеркнул себя* (с. 253).

Но Виталий видит также обратную сторону жертвенности: *опасность подмены жертвенности довольством собой* (с. 386) и старается её избегать.

Читатель по-настоящему узнает Виталия во время их совместной с Мусей поездки в Киев, накануне ее отъезда в Германию. Посещение Софийского собора не произвело впечатления на русскую немку: *ничто не говорило ни моему сердцу, ни уму, не возникало чувства единения* (с. 238).

На Виталия, напротив, фреска Знаменской Богоматери производит неизгладимое впечатление: *Бесконечно долго стоял перед ней Виталий. Неужели её образ так взволновал его? Когда я вопросительно заглянула ему в лицо, то увидела чем-то сильно смущённого мальчика. Я едва удержалась от смеха. У него был такой вид, словно он извинялся перед безмерно величественной Знаменской за то, что не знает, как вести себя перед ней. С удручённым видом он неотрывно смотрел на неё и беспомощно мял в руках кепку* (с. 239). Что увидел Виталий в образе Знаменской: свою мать или святую Русь?

Возможно, впечатление от созерцания Богоматери облегчило ему возвращение в Родинку, когда спустя какое-то время оттуда пришла весть о том, что его брат Димитрий оставил свою жену, детей и мать ради другой женщины. Здесь, в Родинке, Виталий становится всем для её обитателей – как для семьи, так и для крестьян. Он живёт простой жизнью, носит крестьянскую одежду, работает в поле наравне с мужиками, лечит больных деревенских крестьян. Кроме того, он помогает жене Димитрия Татьяне воспитывать сыновей, вести хозяйство в поместье Красавица, открыть там школу кружевниц.

Оппозиция «свой/чужой» находит воплощение в других персонажах. В повести мы замечаем разделение героев «на два лагеря», где каждый изначально ощущает свою русскость/немецкость: *Хотя мы с детства говорили по-русски, Борис носил русское имя, а я уменьшительно-ласкательное, без которого в этой стране не обходится почти никто, мы никогда не забывали, что наша родина находится далеко отсюда, в Южной Германии…* (с. 214).

Также и Виталий в разговоре с братьями Марго провидит чёткое разграничение «мы – русские», имея в виду себя и Надю, девушку, посвятившую свою жизнь обучению крестьян грамоте, в противоположность семье Марго. И Мусю он ласково называем «моя маленькая немочка».

Мы рассмотрели, как воплощается национальная идентичность на индивидуальном уровне. Но «этническая характеристика лучше воспринимается и улавливается в больших массах, нежели в единичных случаях»[13]. Обратимся теперь к уровню коллективному. Чтобы познать себя, нужен другой или множество других. «И на индивидуальном, и на коллективном, и на национальном уровне своё не мыслится без другого, чужого; идентичность не строится без оглядки на альтеричность»[14]. На коллективном уровне, говоря словами Г.Д. Гачева, «национальное самопознание неотделимо от работы познавания других народов»[15].

На коллективном уровне в повести создаётся образ русского народа. Образ народа в тексте повести складывается из отдельных черт, присущих обитателям Родинки: как крестьянам, так и владельцам поместья.

Повествовательница проявляет интерес к жизни крестьян, который лежит где-то на полпути между духом западной филантропии и русским народничеством. Ее впечатления о деревенских жителях, о быте русского крестьянства пропущены сквозь призму красоты окружающей русской природы, поэзии труда, заботы Виталия о крестьянах. В целом повесть создает образ крестьянства как большой традиционной семьи, патриархального мира, где все доброжелательны друг к другу, сильны и талантливы. Мусю привозит в поместье кучер Тимофей, воплощение любви к природе и животным: он заботится о лошадях, как о детях, а кнут, которым он должен их погонять, выглядит в его руках лишней деталью. С Виталием повествовательница посещает избу крестьянки Добреевой, демонстрирующей

традиционное гостеприимство, угощая Мусю молоком: – *А не хочешь ли ты молочка, добрая душа? – спросила Добреева, взглянув на меня светлыми глазами. – Сделай одолжение: поешь и выпей! Я и хлебца желудёвого испеку, чтоб ты не ушла от нас голодной* (с. 305).

Сила и доброта русского мужика воплощена в образах Егора и Глеба. Виталий меряется силой с Глебом, и тот одерживает победу. И Глеб, и Егор легко справляются с любой тяжёлой работой, но сила их превращается в любовь, когда они видят детей: *Когда он* [Глеб] *едет по деревне, дети бегут за ним, он сажает их на телегу и нежно смеётся, этот богатырь…*(с. 295).

Крестьянину Захару «от бога» дан дар сочинять песни, за что жители деревни освобождают его от работы; его песни помогают им быстрее справляться с работой и развлекают в час отдыха. Русский народ умеет быть благодарным.

Важную роль на коллективном уровне играет противопоставление России и Запада. В «Родинке» это противопоставление определяет повествовательную перспективу, прямо выражается на уровне героев и, что важно отметить, на пространственном уровне. Запад в тексте – это не только Германия и Западная Европа, которые почти не описываются прямо; внутри русского пространства Запад представлен столицей, Петербургом. Андреас-Саломе как будто воспроизводит аргументы славянофилов, которые стали к исходу XIX в. общим местом в отношении русской культуры к Петербургу. Веса этим аргументам добавляет то, что в повести они вложены в уста авторитетнейшего персонажа, любимого отца Муси: *И вообще: что это за город, Господи, – всё чаще говорил отец. – Второпях воздвигнутый там, где уже не было сельской местности, он, кажется, убегает от села и забывает о том, что было до него; он всё время как бы начинается сызнова, не помня предпосылок, не зная прошлого. Откуда же тут взяться будущему или хотя бы настоящему* (с. 215).

Настоящая Россия – это деревня, то есть Родинка. И здесь следует сказать о смысле заглавия произведения. Название повести Rodinka – это не только название имения, но оно образовано от слова Родина с добавлением уменьшительного суффикса -ка. То есть Родинка – это малая родина, родной кусочек русской земли.

Второй дифференцирующий признак национальной идентичности – конфессия. Религия – духовная основа каждой нации, часть её культуры, хранительница нравственных ценностей, которые отражаются в каждой национальной литературе. В повести Муся так описывает конфессиональную пестроту самого космополитичного русского города, Петербурга: *Мы, таким образом, в первую очередь ощущали свою связь с остальными иностранцами, которых было немало, – даже непредвиденные браки с «настоящими русскими» случались реже, чем такие же между собой. Немцев, французов, англичан, голландцев, шведов отделяли от русских и тесно сплачивали между собой их церкви; евангелические церкви, куда ходило большинство, и школы при них – несмотря на неимоверную разбросанность общин по огромному городу – были своего рода центрами, куда, как на родине, словно стекались улицы, на которых жили иностранцы* (с. 214).

В восприятии повествовательницы вероисповедание играет главенствующую для самоопределения личности роль. «Русскость» невозможно изобразить, не затрагивая православие.

По мнению О. Рябова, символом «Русской земли» является «православная вера и такие её атрибуты, как святые иконы, церкви, монастыри»[16]. Эти атрибуты мы находим в повести «Родинка»: посещение главными героями Софийского собора в Киеве, фреска Богоматери Знамение, иконы в деревенских избах Родинки, рассуждения крестьян о Боге и т.д.

Говоря о православной религиозности в повести «Родинка», нельзя не остановиться на образе Ирины Николаевны Валуевой, деспотичной матери Виталия. При первом же её появлении в доме дедушки Марго замечается её русская религиозность: *Она говорила не переставая, задавала вопросы, смеялась, перекрестила нас, изумлённых детей, и наконец села…* (с. 203).

Даже в портрете мадам Валуевой есть прямая отсылка к ее «святости»: *Мы нашли, что она удивительно красива, особенно её лицо, обрамлённое волнистыми пепельными волосами, которые напоминали большое облако или ореол святости, благодаря чему голову её как бы окружало сплошное сияние* (с. 203).

В создании образа религиозной Бабушки, как называют Ирину Николаевну её близкие во второй части повести, активно участвуют символы-атрибуты православной веры: старинный серебряный крест на груди, потемневший образок в окладе из гнутой жести и т.д. Бабушка много молится (*То, что в молитве, важнее того, что в жизни. Жизнь должна следовать молитве* с. 267), читает домашним жития святых, собирает небольшой церковный хор в молельне по утрам, когда Виталия нет дома.

Но религиозность Бабушки парадоксально сочетает следование всем православным обрядам с чертами язычества: *Ирина Николаевна уже возлагала руки, да не помогло! – нерешительно пробормотала больная. Виталий прикусил губу. Бабушкина конкуренция! Если уж ей что-то не удаётся, то другим и подавно не удастся, считают люди. Они смотрят на неё с такой же верой, как когда-то их предки смотрели на языческих колдунов. Подобно старой шаманке ходит наша бабушка по деревням. Её личность, её несокрушимая уверенность в себе творят чудеса и нередко оказывают действенную помощь…* (с. 304).

Её вера переплетается с суеверием: она не только молится за возвращение домой сына Ди-

митрия, но гадает на него на картах. О том, что Бабушка воспринимает жизнь скорее анималистически, ясно говорит история о трёх берёзах: *Бабушка показала тростью на сломанную берёзу: Это Сергей, мой муж, а дерево-близнец – это я. Когда он умер, как раз взошла эта берёзка за скамейкой: Евдоксия* [ее младшая дочь]. *Растущая над ней берёза-близнец легко могла её задавить, когда придёт и её пора… Поэтому я распорядилась, чтобы Евдоксию выкопали и пересадили в Архангельскую губернию – в качестве жены князя Светослава Давидовича Полевого* (с. 289).

Бабушка много говорит о христианских добродетелях, отсутствующих у ее близких, но ведёт непрекращающуюся борьбу с Виталием, ставка в которой – его свобода, с другими членами семьи, которые дерзают оспорить ее власть. Самой ей явно не хватает смирения, она в гордыне посягает на роль самого Бога: *Теперь мне приходится без посредников сообщать Виталию то, что велит Господь. Не ради себя я так поступаю! Я заранее прощаю ему всё, что бы он ни сделал! Как он может быть виноватым передо мной, перед матерью, родившей его? Нет, он должен повиноваться непреложным божьим заповедям. Только так я сломаю его непоколебимое своеволие. Я уже ставила его на колени, прижимала лбом к полу, но он вырвался из рук домашнего учителя… Говорите, надо поменять духовного учителя? Нет, зачем же? Когда я нашла такого, который следует всем моим указаниям… я хотела сказать, указаниям Божьим* (с. 204).

Приравнивание себя к Богу, а не к Богоматери, выступает как приписывание себе мужественности. Уже в образе Бабушки православие переплетается с темой семейного деспотизма; православие же в русском народе в повести связывается с его патриархальным почитанием власти, которая вся «от Бога»: *Что же это за власть такая проклятая, которая не от Бога? – спросила Макарова с независимым видом. Она выпрямилась в маленьком оконном проёме, невольно приняв позу королевы, достоинство которой задето. Она вся собралась, так как увидела: я плохо воспитана. – Знай, матушка: без Бога нет уважения. В каждом, кто наделён властью и авторитетом, почитают одного только Бога. Они всё получили от Бога и должны возвратить ему, покидая этот мир. Да и кто не устыдится желания быть выше своих братьев?* (с. 308).

Писательница таким образом корректирует сложившийся в Западной Европе благодаря путевой прозе А. фон Коцебу, А. де Кюстина, А. Дюма, Т. Готье стереотип о такой характерной черте русского народа, как рабство. Русский человек, по ее мнению, видит в царе не силу, а Батюшку, отца, исполняющего Божью волю.

Третий из указанных нами дифференцирующих признаков национальной идентичности – территория проживания нации, или, в терминологии Г.Д. Гачева, Космос или тип местной природы. По мнению этого учёного, природой, с которой связана та или иная нация, обусловлены её характер, мировоззрение и даже логика: «в ядре своём каждый народ остаётся самим собой до тех пор, пока сохраняются особенный климат, времена года, пейзаж, пища, этнический тип, язык и прочее, ибо они непрерывно питают и воспроизводят национальные склады бытия и мышления»[17]. Гачев вводит также новый термин «Природина», составленный из слов природа и родина. То есть национальная территория, природа являются для человека – носителя определённой национальной идентичности – родиной. С территорией и природой связываются патриотические чувства. «Есть, есть соответствие, убеждён Бердяев, между географией русской земли и географией русской души: устремлены в бесконечность русские равнины – устремлена в бесконечность русская душа»[18].

Типичное для европейцев восприятие России как страны бескрайних просторов выражается в тексте повести в следующих описаниях: *Теперь же она* [Россия] *раскинулась вокруг меня во всей своей шири: сколько бы ты ни мерил её шагами, сколько бы ни шёл и шёл по ней, выйти за её пределы невозможно, тебя словно обнимает беспредельность, ты словно попал в объятия широко раскрытых, так до конца и не отпускающих тебя, снова и снова простирающихся от горизонта к горизонту рук, – ты постоянно как бы в начале пути и в то же время целиком в её власти* (с. 384–385).

Ещё один западный стереотип, который воспроизводит писательница, – морозная русская зима, замораживающая не только природу, но и душу: *Тяжёлым серым грузом давила на нас всех зима 1879–1880 годов. Путешествующие иностранцы могли бы подумать, что город на Неве уснул на своей скованной льдом реке. Казалось, ещё пустее и длиннее стали прямые улицы, равнодушно проходили, не глядя друг на друга, люди, словно какая-то тупая окоченелость мешала любому проявлению жизни* (с. 213).

Но отмеченная выше тенденция к идеализации всего русского заставляет автора дать суммарный возвышенный образ России как «святой земли», страны церквей и колокольного звона, и слова поэта-Димитрия о русской природе символизируют духовную красоту и оптимистические надежды на будущее России: *Прекраснее моей родины нет ничего на свете, – искренне заверил меня Димитрий. – Наши леса, дали, над которыми осенью поднимаются туманы… деревеньки, толпящиеся вокруг церквей, как цыплята вокруг наседки… колокольный перезвон весной, поздней, но всё же неожиданно нагрянувшей… сама весна, всё покрывающая цветами, всё превозмогающая, сколько бы ни держалась зима… блуждаешь среди этого цветения и не знаешь, откуда доносится звон, не знаешь, где конец этой святости… нигде, нет конца… нет предела* (с. 210).

Четвертым фактором формирования национальной идентичности является история нации. Время действия повести «Родинка» охватывает 1870–1900-е гг. Турецко-русская война 1877–1878 гг., движение народников, терроризм, убийство Александра II, бедность крестьянства, отток народа из деревень в города, недовольство «образованных» рабочих своим положением – исторический фон, который служит для формирования «духа эпохи» в повести. О важности национальной истории в России XIX в. больше всего говорили славянофилы – то течение, с которым писательница связывает образы Виталия и Димитрия Валуевых.

«Всё русское народничество вышло из жалости и сострадания. Кающиеся дворяне в 70-е годы отказывались от своих привилегий и шли в народ, чтобы ему служить и с ним слиться», – говорит Н. Бердяев[19]. Таков Виталий Валуев в первой части повести: он уходит из семьи, жертвует своими научными интересами народническому движению. «Славянофилы были у нас первыми народниками, но народниками на религиозной почве»[20]. Виталий – именно народник, в повести есть многочисленные намеки на то, что деятельность Виталия носит политически оппозиционный, подпольный характер, например, в словах Марго: *Ведь когда-то «любовь к народу» означала для тебя, что все средства хороши, даже дьявольские* (с. 345).

Достоверность историко-политического фона повести определяет ее финал. Виталий уходит из поместья, чтобы уберечь семью от преследований власти*: Моё присутствие здесь представляет большую опасность для всего дома… Даже если бы сейчас и не были обнаружены тайные типографии… Петля все равно затягивается… Я давно знаю: когда-нибудь это должно случиться…* (с. 407).

Виталий в первой части повести много дискутирует с братьями Марго, Борисом и Михаэлем. В этих спорах рождается их понимание разности двух культур. Муся и её братья – рациональные европейцы: *Да, проклятая отсталость! – зевая, заметил Борис. – Милая святая Русь всё ещё остаётся Азией, она умеет только молиться, а не думать. Этой мелочи можем научить её только мы – мы, то есть Европа* (с. 219).

В противоположность им Виталий против принудительного просвещения: *Сюда наука приходит вдруг, с уже давно готовыми результатами, а не вызревает здесь постепенно – нет, её бросают на нашу почву, как бомбу, готовую взорваться! Внезапное откровение, болезненное, как рана! Пойми же, что живое, единственно своеобразное тут – именно то, о чём так по-детски написал этот рабочий…* (с. 219).

Позже Н. Бердяев так суммирует воззрения славянофилов: «Целостность и органичность России славянофилы противополагают раздвоенности и рассечённости Западной Европы. Они борются с западным рационализмом, в котором видят источник всех зол. Этот рационализм они возводят к католической схоластике. На Западе все механизировано и рационализировано. Рационалистическому рассечению противополагается целостная жизнь духа»[21]. Так и Андреас-Саломе в славянофильском духе противопоставляет русскую душу западной бездуховной рациональности.

Образ брата Виталия, Димитрия, иллюстрирует не жертвенное народничество, не политическую борьбу, а скорее ту восходящую к славянофильству позу, о которой Бердяев писал: «По быту своему славянофилы оставались типичными русскими барами. Но, видя правду в простом народе, в крестьянстве, они пытались подражать народному быту. Это наивно выражалось в якобы народной русской одежде, которую они пробовали носить»[22]. Обратимся к описанию в повести костюма Димитрия: *Едва сбросив шубу и оставшись в шароварах из чёрного бархата и высоких сапогах, прекрасный, как юный бог, он сразу произвёл фурор. Все закричали, перебивая друг друга: «Он похож на крестьянина!» – «Нет, на князя!» – «Нет, он словно явился из театра!»* Сам Димитрий сказал: *Откуда вам знать в этой унылой городской дыре, что значит настоящий русский костюм?* (с. 225).

Это показное, театральное народничество персонажа является частью характеристики Димитрия как человека нравственно более слабого, чем его брат Виталий.

Ценности и нормы, сформировавшиеся в процессе развития этноса, закреплены в обычаях, традициях и ритуалах, повседневных привычках, национальных праздниках, а также в символах. «Женская проза» Саломе внимательна к интерьерам, деталям внутреннего убранства помещичьих домов и крестьянских изб; она объясняет своим немецким читателям, что самый главный религиозный праздник в России – Пасха, описывает традиционную русскую пасхальную детскую игру, в которую Муся играет с братьями, обычай «христосования» и пр. Национальные черты проявляются в типичном поведении русских персонажей или стилизации под такое поведение: *Троекратный поцелуй, папа! Нет, по русскому обычаю* (с. 230).

Русский интертекст повести состоит в отсылках к именам классиков русской литературы («небо Пушкина и Гоголя»), в аллюзиях к русской культуре. Например, девичья фамилия Бабушки – Ленская, что отсылает нас к «Евгению Онегину». Имя её – Ирина – произносится её отцом по-французски – Ирен, а мужем – на русский манер – Аринушка. Аллюзией на Пушкина является имя жены Димитрия – Татьяны. А образ Татьяны в целом имеет некоторое сходство с чертами Наташи Ростовой. К нелитературной знаменитости отсылает нас фамилия Валуев – такой фамилией обладал министр внутренних дел России в 1860-х гг. П. Валуев[23]. Есть и другие «говорящие»

имена: фамилия мужа Евдоксии – Полевой, само название поместья – Родинка.

Таким образом, Лу Андреас-Саломе в повести «Родинка» конструирует из имевшихся у нее сведений и впечатлений о русском языке, религии, культуре, быте, о русской общественной жизни и русской классической литературе идеализированный образ православной России. Носителем национальных качеств в повести является русский дворянин. В нём сконцентрированы качества русского народа: доброта, отзывчивость, пытливость ума, стремление служить другим, вера в избранность своей страны. Главным же качеством русского человека является, по мнению писательницы, жертвенность.

Лу Андреас-Саломе посвятила эту повесть Анне Фрейд. В посвящении она написала: «это рассказ о том, что я любила больше всего»[24], а в воспоминаниях добавила: *...я выплеснула свою тоску по России... мне очень хотелось, чтобы эту повесть прочитали*...(с. 155).

Примечание

1 *Попова М.* Проблема национальной идентичности и литература // Вестник ВГУ. Серия 1. Гуманитарные науки. № 2. Воронеж, 2001. С. 48.

2 *Smith A.* National Identities: Modern and Medieval // Concepts of National Identity in the Middle Ages. Ed. by Simon Forde, Lesley Johnson and Alan V. Murrey. Seeds Texts and Monographs. New series 14, 1995. Цит. по: *Осмонова Н.* Культурные основания мифа как фактора национальной идентификации // Кантовские чтения в КРСУ (22 апреля 2004 г.): Общечеловеческое и национальное в философии: II Международная научно-практическая конференция КРСУ (27–28 мая 2004 г.). Материалы выступлений. Бишкек, 2004. С. 161.

3 *Нойманн И.* Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2004, С. 162. (В дальнейшем цитаты приводятся по данному изданию.)

4 *Попова М.* Указ. соч. С. 66.

5 *Андреас-Саломе Л.* Прожитое и пережитое. Родинка. М., 2002. С. 60. (В дальнейшем цитаты приводятся по данному изданию с указанием страниц в тексте.)

6 «Конструирование идентичности включает в себя не только определение того, кем некто является, но и того, кем он не является. Групповая идентичность не может быть понята без “Другого”, от которого отличается “Я”» (*Нойманн И.* Указ. соч. С. 199).

7 «Конструирование идентичности – поскольку идентичность Востока, Запада, Франции или Британии, будучи вместилищем определенного коллективного опыта, является в конце концов именно конструкцией, – предполагает нахождение противоположного, “Другого”, чья действительность является предметом постоянной интерпретации с точки зрения его отличия от “нас”. Каждая эпоха и общество воссоздают своих “Других”. Собственная идентичность или идентичность “Другого” – вовсе не есть нечто статичное, но скорее, исторический, социальный, интеллектуальный и политический процесс – это соревнование, затрагивающее людей, институты всех без исключения обществ» (*Саид Э.* Ориентализм: Западные концепции Востока. СПб., 2006. С. 513).

8 «Чужая культура, – писал он, – только в глазах другой культуры раскрывается полнее и глубже… один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом: между ними начинается как бы диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур. Мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она сама себе не ставила, мы ищем в ней ответа на эти наши вопросы, новые смысловые глубины. Без этих вопросов нельзя творчески понять ничего другого и чужого… При такой диалогической встрече культур они не сливаются и не смешиваются, каждая из них сохраняет своё единство и открытую целостность, но они взаимообогащаются» (Цит. по: *Хайруллин Л.* Этническая идентичность современного подростка // Проблемы идентичности: человек и общество на пороге третьего тысячелетия. М., 2003. С. 54).

9 «“Загадочная” национальная специфика (вспомним Киплинга: “Запад есть Запад, Восток есть Восток…”) возникает тогда (и только тогда), когда мы начинаем сравнивать хотя бы два разных народа. И лишь то, что при этом сравнении не совпадает, – в искусстве, языке, быте, психологии, поведении, внешности и т.п., – как раз и называется “национальной спецификой”» (Художественная жизнь современного общества: в 4 т. Т. 1: Субкультуры и этносы в художественной жизни. СПб., 1996. С. 38).

10 «Идентичность – это всегда дистанцирование от других; идентификация невозможна без сравнения, взаимодействия» (*Рябов О.* «Матушка-Русь»: Опыт гендерного анализа поисков национальной идентичности России в отечественной и западной историософии. М., 2001. С. 34. В дальнейшем цитаты приводятся по данному изданию).

11 *Гумилёв Л.* Конец и вновь начало. М.; Тверь, 2007. С. 44.

12 *Кабанова И.* Джулиан Барнс в поиске национальной идентичности // Проблемы идентичности в современном мире: межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2007. С. 168.

13 *Гумилёв Л.* Указ. соч. С. 36.

14 *Шоре Э.* Чужой мужчина: дискурс об идентичности и альтеричности в произведениях Надежды Дуровой и Елены Ганн // Женский вызов: русские писательницы XIX – начала XX века. Тверь, 2006. С. 204.

15 *Гачев Г.* Космо-Психо-Логос: Национальные образы мира. М., 2007. С. 10.

16 *Рябов О.* Указ. соч. С. 102.

17 *Гачев Г.* Указ. соч. С. 22.

18 *Ермичёв А.* Апология русскости // Бердяев Н. Русская идея. СПб., 2008. С. 17.

19 *Бердяев Н.* Русская идея. С. 121–122.

20 Там же. С. 70.

21 Там же.С. 71.

22 Там же. С. 138.

23 Фамилия главного героя повести пишется в оригинале произведения – Wolujew, в переводе В. Седельника –

Волуев. Но, по нашему мнению, фамилию для своего героя Лу Андреас-Саломе позаимствовала у бывшего в 1860-е годы министром внутренних дел, да и затем занимавшего видные посты Петра Александровича Валуева.

[24] «An Anna Freud, ihr zu erzählen von dem, was ich am tiefsten geliebt habe» (*Andreas-Salome L.* Rodinka: Russische Erinnerung / Mit einem Nachwort von Jutta Prasse. Frankfurt/M-Berlin, 1985, S. 5).

УДК 821.161.–32.09+929 Гиппиус

ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ФУНКЦИЯ ЗАПАХА В ПОЭТИКЕ РАССКАЗОВ З. ГИППИУС («ЯБЛОНИ ЦВЕТУТ», «МИСС МАЙ» И ДРУГИЕ)

Ю.И. Курило

Педагогический институт Саратовского государственного университета
E-mail: kurilo-yuliya@yandex.ru

В статье исследуются особенности поэтики прозы З. Гиппиус, а именно функция запаха в ее новеллах 1890-х гг., как средства развития сюжета, раскрытия мироощущения героев, сложности, противоречивости их характеров, истории их отношений, их философии жизни и любви.
Ключевые слова: символисты, З. Гиппиус, природа, весна, запах, героиня, гармония.

Idea and Fiction Related Function of Smell in the Poetics of Short Stories by Z. Gippius («Apple Trees in Blossom», «Miss May» and other)

Yu.I. Kurilo

In the article the poetic features of Z. Gippius's prose are investigated. The special attention is given to the function of smell in the writer's short stories of the 1890s, as means of the plot development, of revealing characters' inner world, their complexity, the discrepancy of their nature, the history of their relations, their philosophy of life and love.
Key words: symbolists, Z. Gippius, nature, spring, smell, heroine, harmony.

В системе средств поэтического воссоздания образов мира и человека, наряду с цветописью, звукописью, свое место занимают запахи. Существует наука о запахах – одорология. «Свойства запаха, механизм его образования и восприятия издавна интересовали ученых»[1]. Своего рода обобщением научных изысканий можно назвать коллективный двухтомный труд «Ароматы и запахи»[2], где объединены знания парфюмеров, лингвистов, психологов, антропологов, которые стараются расшифровать символические смыслы ароматов, связь запахов с человеческим телом, интуицией, памятью и воображением. Тайны ароматов, их воздействие на состояние человека, как показывает Т. Седых, были знакомы уже древним людям: «Древние египтяне, греки, римляне знали тайны ароматов. Запахи продлевали молодость, берегли красоту, укрепляли здоровье тела и духа, <…> были неотъемлемой частью культовых и ритуальных действий. Простые египтянки носили на теле мешочки с пахучими травами, умащивали волосы ароматическими бальзамами. Красавицы Древней Греции прятали в волосах миниатюрные флаконы с экстрактом жасмина. Знатные римляне трижды в день втирали в кожу ароматные масла»[3]. Феномен ароматов и запахов как части быта и бытия человека исследуется в книге А.И. Костяева[4], где рассматриваются попытки проникновения в мир запахов И. Канта и Г.В.Ф. Гегеля, А. Шопенгауэра и Ф. Ницше, В.В. Розанова и А. Белого, Н.А. Бердяева и И.А. Ильина.

Проблемы соотнесенности человека и окружающего мира запахов, ароматов духов волновали многих писателей. По мнению Е.А. Сотниковой, активно использовал запахи Ф. Сологуб в романе «Мелкий бес»: ароматы духов и растений позволили автору почувствовать «быт провинции, развитие отношений между героями, дать тончайшие характеристики их чувств»[5]. Н.М. Муравьева убедительно показала, как мир запахов в романах М.А. Шолохова выводит «повествование за пределы земного и преходящего, изменяет представления человека о мироздании и самом себе»[6].

Запахи в художественных произведениях могут выполнять разные функции, выступая, прежде всего, как средство дорисовки типических обстоятельств, образа времени, социального мира[7]. Одним из проявлений панэстетизма символистов можно считать включение потока изысканных ароматов, нежных запахов, которые помогли бы сформировать облик утонченных героев. Важную сюжетообразующую роль выполняет запах в новелле Ф. Сологуба «Отравленный сад». Пленительные ароматы экзотического сада, созданного старым ботаником, несут в себе гибель для юношей из старинных родов, знатных претендентов на руку и сердце его юной красавицы дочери. Мистическая сила притяжения девушки заключена во внешнем обаянии и чарующем запахе: «… веял от ее слов аромат обольстительный, томный, как вздохи нежной туберозы»[8].

Как и у Ф. Сологуба, у З.Н. Гиппиус запах – важная примета мира как реального, так

© Ю.И. Курило, 2010

и ирреального. Основной предмет рефлексии Гиппиус-новеллиста – женская душа. Одним из способов постижения ее тайн становится способность ощущать запахи мира. Отметим, что эта особенность поэтики Гиппиус еще не была предметом специального аналитического осмысления. Как правило, исследователи, говоря, например, о роли пейзажа, не отмечают восприимчивость героев к запахам природного мира. Так, Л.Н. Дмитриевская[9], обстоятельно рассматривая пейзаж в рассказах Гиппиус, вообще не упоминает о запахе, хотя его использование не случайно и может быть объяснено интересом писателя к оригинальным сюжетам, к миру внесоциальных, сугубо бытовых, эмоциональных отношений. Запах как составляющая стиля художника становится одним из ведущих средств: он обогащает изображаемый мир, придает ему особую телесность, предметность ощущаемого пространства, но в то же время указывает на связь человека и мира.

Наиболее отчетливо эта особенность в изображении человека и мира проявляется в новелле «Яблони цветут» (1893). В произведениях русских символистов разных поколений яблоневый цвет являлся устойчивым атрибутом идеального женского образа[10]. Функция запаха здесь подчинена раскрытию женских характеров, психологически сложного конфликта между матерью и сыном. Эгоистическая материнская любовь к сыну женщины претенциозной перерастает в глухую борьбу, обусловленную гневно-ревнивым неприятием матерью естественного чувства юноши. Запах определяет мироощущение героев, становится знаком их полярности. Если Владимира, главного героя, от лица которого ведется повествование, влекут запахи живой природы, сада, то мать откровенно не любит сад. По ее мнению, «солнечный свет гораздо беспокойнее полутьмы гостиной»[11]. Убеждение матери в том, что «… ее духи лучше запаха настоящей весны», противостоит устремлению юноши, еще недавно целиком погруженного в мир искусства, музыки. С наступлением весны Владимира неудержимо влечет мир природы. Запахи пробуждающейся природы рождают в сердце Владимира радость и гармонию, обостряют его чувственность, вызывают смятение и ощущение двойственности.

Встреча с Мартой, зарождение их чувства сопровождается ароматами весны: «Она казалась мне красивой <…> как нежный, душистый воздух…», – вспоминает Владимир (I, с. 269). Каждое движение девушки, наряд – свидетельство ее естественности, и это притягивает к ней Владимира. Начало цветения яблонь, ароматы весны объединяют два влюбленных сердца: «Я думаю, – вспоминает Владимир, – это и есть счастье. Весь сад наполнялся новым, сильным ароматом» (I, с. 277). Мир запахов захватывает обоих. Но любовь не выдерживает испытания: власть матери оказывается сильнее, и влюбленные расстаются.

Одористический образ матери в воспоминаниях героя изменяется: в начале новеллы – это женщина, от которой пахнет весной; постепенно характер запаха трансформируется под влиянием быта, семейных обязанностей, ее эгоистической любви и ревности; в финале – это уже «разлагающееся» тело, от которого исходит «уксусный и страшный запах» (I, с. 278). Безрадостное существование героя, который покорно уступил матери, также оттеняется запахом, сугубо бытовым, подчеркнуто прозаическим, который теперь ощущает мужчина: «Живу в Петербурге, один, в темной и пропахшей кухней квартире» (I, с. 279). Запаху, как видим, отведена важная роль в раскрытии жизненной драмы героев.

Запах помогает создать психологический «портрет» героев, дорисовывает конфликт поколений, их мировосприятие, непримиримую антитезу естественности и искусственности, жизни и смерти.

Функция запаха в новелле «Мисс Май» (1895) призвана акцентировать связь героини с природой, весной, что заявлено уже в названии. Сюжет новеллы вновь основан на столкновении двух мировосприятий, двух культур. В жизнь молодого дворянина Андрея Шарвенко, готового жениться на нареченной невесте Кате, неожиданно врывается новое, захватившее его полностью чувство к юной англичанке Май Эвер. Раскрытию состояния влюбленности героя сопутствуют пейзаж, картины пробуждающейся природы с ее тонкими, едва уловимыми запахами. Теперь его сопровождают «аромат только что распустившейся черемухи», «от тихих деревьев и травы ползли сырые ароматы», сырой воздух, пахнущий «глубокой водой и травами», «душистое утро» (I, с. 512). Объяснение Андрея и Май сопровождается благоуханием свежести и чистоты, что помогает отразить отношение главной героини к любви. Однако, согласно авторскому пониманию любви, влюбленные должны расстаться на пике счастья, чтобы после этого необыкновенного ощущения не произошло охлаждение[12]. Жизнь чувства у З. Гиппиус соответствует определенному периоду в жизни природы – весне, с наступлением лета оно теряет свою силу, и расставание влюбленных неизбежно: «Все распустилось, разошлось, каждый лист раскрылся с полным бесстыдством, не оставляя места никакой тайне <…> Пахло пылью и горячей смолой» (I, с. 515). Хрупкий мир запахов угасает под влиянием прозы жизни, запах пыли имплицитно утверждает мысль о торжестве будничной и серой жизни. Так в этой новелле запах позволяет передать и авторскую концепцию любви, и эволюцию душевного состояния героев.

Определяющая роль запаха как средства раскрытия характера героев наблюдается в поэтике новеллы «Живые и мертвые» (1897). Здесь аро-

маты также соотнесены с авторской концепцией жизни, позволяют отчётливо отразить бытовые контрасты, запечатлеть антитезу реального и ирреального мира. Тонкое восприятие запахов кладбищенской природы характеризует юную Шарлоту как необычную натуру. Девушка-подросток, дочь смотрителя немецкого кладбища, не принимая окружающую ее бытовую среду, живет в своем интимном мире – мире могил, кладбищенских растений и запахов. Наделённая особенно острым обонянием, героиня чувствует едва уловимые запахи весеннего парка: «тяжелое благоуханье могильных цветов»; «Пахло клейкими листьями березы, молодой травой и невинными желтыми звездами одуванчиков» (II, с. 85). Первое посещение Шарлоттой могилы молодого художника Альберта Рено сопровождает гамма запахов, которые наполняют девушку новыми чувствами, новым смыслом, определяя новый этап её жизни. Влюбленная в покойного художника, девушка с волнением смотрит вокруг, видит: «Сирени, свежие…», «темно-лиловые фиалки, которые тяжело благоухали» (II, с. 87).

В этом эпизоде зримо представлен талант Гиппиус-пейзажиста, живописно воссоздает она все оттенки кладбищенского ландшафта. Гамма запахов здесь становится ведущим средством раскрытия психологически сложного момента в жизни героини. Пустоту в душе Шарлотты, отказавшейся от реальной бытовой повседневности, заполняют посетившее её новое чувство влюбленности и запахи: «Благоухание фиалок туманило голову…»; она, «прислоняясь головой к благоухающей могиле, смотрела в небо» (II, с. 88).

Погружение героини в призрачный, для нее идеальный мир контрастно запахам, которые исходили от Иоганна Ротте, сына мясника, претендующего на руку и сердце хрупкой девушки. По воле отца она должна выйти замуж за человека, от которого «остро пахло кровью и только что раздробленными костями» (II, с. 93). Иоганн ассоциируется в сознании Шарлоты с несовершенным и чуждым материальным миром. Предчувствие опасности нарушает возникшую было душевную гармонию. В результате появляется ощущение дисгармонии в окружающем её мире, теперь «пахнет пылью и всевозможными цветами <…> к разнообразным тонким ароматам, к благоуханию отцветающих лип примешивается еще какой-то запах, чуть заметный, но тревожный, неуловимый и тяжелый» (II, с. 92). В романтический мир героини неотвратимо вторгается обыденность прозаической бездуховной жизни. С появлением Иоганна на могиле Альберта всё меняется, меркнет: «Мглистый воздух полз с окрестных болот и со стороны далекого леса» (II, с. 93).

В отчаянии девушка меняет предпочтения: нежность к обычным фиалкам уступает белым розам. Для неё они – «символ воскресения и вечной весны», «девственности»[13], розы отражают сущность и чувства Шарлотты: «нигде они не распустились так пышно и свежо», как на могиле юноши (II, с. 92). Эти цветы чутко реагируют на вторжение Иоганна, губительное воздействие материального мира на них очевидно: «безмятежно благоухали розы, чуть склонив головки», здесь «увядший цветок символ кратковременности земных благ»[14]. Отсутствуют запахи в момент ухода в иной мир. Запах позволяет отразить мировоззрение героини, ощутить насыщенность ее выдуманного мира, убежденность, что подлинная жизнь начнется после смерти, когда душа, освободившись от плоти, обретет свободу, вечную любовь.

В отличие от предыдущих новелл, в которых запах является сюжетообразующим элементом, средством раскрытия характеров, в религиозно-философской новелле «Легенда» (1893) – это лишь деталь психологического портрета, социального мира, окружающего восемнадцатилетнюю дочь прокурора. Близкие считают Маничку странной и глупой. Ее стремление освободиться от общепринятых канонов бытовой повседневности возмущает всех. Свободу, смысл жизни девушка ищет в женском монастыре, в общении со старым евреем, который толкует ей Библию. Соответственно меняются аура новых обстоятельств жизни странницы, диапазон запахов: теперь и запах чеснока, обычный в быту бедняков, не отталкивает девушку. Маничка становится на путь сближения с миром простолюдинов, познания основ жизни и устроения мира.

Метаморфоза героини происходит под влиянием случая. Пафосная полупьяная речь о свободе нового члена суда молодого Костякова в доме прокурора производит сильное впечатление на девушку, приводит к окончательному решению Манички странницей бродить по земле, как «Франсис итальянский» (Франциск Ассизский. – *Ю.К.*) и как тот, кто «босиком ходил» (Иисус Христос. – *Ю.К.*). Эта победа духовности над миром запретов и правил сопровождается новым мироощущением. Остро чувствуемые юной героиней весенние запахи природы сопутствуют пробуждению её к новой жизни. Девушке, долго живущей в замкнутом мире, открывается «весеннее небо», которое «светлело», она чувствует запах «сырости, земли, раскрытых почек» (I, с. 418).

Запах отражает тонкие душевные порывы и переживания девушки, задумавшейся над выбором своего жизненного пути в единстве с миром природы, гармония с ним помогает почувствовать свое предназначение. Запах становится средством раскрытия потаённого, тончайших струн ее души. Он существенно обогащает читательское представление об окружающем мире, помогает вырваться из затягивающей в свой омут обывательской повседневности. Маничка прорывается сквозь слой предвзятостей и непо-

нимания, обнаруживая недюжинную силу убеждения. Смысл жизни, обретенный ею, наполняет окружающий мир цветом, звуками, запахами. За отдельными деталями автор выявляет суть легенды о Маничке, которая стремится к свободе (свободе выбора – жить, как она хочет): быть в гармонии с собой и природой.

В малой прозе З. Гиппиус запах становится важным средством раскрытия сложных ситуаций в сфере человеческих отношений, служит обозначению контраста обыденного прозаического мира и иррационального, «сверхчувственного». Вместе с тем отсутствие запаха – это определенный намек на неполноту мира, холодность чувств героев, их неспособность к восприятию богатства окружающего мира («Голубое небо», «Месть» и др.). Гиппиус, используя запах в арсенале средств поэтики, уходит от социальной жизни и рассматривает нравственно-этическую и эстетическую сферы как символист-неоромантик.

Примечания

1 Одорология. URL: http: // ru.wikipedia.org / wiki/ (дата обращения: 30.08.10).

2 Ароматы и запахи в культуре: в 2 т. / сост. О.Б. Вайнштейн. М., 2010. Т. 1. 616 с.; Т. 2. 672 с.

3 *Седых Т.* Откройте тайны Клеопатры // Держава. 2000. 16 марта. № 10 (11)10. С. 36.

4 *Костяев А.* Ароматы и запахи в истории культуры. Знаки и символы. М., 2007.

5 *Сотникова Е.* Функциональная значимость номинаций парфюмерных ароматов в романе Ф. Сологуба «Мелкий бес» // Междисциплинарные связи при изучении литературы: сб. науч. тр. / под ред. А.А. Демченко. Вып. 2. Саратов, 2006. С. 357.

6 *Муравьёва Н.* Проза М.А. Шолохова: онтология, эпическая стратегия характеров, поэтика / научн. ред. Л.В. Полякова. Борисоглебск, 2007. С. 117.

7 Отметим некоторые примеры. Так, Н.В. Гоголь в «Шинели» описывает незабываемые «ароматы» на лестнице, «умащенной помоями и проникнутой насквозь тем спиритуозным запахом, который ест глаза» в доме, где снимает квартиру портной Петрович (*Гоголь Н.В.* Собр. соч.: в 8 т. М., 1984. Т. 3. С. 128). У Л.Н. Толстого в «Войне и мире» поцелуй Николая и Сони сопровождается необычным запахом: «Он <…> поцеловал в губы, над которыми были усы и от которых пахло жженой пробкой» (*Толстой Л.* Война и мир // Толстой Л. Собр. соч.: в 12 т. М., 1965. Т. 4. С. 233). Лирически окрашенную картину жизни с помощью запаха создает И.А. Бунин в рассказе «Антоновские яблоки»: в хорошо налаженном деревенском быте доминируют естественные запахи, автора пленит «тонкий аромат опавшей листвы и – запах антоновских яблок…». У Бунина-поэта пахнет даже «зной и сухость солнечного лета» (*Бунин И.* Антоновские яблоки // Бунин И. Собр. соч.: в 9 т. М., 1966. Т. 2. С. 147).

8 *Сологуб Ф.* Отравленный сад / Сологуб Ф. Собр. соч.: в 6 т. М., 2001. Т. 3. С. 550–551. Характерно, что ароматы экзотических растений были популярны в начале века, ими пользовалась, по воспоминаниям А. Белого, и З. Гиппиус: «Я же нагнулся <…> и взял пахнущую туберозою ручку…» (*Белый А.* Начало века. М., 1990. С. 194).

9 *Дмитриевская Л.* Пейзаж и портрет: проблема определения литературного анализа. М., 2005. И.А. Кондрашина, исследуя семантику образа «цветка» в лирике З. Гиппиус 1889–1909 гг., связанного с категорией времени, к запаху не обращается (*Кондрашина И.А.* Образы пространства и времени в поэзии З.Н. Гиппиус: дис. … канд. филол. наук. Волгоград, 2008. С. 55). «Благоуханным цветам» лирический герой предпочитает «снежные хлопья», по мнению Е.М. Криволаповой. Ученый специально не исследует запах в рассказе «Живые и мертвые» (*Криволапова Е.М.* Литературное творчество З.Г. Гиппиус конца XIX – начала XX (1893–1904): религиозно-философские аспекты: дис. … канд. филол. наук. СПб., 2003. С. 152–153).

10 См., например, рассказ А. Блока «Исповедь», симфонию А. Белого «Кубок мыслей», где лицо героини напоминает яблоневые цветы (*Белый А.* Старый Арбат: Повести. М., 1989).

11 *Гиппиус З.* Яблони цветут // Гиппиус З. Собр. соч.: в 10 т. М., 2001. Т. 1. С. 265. (Далее ссылки на это издание в тексте с указанием тома и страницы.)

12 В переписке с А.Л. Волынским Гиппиус говорит о той любви, к которой она стремится: «Я хочу невозможного, подснежников в июле, когда солнце сожгло траву» (Письма З.Н. Гиппиус к А.Л. Волынскому // Минувшее. Исторический альманах. М.; СПб., 1993. Вып. 127. С. 285).

13 Энциклопедия символов, знаков, эмблем. М., 2000. С. 192.

14 Там же. С. 193.

УДК 821.161.1–1.09+929 Цветаева

КОНЦЕПЦИЯ ПРИРОДЫ В ПОЭМЕ М.И. ЦВЕТАЕВОЙ «АВТОБУС»

Ю.Н. Ермилова

Педагогический институт Саратовского государственного университета
E-mail: jul.ermilova@yandex.ru

В статье предпринимается попытка включить поэму М. Цветаевой «Автобус» (1934–1936) в большую малоисследованную тему – концепция природы в творчестве поэта. Романтические представления М. Цветаевой о природе как мире гармоничном, совершенном, идеальном, стоящем вне социально-политических обстоятельств, формируют глубинную жизненную философию поэта, входят в сферу её представлений об этике и эстетике.
Ключевые слова: М. Цветаева, поэма, «Автобус», концепция природы, философия.

The Concept of Nature in the Poem by M. Tsvetayeva «Bus»

Yu.N. Yermilova

In this article an attempt is made to include the poem «Bus» by M. Tsvetayeva (1934–1936) in the large but poorly investigated subject – the concept of nature in the creative work of a poet. Tsvetayeva's romantic ideas of nature as harmonious, perfect, ideal world situated beyond socio-political circumstances, form the poet's deep philosophy of life and become part of her notions of ethics and aesthetics.
Key words: M. Tsvetayeva, poem, «Bus», concept of nature, philosophy.

Поэма «Автобус» (апрель 1934 – июнь 1936) относится к эмигрантскому периоду творчества Марины Ивановны Цветаевой; при публикации избранных произведений поэта в 1970–1990-е годы неоднократно входила в состав различных изданий. Однако особого внимания литературоведов не привлекла. Создавалась поэма в основном на протяжении двух лет: работа велась в апреле 1934 и мае–июне 1936 годов. По свидетельству А.С. Эфрон, в 1934 г. был написан черновой вариант I части поэмы. В декабре 1935 г. М. Цветаева несколько дней посвятила отделке начала и в конце мая до 16 июня 1936 г. после повторной авторской правки и значительной переработки I части в Ванве был написан последний вариант «Автобуса».

По существу, первый и наиболее значительный шаг в трактовке поэмы был сделан М.Л. Гаспаровым[1], который отметил полемическое начало цветаевской поэмы: эстетическое осмысление и неприятие Цветаевой новой поэтической манеры Б.Л. Пастернака (от книги «Сестра моя – жизнь» до «Второго рождения»). Вслед за Гаспаровым «пастернаковский подтекст» в поэме «Автобус» отмечали и рассматривали в своих работах О. Ронен[2], А.К. Жолковский[3], С. Ельницкая[4]. Из исследований «новейшего» времени следует отметить статью Л.Ф. Кацис[5], автор которой еще раз обращается к выяснению обстоятельств написания поэмы, пытаясь обнаружить «конкретную жизненную ситуацию(и), легшую(ие) в основу поэмы…»[6]

Безусловно, знание биографических фактов, сказавшихся при написании того или иного произведения, проясняет многое в творческом развитии художника. Но законы искусства сложнее, богаче и сложнее художественный, мировоззренческий контекст произведения, его эстетическая самоценность для определенного периода творчества. В этом смысле проделанная учеными работа по анализу поэмы «Автобус» представляется не окончательной. В данной статье предпринимается попытка включить поэму в большую малоисследованную тему – концепция природы в творчестве М. Цветаевой.

Концепция природы в поэзии М. Цветаевой обусловлена прежде всего философски: романтическими представлениями поэта о природе как мире гармоничном, совершенном, идеальном, стоящем вне социально-политических обстоятельств. Природа для М. Цветаевой – важнейшее жизненное ощущение, пронизывающее её существо и всю её литературную деятельность.

Отношение к природе отражает глубинную жизненную философию поэта, входит в сферу её представлений об этике и эстетике. Отношение к природе становится в один ряд с такими понятиями, как «духовность», «добро», «правда», и является своеобразным мерилом, определяющим степень нравственного развития человека. Подобным убеждением М. Цветаева руководствовалась всю жизнь. Она всерьез говорила, что когда при ней кто-то нежно и восторженно отзывается о том или ином дереве, тогда она себя чувствует польщенной, будто любят и хвалят не дерево, а ее самое, и в молодости, – писала она, – «мой вывод был скор: “Этот человек не может не любить – меня”»[7].

Чувство природы, способность проникнуться её прелестью и очарованием оказывается важнейшим критерием человечности для героев её поэзии. Особенно ярко, максималистски отчётливо это выражено в поэме «Автобус». Построена поэма на антитезе мироощущения лирической героини и её спутника, который в силу своей духовной «толстокожести» равнодушен к красоте окружающего мира, и за это был решительно отвергнут героиней. Главный конфликт поэмы

© Ю.Н. Ермилова, 2010

развивается в сфере нравственно-этической и эстетической.

Сюжетная основа маленькой поэмы с истинно руссоистским пафосом отражает вечную антитезу: цивилизация и мир естества, нетронутой живой природы. Трагикомическим символом цивилизованного мира в поэме становится автобус, мчащий пассажиров за город.

… Автобус скакал как бес,
По улицам, у́же сноски,
Как бес оголтелый несся
И трясся …
… и мы тряслись –
Как бесы …

(III, кн. 2, с. 417)

Известно негативное отношение М. Цветаевой к «благам» цивилизации с её замкнутыми пространствами: метро, автомобилям, лифтам и т.д.: «Машина – порабощение природы, использование её всей в целях одного человека. Человек поработил природу, но, поработив природу, сам порабощён орудием порабощения – машиной: сталью, железом, природой же. Человек, природу восстановив против самой себя, с самой себя стравив, победителем (машиной) раздавлен…» (IV, кн. 1, с. 124). Поэтому автобус в представлении лирической героини выступает как нечто чужеродное естественным отношениям (например, пешехода и дороги).

Бесконечная тряска неожиданно возымела и комический эффект:

Кто чем тряслись:
… Стеклярусом и костьми –
Старушка, девицы – бюстом
И бусами, мать – грудным
Ребёнком, грудной – одним
Упитанным местом…
…От тряса рождался – смех…
Безбожно-трясомых груш:
В младенчество впавших душ…

(III, кн. 2, с. 417)

По мере приближения к месту отдыха пассажиров охватывает предвкушение от скорой встречи с природой, которое преображает их на глазах, – они молодеют, точно возвращаются в детство, «в младенчество».

Непередаваемо скупо и точно обозначает поэт координаты времени и пространства в поэме:

Не за́ город тот дударь
Нас мчал – а за календарь.

(III, кн. 2, с. 417)

Вместе со всеми ощущает перемену в себе лирическая героиня, её охватывает «души восторг!». Она необъяснимо чувствует себя юной, озорной и влюблённой в спутника.

Вот наконец автобус, «как бык ошалелый», «описавши крюк / Крутой, не вкопался вдруг». Цветаевское «вдруг» здесь не случайно: на смену движению, смешной тряски пришел неожиданный покой и потрясение героини от величественной, божественной красоты. Знак умолчания в начале следующей поэтической строфы подчеркивает силу впечатления, от которого захватывает дух…

…И лежит, как ей повелено –
С долами и взгорьями.
Господи, как было зелено,
Голубо, лазорево!

(III, кн. 2, с. 418)

Так автор обозначает контрастное соположение частей поэмы, проводя четкую границу между двумя мирами: технической цивилизацией и живым миром природы. Ощутимо меняется ритмический и интонационный строй, рифмовка стиха.

Перед великолепием раскинувшихся во все стороны, на сколько хватает глаз, «дол и взгорий» лирическая героиня сама застыла, как тот остановившийся «вдруг» автобус. Она словно увидела землю в первые дни её творения: «и лежит, как ей повелено». Лексико-синтаксическая конструкция откровенно созвучна библейскому изречению: «И был вечер, и было утро: день второй…

И создал Бог твердь…

И сказал Бог: да произрастит земля зелень, траву, сеющую семя, дерево плодовитое, приносящее по роду своему плод, в котором семя его на земле. И стало так…

И увидел Бог, что *это* хорошо» [Бытие 1:8, 11,12 / Первая книга Моисеева].

Время словно повернуло вспять для лирической героини, как будто автобус действительно умчал своих пассажиров «за календарь». Ничто (кроме автобуса, который тут же был позабыт) не напоминало о том, что где-то на земле есть шумные города, густонаселенные страны. Среди величественного безмолвия природы, где нет ничего, кроме воды, земли, скал, деревьев и чистого неба, лирическая героиня почувствовала себя, как в первые дни творения. И если раньше она была полна смятения, то теперь всё это куда-то отступило:

Отошла январским словом
Жизнь с её обидами.
Господи, как было молодо,
Зелено, невиданно!

(III, кн. 2, с. 418)

Повторы синтаксических конструкций I и II строф (3 строка: «Господи, как было зелено…» – «Господи, как было молодо…»), полная тождественность 1 и 3 строк III и IV строфы («каждою жилою – как по желобу…», «зелень земли ударяла в голову…»), частичный повтор 2 строки («влажный, тревожный, зеленый шум…» и «влажный, валежный, зеленый дым…»), обилие риторических восклицаний – таково выражение предельного восторга лирической героини.

Она явственно ощущает, как из окружающего мира с весенними запахами, звуками, красками в неё вливаются свежие силы и как вместе с обновляющейся природой изменения происходят и в ней самой. Лирическая героиня до глубины своего существа проникается чудом этого дня.

Каждою жилою – как по желобу –
Влажный, тревожный, зеленый шум.
Зелень земли ударяла в голову,
Освобождала её от дум.
(III, кн. 2, с. 418)

Причем изменения эти происходят не только внутри. Меняется внешность: возникает ощущение, что глаза становятся зеленее, «вишенный цвет» кажется цветом её лица (как в юности!). Кажется даже, что «явственно порусели волосы: проседи – ни следа!»

Мы видим, как природа и человек в поэме М. Цветаевой нарушают параллельный порядок движения, духовное и материальное сливаются. Здесь лирико-философское «Я» автора, погружённое в бытие природы, – это не только лишь условность, вторжение личностного начала в художественный образ. Природа как «зеркало души человека», природа с богатством психологических связей, с диалектикой лирического самовыражения героя, сознание собственной сопричастности живому миру – именно это явилось предметом внимания и переживания М. Цветаевой в поэме «Автобус», лирической по преимуществу.

В отличие от лирической героини её спутник глух и слеп к весеннему чуду пробуждения природы, не восприимчив к её красоте. Со снисходительной усмешкой взирает он на подругу, резвящуюся, как дитя:

Я в руки, как в рог, трубила!
Я, кажется, прыгала?
(III, кн. 2, с. 419)

Поэтическое воображение лирической героини превращает рубашку спутника в паруса на бескрайних зеленых просторах равнины-океана: «на парусах тех душа собиралась плыть – океаны за окоём!». Но ее душевный порыв не находит отклика:

Спутник в белом был – и тонок в поясе,
Тонок в поясе, а сердцем – толст!
(III, кн. 2, с. 419)

Физическая красота её товарища контрастна бесцветности его внутреннего мира; вместо ожидаемой сердечной чуткости и душевной тонкости в нём обнаруживается лишь духовная «толстокожесть».

Проявлению этого «свойства» способствовало по-разному воспринятое неожиданное видение: как будто во сне перед ними предстало цветущее дерево, подобно белому облаку, цветущему обвалу:

И какое-то дерево облаком целым –
Сновиденный, на нас устремленный обвал…
(III, кн. 2, с. 420)

Лирическая героиня очень остро ощущает это весеннее чудо и в восхищении замирает перед ним. Иная реакция у ее друга. Он разрушает высокую гармонию, возникшую в сердце героини в эту минуту. С истинно чеховской убийственной антитезой состояния герой цветаевской поэмы внезапно изрек:

«Как цветная капуста под соусом белым!» –
Улыбнувшись приятно, мой спутник сказал.
(III, кн. 2, с. 420)

Не спасает и «приятная улыбка»: этой фразой, гастрономической ассоциацией «герой» поэмы самоуничтожен.

Со свойственным романтическому максимализму сознанием неразрывной связи природы и нравственности, природы и души человека М. Цветаева решительно выводит свой нравственный критерий ценности человека: способность сопереживать явлению природы либо её любому живому организму. Поэтому спутник героини, в котором дивный природный образ вызывает лишь гастрономический отклик, сугубо приземлённую ассоциацию, здесь безжалостно развенчан. Лирическая героиня считает меньшим злом «общение» с мародером и вором, нежели с подобными «гастрономами».

– С мародёром, с вором, но не дай с гастрономом,
Боже, дело иметь. Боже, в сене уснуть!
(III, кн. 2, с. 421)

Поэт выносит окончательный вердикт человеку, не способному духовно откликнуться на Красоту: не только отказывает ему в праве быть «царственно … любимым», но и сознательно обезличивает его.

Ты, который так царственно мог бы – любимым
Быть, бессмертно-земным (подобным плющу!) –
Неким цветно-капустным пойдёшь анонимом
По устам: за цветущее дерево – мщу.
(III, кн. 2, с. 421)

Образ автора и образ природы здесь слиты воедино, проникая друг в друга и срастаясь. Поэт восхищается красотой и щедростью физической природы, как божественным творением, но здесь же привносит в неё красоту субъективную, нравственную. Природа в творчестве М. Цветаевой оказывается не только близка человеку и его присутствием осмыслена, она выходит за границы биологических законов и сливается с сознанием автора, являясь одним из важных факторов мировоззренческой позиции поэта.

В изображении природы, в осмыслении и развитии данной темы в своём творчестве М. Цветаева, безусловно, учитывает опыт предшествующей литературной традиции в постижении и способах воплощения образа природы, поэтов XIX века, философов, да и взгляды на природу человечества в целом. Ведь «художественный мир большого поэта на этапе его формирования – обширная, с трудно уловимыми границами зона, которая вбирает в себя самые разнообразные художественные открытия своего времени и своих предшественников, – подчеркивает исследователь стиля М. Цветаевой О. Клинг, – при этом усваивается опыт…, “чужое слово” вбирается на фоне еще не выявленных – а потому не менее противоречивых – собственных поэтических тенденций»[8].

М. Цветаева остро восприимчива к историко-культурным явлениям самых разных пластов, её

творчество изобилует узнаваемыми реминисценциями и отголосками из современных и не современных ей авторов. Но ни в чьи последователи её не запишешь. Она ускользает из всяческих школ и концепций. Прислушиваясь ко всему, что ей близко, она придерживается своей, подчеркнуто романтической, концепции: её героиня, как правило, одинокая среди людей, предпочитает оставаться наедине с природой, находит здесь покой, умиротворение, целебные токи.

Примечания

1 *Гаспаров М.* «Гастрономический пейзаж» в поэме Марины Цветаевой «Автобус» // Русская речь. 1990. № 4. С. 20–26.

2 *Ронен О.* Часы ученичества Марины Цветаевой // Новое литературное обозрение. 1992. № 1. С. 177–190.

3 *Жолковский А.* О заглавном тропе книги «Сестра моя – жизнь» // Stanford Slavic Studies. 1999. Vol. 21. P. 26–65.

4 *Ельницкая С.* Пастернаковский подтекст в поэме Цветаевой «Автобус» // Марина Цветаева и неизданное. М., 2002. С. 15–30.

5 *Кацис Л.* Анализ поэмы «Автобус», или Еще раз о Цветаевой, Пастернаке и Рильке // Стихия и разум в жизни и творчестве М. Цветаевой / XII Международная научно-тематическая конференция: сб. докл. М., 2005. С. 205–216.

6 *Кацис Л.* Указ. соч. С. 205.

7 *Цветаева М.* Письмо Т. Кваниной 17 ноября 1940 г., Москва / Письма // Цветаева М. Собр. соч.: в 7 т. / сост., подгот. текста и коммент. Л. Мнухина. М., 1994–1995. Т. 7, кн. 2. С. 256. (Далее сноски на произведения М. Цветаевой даны по данному изданию с указанием номера тома, книги и страницы.)

8 *Клинг О.* Поэтический стиль М. Цветаевой и приёмы символизма: притяжение и отталкивание // Вопросы литературы. 1992. Вып. 3. С. 76.

УДК 821.161.1.09 + 929 [Солженицын + Скафтымов]

«ХУДОЖНИК И ЧЕЛОВЕК В ОДНОМ ЛИЦЕ»: К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ И ВЗАИМОДЕЙСТВИИ БИОГРАФИЧЕСКОГО И ХУДОЖЕСТВЕННОГО НАЧАЛ В ТВОРЧЕСТВЕ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА[1]

Г.М. Алтынбаева

Саратовский государственный университет
E-mail: gulnarama@gmail.com

Скафтымовское определение «художник и человек в одном лице» прямо соотносимо с художественным методом А.И. Солженицына. Особое понимание художественного исследования, эстетическая позиция писателя-реалиста подтверждают научные размышления А.П. Скафтымова, предопределившего черты нового типа писателя и нового типа прозы XX века.
Ключевые слова: А.И. Солженицын, А.П. Скафтымов, автобиографизм, русская литература XX века.

«An Artist and a Human Being as One Entity»: to the Question of the Correlation and Interaction of the Biographical and Fictional Principles in the Creative Work of A.I. Solzenitsyn

G.M. Altynbaeva

Skaftymov's definition of «an artist and a human being as one entity» is directly applicable to the creative method of A.I. Solzenitsyn. Deep understanding of an artistic research, aesthetic approach of a realism writer corroborate the scientific thoughts of A.P. Skaftymov, who predetermined the characteristics of the new writer type and the new prose type of the XXth century.
Key words: A.I. Solzenitsyn, A.P. Skaftymov, autobiography, Russian literature of the XX-th century.

А.П. Скафтымов в лекции 1922 г., посвящённой соотношению теоретического и исторического подходов к изучению литературы, даёт ценные рекомендации для исследователей художественной литературы, определяя условия, при которых необходимо учитывать личность биографического автора. «При теоретическом суждении о художнике, в авторе и должен изучаться только художник, потому что только эта сфера имеет значение для науки об эстетических фактах. Но при генетической постановке вопроса изучения одной этой стороны существа человека-художника мало. Художник и человек в одном лице, это – мир раздваивающийся, но не раздвоенный, не разрезанный, а только расходящийся концами. Если жизнь идеальных устремлений и реального пребывания являют собой два сосуда, то это все же сообщающиеся сосуды. Главнейший генетический вопрос, который сам стучится в наше сознание и должен предстоять перед наукой о художественном творчестве, – это вопрос о соотношении между человеком и художником в одном лице. <…> Для того чтобы рассмотреть и констатировать преломление, нужно знать то, что преломилось, каково оно было до преломления и каким светом засияло, претворившись в душе художника. И всякий вопрос, какого бы мы ни коснулись в области процесса созидания, потребует от нас справок биографического характера. Вот уже и нужно изучение биографии»[2].

А.И. Солженицын в 1976 г. в «Телеинтервью на литературные темы с Н.А. Струве» говорит

© Г.М. Алтынбаева, 2010

об «автобиографичном элементе» в творческом методе писателя: «В этом и состоят возможности искусства, что человек использует собственный опыт для точной угадки и воссоздания всяких других людей. <…> Потому что без личного опыта, психологического или житейского, писать невозможно. Почему молодые люди не могут стать писателями сразу, да потому что им не хватает вот этого самого опыта. Если я описываю вас, то моя задача войти по возможности глубоко в вас и вас передавать. Но это нельзя, если я ещё не обладаю жизненным психологическим опытом»[3]. Таким образом, писатель подводит нас к пониманию его художнической позиции: «…я не могу описать без того, что я сам достиг уже какого-то психологического и житейского уровня, что я могу понять другого человека в его обстановке, в его задачах. Вот так»[4]. И эта позиция отражена не только в его произведениях, но и во всех его суждениях о русской литературе. Во вступительной заметке к «Литературной коллекции» читаем: «Каждый такой очерк – это *моя попытка* (здесь и далее курсив наш. – *Г.А.*) войти в душевное соприкосновение с избранным автором, попытаться проникнуть в его замысел, как если б тот предстоял *мне самому*, – и в мысленной беседе *с ним* угадать, что он мог ощущать в работе, и оценить, насколько он свою задачу выполнил»[5].

Нераздельность человека и художника видна и в том, как определяет А.И. Солженицын задачу своих мемуарных книг: «Я всё это пишу для общей истины, а не о себе вовсе»[6]. И в «Телёнке», и в «Зёрнышке» мы имеем дело с «человеком-писателем», и изучение его нужно, «чтобы понять его произведения».

По мнению А.И. Солженицына, «художественное исследование – это такое использование фактического (не преображённого) жизненного материала, чтобы из отдельных фактов, фрагментов, соединённых, однако, возможностями художника – общая мысль выступала бы с полной доказательностью, никак не слабей, чем в исследовании научном»[7]. Этот принцип является одним из ключевых для понимания не только художественного, но и публицистического, и литературно-критического творчества писателя. Критически осмысляя русскую классику и современную ему отечественную литературу, Солженицын-реалист обращает внимание не только на само наличие фактической достоверности и «исторической правды» в анализируемом тексте, но и на взаимодействие документального, биографического и художественного в нём.

В беседе со студентами-славистами в Цюрихском университете в 1975 г. Солженицын впервые говорит о своём творческом методе: «…художественное исследование выступает не просто как эрзац научного, не просто потому, что научное невозможно – так будем искать нечто другое. Но потому, что (это моё глубокое убеждение) – художественное исследование по своим возможностям и по уровню в некоторых отношениях выше научного. *Художественное исследование обладает так называемым тоннельным эффектом, интуицией*. Там, где научному исследованию надо преодолеть перевал, там художественное исследование тоннелем интуиции проходит иногда короче и вернее»[8]. Позже в «Телеинтервью компании Би-Би-Си» А.И. Солженицын продолжает свои размышления: «Есть такое понятие: *тоннельный эффект интуиции*. Вот эта тоннельная интуиция даёт возможность проникнуть туда, куда документалист-историк не может проникнуть. Он может только выложить окружающие события и материалы»[9].

Принципиально, что пути соединения документального, биографического и художественного у Солженицына наблюдаем уже с первых его произведений. Так, обращаясь к истории создания «Одного дня Ивана Денисовича», он вспоминает: «Вот “Один день Ивана Денисовича”, например, как это родилось? Просто был такой лагерный день, тяжёлая работа, я таскал носилки с напарником, и подумал, как нужно бы описать весь лагерный мир – одним днём. Конечно, можно описать вот свои десять лет лагеря, там всю историю лагерей, – а достаточно в одном дне всё собрать, как по осколочкам, достаточно описать только один день одного среднего, ничем не примечательного человека с утра и до вечера. И будет всё. Это родилась у меня мысль в 52-м году. <…> Семь лет она так лежала просто. Попробую-ка я написать один день одного зэка. Сел – и как полилось! Со страшным напряжением! Потому что в тебе концентрируется сразу много этих дней. И только чтоб чего-нибудь не пропустить. <…> Когда задумаешь – этот момент внезапен»[10].

Солженицын подчёркивает особое соотношение факта и вымысла в художественном произведении. Писатель-реалист утверждает: «Но тогда мы приходим к тому, что человек должен писать только о том, что он видел. Но ведь, описывая современность, автор описывает места, где он не был, и события, которых он не видел, – иногда удаётся, и даже очень. Нельзя так низко оценить возможности воображения, не воображения даже, а угадки интуитивной, что человек только то способен писать, что он видел своими глазами. Когда сам пережил и видел – задача бывает не в том, чтобы увидеть, угадать, а в том, чтобы отбиться от лишнего материала»[11].

Вспоминая процесс создания образа Ивана Денисовича Шухова, Солженицын говорил: «Вдруг, почему-то, стал тип Ивана Денисовича складываться неожиданным образом. Начиная с фамилии – Шухов, – влезла в меня без всякого выбора, я не выбирал её, а это была фамилия одного моего солдата в батарее, во время войны. Потом вместе с этой фамилией его лицо, и немножко его реальности, из какой он местности, каким языком говорил. Вдруг, почему-то, вот этот рядовой солдат батареи советско-германской войны вдруг стал идти в повесть. <…> его лагерная биография и его лагерное поведение – это уже было не его, а

собирательное от многих заключённых. Впрочем, и там есть автобиографичность, конечно, – то есть в каком смысле автобиографическое: я не мог его описать так, если б не был сам простым каменщиком в лагере. Смысл понимания работы самой – его трудно набраться от другого понаслышке. Я пишу крестьянина, с его крестьянской хваткой, и хваткой зэка, однако что-то такое от собственного опыта обязательно вкладывается, оно вкладывается в кого угодно»[12].

Не отказываясь от «автобиографичного элемента», Солженицын, тем не менее, против «автобиографического героя». В письме М.Г. Петровой он утверждает, что «вообще не следует придавать серьёзное значение «прототипам» – это только случайные толчки для автора. Опознавательные знаки при работе – а до 80% содержания – всё художественный вклад автора»[13]. По настойчивому утверждению писателя, автобиографический герой (в его традиционном понимании) никакого отношения ни к «Красному Колесу», ни к «Кругу» не имеет.

Характерное для стиля Солженицына плодотворное синтезирование художественного, документального и биографического начал продиктовано прежде всего материалом и жанром. Одно дело – персонажи романов и рассказов, другое – исторические персонажи в «Красном Колесе». О создании последних автор говорит: «Моя задача – как можно меньше дать воли воображению, как можно больше воссоздать из того, что есть. Воображение художника помогает только спаять отдельные элементы и, войдя внутрь персонажа, попробовать объяснить, как эти элементы друг с другом связаны»[14].

Формы соединения исторического и биографического для Солженицына определяются и подвижной временной дистанцией: «…моё поколение – последнее, которое может ещё этот материал писать не совсем как историю, не в полном смысле историческое повествование, а ещё почти по живой памяти. <…> ещё этот воздух я ощущаю, он помогает мне в обработке материала»[15].

Главный труд Солженицына, где в полной мере, богато и плодотворно соединились документальные, биографические и художественные материалы, – «Красное Колесо». «Да, это работа и историка, и романиста. Моя задача – передать истинную историю, и я нашёл даже недостойным слишком плотно заселить повествование персонажами вымышленными. Главная часть персонажей у меня – реальные исторические фигуры, крупные исторические, или мелкие, но о которых у меня есть достоверные свидетельства. Часть документов, самые выразительные, в малой доле я даю прямо как документы, а бо́льшую часть перерабатываю в художественную ткань повествования, и рельеф документа поднимаю зримо, плотно для читателя; и вместе с тем уплотняю действие»[16].

Роль вымышленных персонажей в «Красном Колесе» особая. Картины семейной жизни, бытовые подробности и т.п. становятся способом передачи «воздуха времени». «Семья Томчаков не имеет такого особого выразительного значения для всей России, – пишет Солженицын. – Это просто один из слоёв, который, кстати, мало освещён. Динамичный слой из мужиков поднявшихся. Но не в этом дело, а только в медленном темпе, вот такой темп был и никогда больше не будет»[17]. Биографические материалы, воспоминания родных, отразившиеся в образах Томчаков, возможно, и создавали особое ощущение хода, темпа жизни, который уже не повторится.

Соотношение и обрисовка вымышленных и исторических героев в эпопее «Красное Колесо» – проявление новой природы художественности в творчестве Солженицына. «Мне невозможно и неинтересно было бы описывать только вымышленные лица, – говорит он. – Вымышленных лиц писатель ставит тогда, когда ему нужно соединение между простой человеческой психологией и событиями историческими. Но невозможно описывать такие крупные исторические события, какие были у нас, без прямого описания исторических лиц. Стало быть, вот это проникновение в историческое лицо доступно только художнику»[18].

Неоднократно в ходе творческого процесса, доверившись внутреннему чутью, Солженицын рисовал образ исторического героя, а позже получал документальное подтверждение собственным догадкам («Интуиция иногда может давать совершенно поразительные результаты»[19]). Так было, например, с образом генерала Крымова из «Красного Колеса»: «Я когда писал о Крымове, ещё в России, я имел только чуть-чуть о нём сведений исторических, самых общих. Я не знал о нём тогда ничего личного, ни наружности, ни привычек, *однако решился его поставить в личной сцене, ну просто подал, как его чувствовал*, в главе с Воротынцевым. Прошло много лет, и я здесь уже, на Западе, получил свидетельства людей, которые хорошо знали Крымова. Так у меня стали волосы дыбом: то есть *просто одну черту за другой я абсолютно точно угадал*. Я судил по крупным внешним событиям и через них интуитивно нащупал – свойства его характера, свойство шутить, как он именно отвечает, как он судит о людях, как он ворчит немного, – всё *оказалось абсолютно точным*! И у меня несколько таких случаев, несколько, когда материал более поздний подтверждал *мою интуицию*. Но для этого интуиция должна быть очень сосредоточена, надо много думать о человеке, думать, стараться увидеть»[20].

Солженицын стремится дать психологические портреты своих исторических героев, пытается понять их внутреннюю логику поступков. Речь идёт об образах Столыпина, Николая II, Ленина («Красное Колесо»), Сталина («В круге первом»), Г.К. Жукова («На краях»), Писателя («Абрикосовое варенье», под Писателем подразумевался А.Н. Толстой) и др. На эту особенность его героев обращали внимание и исследователи, и рядовые читатели. С этим соглашался и сам Солженицын. Необычной показалась критикам

мера авторского присутствия в психологических портретах исторических деятелей. В интервью писатель не раз возвращался к этому.

Вот как, к примеру, объясняется образ Ленина, во всех отношениях очень сложный и важный для Солженицына: «Я не имею задачи никакой другой, кроме создать живого Ленина, какой он был, отказываясь от всех казённых ореолов и казённых легенд. Но это совсем поверхностное утверждение, что я пишу его из себя. Я пишу его только из него, но его, как любого, как Русанова, как Шухова, как любых персонажей, как Яконова в "Круге", Поддуева в "Корпусе", я не могу описать без того, что я сам достиг уже какого-то психологического и житейского уровня, что я могу понять другого человека в его обстановке, в его задачах»[21]. «Как же я осмелюсь историческое лицо создавать из себя? Нет, я создал его из него. Всей его жизнью, из всех его качеств, эпизодов, событий, из него, но только при этом, конечно, я не перестаю быть автором. Моя задача – сделать его живым, каким он был, но поскольку я автор, то, конечно, понимание его психологии, его партийной психологии, основывается на том, что я всю историю партии изучал, и жил в этой стране, и знаю коммунизм»[22].

При изучении авторской «субъективности» в характерах исторических персонажей у Солженицына особенно важна мысль А.П. Скафтымова о «сообщающихся сосудах», о преломлении биографического опыта в свет художественного образа. Субъективность писателя – не искажение объективности, а ещё одно (и очень важное!) средство достижения исторической объективности.

Интуитивному построению и соединению документального и художественного Солженицын доверяется не только в обрисовке героев, но и при продумывании хода событий. «И я невольно, изучая материалы, почувствовал и всю Европу в то время, почувствовал, как Европа погубила сама себя – войною, вступивши в войну»[23]. Качество интуитивного метода сопряжено с невероятной памятью Солженицына, вобравшей и собравшей историю русской революции и историю ГУЛага через воспоминания его узников и жертв: «Весь сосредоточенный интерес жизни в лагере был у меня – расспрашивать людей, что-нибудь знающих о революции. И так я всё собирал, не имея никакой возможности записывать. Я и не предполагал, какие огромные возможности заложены в нашей памяти. <…> В памяти – без всякой записи, когда я не мог ничего записывать, – так много укладывается, такой обильный материал. <…> …сохранять материал… Надо было изобрести, как его сохранять, найти место хранения»[24].

«Тоннельный эффект интуиции» является ключевым способом соединения документального, биографического и художественного в 10-томном «Красном Колесе», обозначенном Солженицыным не только как «повествованье в отмеренных сроках», но именно как «художественное исследование»: «Это применение всех художественных средств для того, чтобы глубже проникнуть в исторические события. … То есть цель моя – восстановить историю в её полноте, в её многогранности. Для этого, однако, приходится применять ви́дение, глаз художника, потому что историк пользуется только фактическими, документальными материалами, из которых значительная часть уничтожена, пользуется показаниями свидетелей, которые почти все убиты, и он ограничен в возможностях проникнуть в суть событий. Художник может глубже и больше увидеть благодаря пронзающей силе этого метода – художественного видения»[25].

Важный аспект изучения документального и художественного в творчестве Солженицына – особенности автобиографизма его произведений. Мира Геннадьевна Петрова, редактор текстов Солженицына, так пишет в комментариях к роману «В круге первом»: «Автобиографические и романные линии переплелись, как корневище могучего дерева, и провести между ними границу почти немыслимо. Поэтому повествование о творческой истории "Круга" будет неминуемо восходить к биографической эпопее самого автора. Следуя за логикой фактов и не оступаясь в эссеистику, исследователь должен охватить три круга проблем: биографических, творческих и текстологических»[26]. В приложении к академическому изданию «Круга первого» М.Г. Петрова подробнейшим образом показывает переплетение документальных, биографических и художественных элементов в творческом процессе Солженицына.

Необходимость поиска новых форм и способов подачи материала Солженицын объясняет, прежде всего, требованием времени: «… это горькая необходимость нашей горькой жизни, что мы не можем отдаться художественному творчеству, каждую минуту не касаясь общественных, социальных, политических проблем»[27]. И в этом проявляется глобальное мышление писателя, наблюдения которого в последнее время всё чаще подтверждают свой провидческий характер.

Исследование творчества А.И. Солженицына в контексте XX века подводит нас к мысли, что скафтымовское определение «художник и человек в одном лице» *прямо* соотносимо с эстетическим кредо А.И. Солженицына. Более опосредованно, но не менее продуктивно скафтымовский подход может быть применён к изучению творчества «оппонента» Солженицына – В.Т. Шаламова, с его манифестом о «новой прозе», о литературе после Освенцима. Отечественная проза второй половины XX в. при её генетическом рассмотрении являет собой исключительное многообразие «раздваивающегося, но не раздвоенного» мира «художника и человека в одном лице». Это сложное единство эстетически всё более привлекательно и для современного читателя. А.И. Солженицын, пройдя сложный жизненный путь, своими произведениями воспитал нового читателя, жаждущего исторической достоверности, но при этом помнящего «задачу ощутить "дистанцию"»

между автором и «живущими, страдающимися и ошибающимися героями»[28].

Примечания

1 Статья подготовлена в рамках исследования по Гранту Президента России. Проект МК-776.2009.6.

2 *Скафтымов А.* К вопросу о соотношении теоретического и исторического рассмотрения в истории литературы // Русская литературная критика. Саратов, 1994. Вып. 3. С. 147–148.

3 *Солженицын А.* Телеинтервью на литературные темы с Н.А. Струве, март 1976 // Солженицын А. Собр. соч.: в 9 т. М., 2001. Т. 7. С. 209–210.

4 Там же. С. 210.

5 *Солженицын А.* [Вступительное слово к «Литературной коллекции»] // Новый мир. 1997. № 1. С. 195.

6 *Солженицын А.* Бодался телёнок с дубом. Очерки литературной жизни // Новый мир. 1991. № 6. С. 39.

7 *Солженицын А.* Телеинтервью на литературные темы с Н.А. Струве. С. 204.

8 *Солженицын А.* Беседа со студентами-славистами в Цюрихском университете (20 февраля 1975) // Солженицын А. Публицистика: в 3 т. Ярославль, 1996. Т. 2. С. 211.

9 *Солженицын А.* Телеинтервью компании Би-Би-Си в связи с выходом книги «Ленин в Цюрихе», Лондон, 25 февраля 1976 // Солженицын А.И. Собр.соч.: в 9 т. Т. 7. С. 179.

10 *Солженицын А.* Телеинтервью на литературные темы с Н.А. Струве. С. 206–207.

11 *Солженицын А.* Беседа со студентами-славистами в Цюрихском университете. С. 220.

12 *Солженицын А.* Телеинтервью на литературные темы с Н.А. Струве. С. 208–209.

13 *Солженицын А.* Ответы на вопросы М.Г. Петровой, 24.12.04 // Солженицын А. В круге первом. М., 2006. С. 625. (Серия «Литературные памятники»).

14 *Солженицын А.* Телеинтервью компании Би-Би-Си в связи с выходом книги «Ленин в Цюрихе». С. 180.

15 *Солженицын А.* Телеинтервью на литературные темы с Н.А. Струве. С. 212.

16 *Солженицын А.* Интервью с Бернаром Пиво для французского телевидения, Кавендиш, 31 октября 1983 // Солженицын А. Собр. соч.: в 9 т. Т. 7. С. 350.

17 *Солженицын А.* Телеинтервью на литературные темы с Н.А. Струве. С. 221.

18 *Солженицын А.* Телеинтервью компании Би-Би-Си в связи с выходом книги «Ленин в Цюрихе». С. 179.

19 *Солженицын А.* Интервью с Даниэлем Рондо для парижской газеты «Либерасьон», Кавендиш, 1 ноября 1983 // Солженицын А. Собр.соч.: в 9 т. Т. 7. С. 384.

20 Там же.

21 *Солженицын А.* Телеинтервью на литературные темы с Н.А. Струве. С. 210.

22 Там же. С. 212.

23 *Солженицын А.* Интервью с Даниэлем Рондо для парижской газеты «Либерасьон». С. 374.

24 *Солженицын А.* Телеинтервью на литературные темы с Н.А. Струве. С. 200–201.

25 *Солженицын А.* Телеинтервью компании Би-Би-Си в связи с выходом книги «Ленин в Цюрихе». С. 178.

26 *Петрова М.* Судьба автора и судьба романа // Солженицын А. В круге первом. М., 2006. С. 629. (Серия «Литературные памятники»).

27 *Солженицын А.* Телеинтервью компании Би-Би-Си в связи с выходом книги «Ленин в Цюрихе». С. 185.

28 *Солженицын А.* Ответы на вопросы М.Г. Петровой. С. 622.

УДК 821.161.1.09 + 929 Улицкая

ЭПИГРАФ КАК ФОРМА ДИАЛОГА АВТОРА И ЧИТАТЕЛЯ: НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Л. УЛИЦКОЙ «КАЗУС КУКОЦКОГО»

С.А. Ишекова

Саратовский государственный университет
E-mail: s-anatolievna@yandex.ru

Рассматривается эпиграф как форма диалога автора и читателя, необходимая для реализации повествовательных стратегий в романе. Актуализация эпиграфа помогает читателю не только понять замысел произведения, но и включиться в сотворчество.
Ключевые слова: эпиграф, повествование, реальный читатель, идеальный читатель, диалог.

The Epigraph as a Form of Dialogue of the Author and the Reader: Based on «Kukotsky Mishap» by L. Ulitskaya

S.A. Ishekova

The article deals with the epigraph as a form of dialogue between the author and the reader that is essential for the realization of narrative strategies in a novel. The implementation of the epigraph helps the reader not only to understand the message of the work, but allows him to join in co-creating.
Key words: epigraph, narration, actual reader, ideal reader, dialogue.

Изучение эпиграфа позволяет, с одной стороны, рассуждать об авторе художественного произведения, о той авторской программе воздействия на читателя, которую он избирает, с другой стороны – не только об «идеальном» читателе, который способен понять этот замысел, но и о «реальных» читателях и интерпретациях произведения, а также о самом тексте произведения, без которого разговор автора с читателем невозможен. Обратившись к роману «Казус Кукоцкого», мы хотели бы рассмотреть эпиграф – цитату из книги Симоны Вейль «Тяжесть и благодать»:

© С.А. Ишекова, 2010

«Истина лежит на стороне смерти» – как зону начала диалогического взаимодействия автора и адресата, иными словами, проанализировать основную функцию эпиграфа – «сориентировать читателя, дать ему направление для понимания и интерпретации произведения»[1]. Поскольку любой эпиграф, представляя собой цитату, предпосланную автором сочинению или его части, рассчитан на восприятие также и того контекста, из которого извлечен, нужно сказать несколько слов о книге С. Вейль «Тяжесть и благодать».

Друг Симоны Вейль Гюстав Тибон издал «Тяжесть и благодать» в 1947 г. спустя три года после ее смерти[2]. Поэтому к моменту выхода в свет романа «Казус Кукоцкого» имя французской мыслительницы было широко известно за рубежом. Гюстав Тибон собрал в книге наиболее значительные из дневниковых записей («Марсельские тетради»), доверенных ему Вейль[3]. В книге отражены ее поиски источников энергии, позволяющей стремиться не к спасению, не к утешению в мыслях о загробной жизни, но к радости послушания, принятия Креста. Размышления Вейль о том, как, испытывая трудности и несчастья, не причинить зло не только другому, но и собственному представлению о мире, оказались интересными католикам и протестантам, атеистам и агностикам.

Ее духовный опыт не потерял своей актуальности для зарубежного читателя в конце XX – начале XXI в. Подтверждением этому становится и публикация многотомного собрания сочинений в издательстве «Галлимар», и тот факт, что во Франции именем Симоны Вейль названы улицы, школы и лицеи. Но прежде всего об интересе к наследию Вейль говорят полемические статьи ученых – «ответы» философу, в которых исследователи, даже находя пробелы и неточности в суждениях С. Вейль, всегда с восхищением отмечают ее священную потребность – потребность в правде, которой определены и ее тексты, и ее жизнь.

Нам важно сказать о том, что отсылки к идеям Симоны Вейль и творчеству в целом можно найти не только в статьях по философии, истории, социологии и политологии, но и в произведениях художественной литературы. Так, в романе британского писателя Джонатана Коу «Дом сна» (1997) герои на протяжении романа в разные периоды жизни обращаются к книге «Бремя и благодать». Они замечают, что книга написана неудобочитаемым, предельно насыщенным метафорами языком. Вместе с тем в разговорах друг с другом герои не раз цитируют Вейль и пытаются в свете прочитанного осмыслить собственные чувства и события жизни[4]. Они говорят о «Бремени и благодати» как о книге, которую можно раскрыть на любой странице, «в каком бы состоянии вы не пребывали», и найти ответы на вопросы, которые касаются любви и привязанности, утраты и пустоты[5]. Неслучайно в единственном стихотворении, сочиненном героем романа, первая и последняя строчки отсылают к этой книге. Думаем, что такие отсылки вполне понятны зарубежному читателю.

В предисловии к первой российской публикации сочинения С. Вейль «“Илиада”, или Поэма о силе» в журнале «Новый мир» С. Аверинцев пишет о том, что произведения, никогда не предназначавшиеся для печати ей самою, уже изданы и прочитаны как на французском, так и на иностранных языках, но время для восприятия наследия С. Вейль еще не наступило[6]. Ученый отмечает основные вехи ее биографии: учеба в Сорбонне, преподавание философии в лицеях, смерть от недоедания: «Ее жизнь кончилась тем, что она, работая во время войны у де Голля в лондонском штабе французского Сопротивления <…> жестко сокращала свой ежедневный рацион, чтоб не иметь преимуществ перед соотечественниками, томившимися в условиях оккупации»[7]. Не заостряя внимание на ее гражданской позиции (увлечение марксизмом и последующее разочарование в нем, участие в забастовках, гражданской войне в Испании), С. Аверинцев выделяет те мысли, которые были для Симоны Вейль особенно важны: о значении античности для мировой культуры, о духовности труда, об унижающем овеществлении личностного бытия человека под действием Силы – насилия истории, насилия природы. Он подчеркивает, что ее любовь к образу Христа, евангельской духовности находили выражение в аскетизме, в страхе оказаться в привилегированном положении перед кем бы то ни было: «она так и умерла некрещеной. На поверхности было нежелание формально выходить из еврейства, пока продолжаются гитлеровские гонения на евреев. В глубине была боязнь, что место в Церкви – тоже “привилегия”, хотя бы и самая желанная»[8]. После прочтения предисловия, написанного С. Аверинцевым, становится понятным, что жизненный путь Вейль – это бескомпромиссный, неустанный путь поиска истины.

В интервью 2001 г. Л. Улицкая говорит о том, что Симона Вейль жила очень высокой жизнью[9]. Писательница сообщает не только об интересе к личности С. Вейль. Она упоминает о том, что цитата «Истина лежит на стороне смерти» показалась ей близкой словам апостола Павла: «Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу» (1-е к Коринфянам, 13, 12)». Таким образом, попытку в «Казусе Кукоцкого» «найти некоторую точку понимания, которая располагается вне пределов нашей реальности», по мнению Л. Улицкой, можно соотнести с напряженным и трагическим разговором об оценке жизни в книге «Тяжесть и благодать»[10].

С. Вейль в своем дневнике пишет о том, что пустота в душе человека может быть заполнена любовью к Богу, а не верованиями, «подслащающими горечь». Она говорит, что от веры в бессмертие и тех «утешений», которых обычно ищут в религии, нужно избавиться[11]. С. Вейль объясняет это тем, что «воображение, заполняющее пустоту,

ложно по самой своей сути»: «Оно исключает третье измерение, потому что в трехмерном пространстве расположены лишь реальные объекты. Оно исключает множественность отношений»[12].

В романе «Казус Кукоцкого» в тетради Елены Кукоцкой говорится о существовании «третьего состояния». Записывая собственные воспоминания, героиня, «как археолог, вскрывает глубокие пласты», пытаясь понять, что происходит с ней и ее жизнью: «Мне совершенно ясно, что мои потусторонние путешествия во всякие странные места, хоть и нелегальны, но пребывание там не менее реально, чем все то, что окружает нас здесь, где я авторучкой пишу в толстой общей тетрадке, начатой Таней и брошенной в самом начале в связи с окончанием учебного года»[13]. Подобные состояния пугают ее потому, что она не может понять законов перехода к ним, они для нее подобны смерти: «Я не проснулась – я просто не спала. Утренняя мгла, тягостная и неприятная в обыкновенные дни, казалась теперь живым жемчужным светом… А то, что мне было показано там, было отсутствие света, печальное и бесприютное место. Это была она, сень смертная…»[14].

Когда читатель во второй главе сталкивается с описанием мира, в котором пространство изменчиво, а время множится, распадается на несколько времен, ему, тем не менее, не может показаться, что это продолжение тетради Елены. В тетради было передано беспокойство, тревога, вызванная отсутствием памяти героини. Во второй части романа речь идет о героине, которая почувствовала себя Новенькой духовно и физически: «Все было совершенно правильно, хотя и совсем не похоже на то, к чему она так долго готовилась. Все происходящее не соответствовало ее забытым теперь ожиданиям, шло вразрез и с лубочными представлениями церковных старух, и со сложными построениями разнообразных мистиков и визионеров, но зато согласовывалось с ранними детскими предчувствиями. <…> она наслаждалась легкостью собственного шага, огромности обзора, дивной согласованности тела и мира, раскинувшегося вокруг нее»[15].

Теперь повествование строится от третьего лица, а пространственные точки зрения меняются от повествователя к другим героям: Новенькой, Иудею, Бритоголовому. Заметим, что персонажей с такими именами не было в первой части.

В первой тетради Елены переданы ее ощущения от переживания состояний в местах с иными системами координат, а во второй части романа герои неожиданно для себя оказываются в подобном месте и существуют в нем. Обратим внимание на то, что роман первоначально назывался «Путешествие в седьмую сторону света». Отказавшись от этого названия, автор делает переход к повествованию об этом путешествии еще более неожиданным и даже неправдоподобным. Для создания такого эффекта на читателя используется повествовательная стратегия «текст в тексте» – вставной рассказ, сюжет которого прямо не связан с основным текстом произведения. Художественный эпизод оказывается объединенным с другими частями произведения не только героями, но и проблемой человеческого пути, поиска свободы и правды героями. Показанный автором нематериальный мир второй части романа «Казус Кукоцкого» все-таки обладает собственными законами, главные из которых – бесстрашие и желание двигаться вперед. Некоторым героям (профессор, манекен) не удается заново «обрести себя», так как они не могут отказаться от страха перед смертью, смириться с ней. Другим же открываются и гармония, и красота, и любовь.

Таким образом, повествование первой части о событиях в жизни врача Павла Кукоцкого и членов его семьи прерывается и возобновляется лишь в третьей части. Герои во второй части представлены в непривычном пространстве, времени, под незнакомыми именами, которые в ходе повествования соотносятся с их именами в первой части. Первым узнает о собственном имени Иудей – Илья Иосифович, потом Бритоголовый – Павел Алексеевич и Новенькая – Елена Кукоцкая. Кроме того, в этой же части автор показывает героев, которые еще не представлены читателю, опережая повествование (музыкант Сергей, его отец – профессор и даже неродившийся правнук Павла Алексеевича).

Можно сказать, что перед нами тот случай, когда «в программе воздействия автора, рассчитывающего на воображение читателя», используется «так называемая трудная форма – стилевая доминанта, предполагающая, однако, что читатель поймет смысл, заполнит пробелы и в целом прочтет произведение в соответствии с концепцией автора»[16].

Диалог между автором и читателем как полноправным участником эстетической коммуникации в романе «Казус Кукоцкого» оказывается сложным, но возможным, так как автор выбором эпиграфа подсказывает направление для понимания и интерпретации романа.

У реальных читателей (судя по откликам в Интернете) симпатии не вызвали ни поиски цели и смысла жизни Тани Кукоцкой, ни правдолюбие и принципиальность ее отца, ни пограничные состояния Елены, в которых той открываются недоступные в реальной жизни истины. Они признаются в своих рецензиях, что не поняли роман, в котором мрачные описания советской эпохи сочетаются со сном и бредом. Фраза «истина лежит на стороне смерти» показалась мрачной, говорящей о тщетности человеческих исканий и всего земного существования тем, кто не был знаком с творчеством С. Вейль.

Дело в том, что после публикации «“Илиады”, или Поэмы о силе» в 1990 г. до выхода следующей книги С. Вейль «Укоренение» прошло десять лет. В небольшой рецензии к последней книге, опубликованной в журнале «Континент», отец Георгий

Чистяков пишет о том, что помимо составителя Константина Сигова, переводчика книги и Сергея Аверницева ее выхода ждали только два-три человека, остальным же имя Симоны Вейль в России почти незнакомо[17]. После «Укоренения» на русском языке были опубликованы эссе Сьюзен Зонтаг и Чеслава Милоша о трагических противоречиях в жизни и творчестве философа, написанные ими в 1960-е годы. Но книга «Тяжесть и благодать», с которой Л. Улицкая познакомилась в самиздатовской версии, стала доступна широкому кругу читателей только спустя восемь лет после выхода романа «Казус Кукоцкого».

Можно предположить, что идеальный читатель Л. Улицкой – тот же самый, что и будущий читатель С. Вейль, о котором говорил С. Аверинцев.

Примечания

1 Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. М., 2008. С. 306.

2 *Ликвинцева Н.* «Тяжесть и благодать»: История книги // Вейль С. Тяжесть и благодать. М., 2008. С. 11.

3 Там же.

4 *Коу Д.* Дом сна. М., 2008. С. 195.

5 Там же. С. 373.

6 *Вейль С.* «Илиада», или Поэма о силе // Новый мир. 1990. № 6. С. 249.

7 Там же.

8 Там же. С. 250.

9 URL: http://exlibris.ng.ru/fakty/2001-12-20/1_ulickay.html (дата обращения: 30.08.10).

10 Там же.

11 *Вейль С.* Тяжесть и благодать. М., 2008. С. 42.

12 Там же. С. 46.

13 *Улицкая Л.* Казус Кукоцкого. М., 2009. С. 125.

14 Там же. С. 122.

15 Там же. С. 219.

16 *Чернец Л.* «Как слово наше отзовется…» Судьбы литературных произведений: учеб. пособие. М., 1995. С. 51.

17 *Чистяков Г.* Бога никто выдумать не может // Континент. 2004. № 119. С. 346.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алтынбаева Гульнара Монеровна – кандидат филологических наук, ассистент кафедры новейшей русской литературы Саратовского государственного университета. E-mail: gulnarama@gmail.com

Артамонова Лилия Николаевна – аспирант кафедры романских языков Ульяновского государственного университета. E-mail: lilyart11@mail.ru

Байкулова Алла Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и речевой коммуникации Саратовского государственного университета. E-mail: allabay15@mail.ru

Бульина Юлия Владимировна – аспирант кафедры русского языка и речевой коммуникации Саратовского государственного университета. E-mail: BulinaJV@yandex.ru

Викторова Елена Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Саратовского государственного университета. E-mail: helena_v@inbox.ru

Горбатов Михаил Александрович – кандидат филологических наук, документовед учебно-научной лаборатории «Кабинет фольклора им. проф. Т.М. Акимовой» кафедры истории русской литературы и фольклора Саратовского государственного университета. E-mail: arctos@yandex.ru

Дегальцева Анна Владимировна – аспирант кафедры русского языка и речевой коммуникации Саратовского государственного университета. E-mail: deganna@mail.ru

Евтушенко Ольга Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и теории словесности Московского государственного лингвистического университета. E-mail: ovae@list.ru

Ермилова Юлия Николаевна – ассистент кафедры русской классической литературы и методики преподавания Педагогического института Саратовского государственного университета. E-mail: jul.ermilova@yandex.ru

Еськова Елена Геннадьевна – аспирант кафедры русской и классической филологии Саратовского государственного медицинского университета им. В.И. Разумовского. E-mail: rusclasphil@mail.ru

Иванча Александра Валерьевна – аспирант кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Саратовского государственного университета. E-mail: agi@inbox.ru

Ившина Татьяна Петровна – докторант кафедры русского языка Московского педагогического государственного университета. E-mail: i.t.p.-56@mail.ru

Ишекова Светлана Анатольевна – аспирант кафедры общего литературоведения и журналистики Саратовского государственного университета. E-mail: s-anatolievna@yandex.ru

Курило Юлия Игоревна – аспирант кафедры теории и истории литературы Педагогического института Саратовского государственного университета. E-mail: kurilo-yuliya@yandex.ru

Петрушина Анна Александровна – аспирант кафедры зарубежной литературы и журналистики Саратовского государственного университета. E-mail: seecow@mail.ru

Романова Юлия Андреевна – соискатель кафедры зарубежной литературы и журналистики Саратовского государственного университета. E-mail: kamille.ru@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Altynbaeva Gulnara Monerovna – Candidate of Philological Sciences, Assistant, Chair of the Contemporary Russian Literature, Institute of Philology and Journalism, Saratov State University. E-mail: gulnarama@gmail.com

Artamonova Liliya Nikolayevna – Graduate student, Chair of Romanic Languages, Ulyanovsk State University. E-mail: lilyart11@mail.ru

Baikulova Alla Nikolayevna – Candidate of Philological Sciences, Docent, Chair of the Russian Language and Speech Communication, Institute of Philology and Journalism, Saratov State University. E-mail: allabay15@mail.ru

Bulyina Yuliya Vladimirovna – Graduate student, Chair of the Russian Language and Speech Communication, Institute of Philology and Journalism, Saratov State University. E-mail: BulinaJV@yandex.ru

Viktorova Yelena Yuryevna – Candidate of Philological Sciences, Docent, Chair of the English Philology, Institute of Philology and Journalism, Saratov State University. E-mail: helena_v@inbox.ru

Gorbatov Mikhail Aleksandrovich – Candidate of Philological Sciences, document manager of the scientific and educational laboratory «Folklore study room named after Professor T. M. Akimova», Chair of the History of the Russian Literature and Folklore, Institute of Philology and Journalism, Saratov State University. E-mail: arctos@yandex.ru

Degaltseva Anna Vladimirovna – Graduate student, Chair of the Russian Language and Speech Communication, Institute of Philology and Journalism, Saratov State University. E-mail: deganna@mail.ru

Yevtushenko Olga Valeryevna – Candidate of Philological Sciences, Professor, Chair of the Russian Language and the Theory of Philology, Moscow State Linguistic University. E-mail: ovae@list.ru

Yermilova Yuliya Nikolayevna – Assistant, Chair of the Russian Classical Literature and the Methods of Teaching, Teacher Training Institute, Saratov State University. E-mail: jul.ermilova@yandex.ru

Yeskova Yelena Gennadyevna – Graduate student, Chair of the Russian and Classical Philology, Saratov State Medical University named after V. I. Rasumovskiy. E-mail: rusclasphil@mail.ru

Ivancha Aleksandra Valeryevna – Graduate student, Chair of Theory and History of Language and Applied Linguistics, Institute of Philology and Journalism, Saratov State University. E-mail: agi@inbox.ru

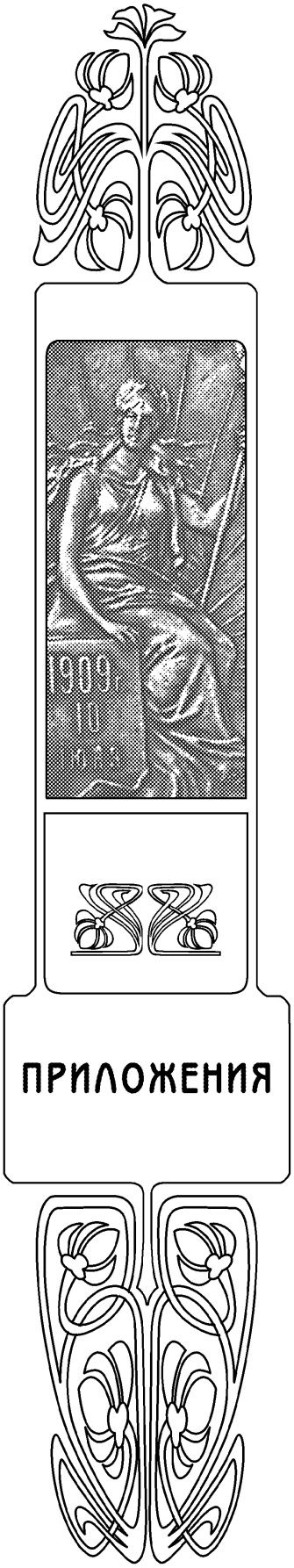
Ivshina Tatyana Petrovna – Doctoral student, Chair of the Russian Language, Moscow State Teacher Training University. E-mail: i.t.p.-56@mail.ru

Ishekova Svetlana Anatolyevna – Graduate student, Chair of General Literary Criticism and Journalism, Saratov State University. E-mail: s-anatolievna@yandex.ru

Kurilo Yuliya Igorevna – Graduate student, Chair of the Theory and History of Literature, Teacher Training Institute, Saratov State University. E-mail: kurilo-yuliya@yandex.ru

Petrushina Anna Aleksandrovna – Graduate student, Chair of the Foreign Literature and Journalism, Saratov State University. E-mail: seecow@mail.ru

Romanova Yuliya Andreevna – Associate teacher, Chair of the Foreign Literature and Journalism, Saratov State University. E-mail: kamille.ru@mail.ru



Подписка на I полугодие 2011 года
Индекс издания по каталогу ОАО Агентства «Роспечать» 36011,
раздел 15 «История. Филология».
Журнал выходит 4 раза в год.

Подписка оформляется по заявочным письмам
непосредственно в редакции журнала.
Заявки направлять по адресу:
410012, Саратов, Астраханская, 83.
Редакция журнала «Известия Саратовского университета».
Тел. (845-2) 52-26-85, 52-50-04; факс (845-2) 27-85-29;
e-mail: izdat@sgu.ru

Каталожная цена одного выпуска 600 руб.